

№10 (64)
ОКТАБРЬ

2018

Литературный журнал

СИМБИРСКЪ

12+

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
основная подписка
на первое полугодие
2019 года

Индекс 54516

Цена подписки:
1 мес. - 91,00 руб.
6 мес. - 546,00 руб.

Стихи о войне и Победе.
К 95-летию поэта-воина
Игоря Григорьева

стр. 10-15

«Киселёвские зори.
Сохраняя культурное
наследие».
Пленэр - 2018

стр. 55-57

«Верлибр есть отражение
души». Интервью с Верой
Липатовой

стр. 60-62

Прощание с писателем.
Памяти Николая Коняева

стр. 85-88

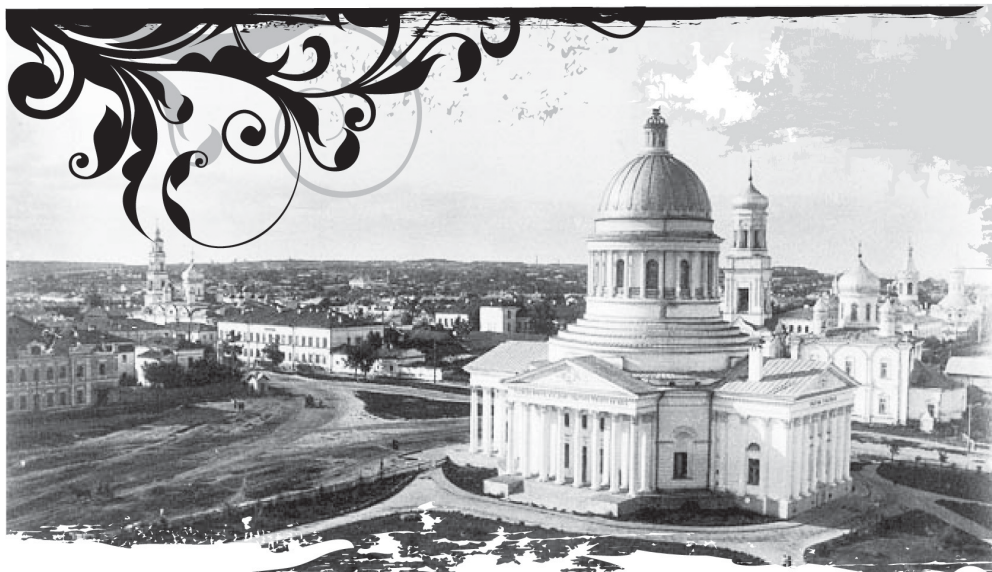

СИМБИРСКЪ

№10 (64)
ОКТАБРЬ
2018

Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ»

Содержание

«Вот и птицам пора собираться...»

Литературное наследие

Ольга Даранова. Горький и Симбирск 4-9

Дороги памяти военной

К 95-летию Игоря Григорьева. Наталья Советная. «И врага любить,
и милость к падшим звать...» 10-12
Игорь Григорьев. Стихи из книги «Набат» 13-15

Всё живое

Камиль Зиганшин. Возвращение россомахи 16-42

С любовью ко всему родному

Виктор Егоров. Певец волжских зорь.
Художник Виктор Пятницкий 43-48

Цветная вкладка

Картины Виктора Пятницкого 49-52
Фотографии Виктора Егорова. Сенгилеевские пейзажи 53-54
Пленэр «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие» 55-57
Владимир Дворянсков. Две версии, или Сенгилеевские горы 58-59

Свободные стихи

«Верлибр есть отражение души». Интервью с Верой Липатовой 60-62

Страна Поэзия

Алексей Ланцов. Письмена листопада. Стихи.
Вступительное слово В. Липатовой 63-67
Татьяна Толоконникова. «Осенним взглядом провожая лето...».
Поэтическая площадка в сквере Карамзина 68-69

Молодые голоса

«Это осени вдохновенье...».
Стихи молодых авторов: С. Алькиной, М. Бессонова, М. Богдан,
М. Васильева, Ж. Кобзевой, С. Скуратовского 70-72

Дорога к храму

Валентин Курбатов. Наше небесное Отечество. (Продолжение) 73-84

Память сердца

Ольга Шейпак. Прощание с писателем. Памяти Николая Коняева 85
«Без читателя не останемся...»
Интервью Николая Коняева «ЛП» 86-88
Нина Маркграф-Орлова. Вот и мне 88-88

Юбилейный календарь

Юбиляры ноября. Подготовил Николай Марянин 89-96

Внимание! Теперь читать любимые издания стало возможным с монитора компьютера, экрана телефона и планшета! С марта 2017 года можно оформить не только почтовую, но и электронную подписку на газеты «Ульяновская правда», «Народная газета», «Чемпион» и журналы «Мономах», «Симбирскъ», «Симбик». Подробности, цены и пошаговая инструкция на информационном портале ulpravda.ru. Электронная подписка – оперативно, современно, выгодно!

ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ

можно тремя способами:

1) Подпишитесь на почте

и журнал принесут вам домой:

– цена на 6 мес. – 528,00 руб., индекс издания 54516

– цена на 12 мес. – 1057,00 руб., индекс издания 54526

2) Подпишитесь в редакции и заберите журнал сами

по адресу: г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11;

пр-т. Ленинского Комсомола, 41, ком. 204 (Новый город).

(цена на 6 мес. – 348,00 руб).

г. Димитровград, ул. Юнг Северного флота, 107

(тел. 884(235) 3-26-49)

3) Подпишитесь через ООО «Урал-Пресс Поволжье»

(тел. 41-01-41)

Журнал «Симбирскъ» можно приобрести

в киосках «Симбирская печать»

и в отделе распространения по адресу:

ул. Пушкинская, 11.

По всем вопросам подписки

на журнал (в том числе альтернативной) можно

проконсультироваться по телефону

41-04-32

Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.

Авторы несут ответственность за достоверность предоставленных материалов.

Мнения автора и редакции могут не совпадать.

При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Главный редактор
Елена Викторовна Водкина
(Кувшинникова)
E-mail: karamtz_sad@mail.ru
Телефон 89603693212

Редакционный совет:

Председатель – Владимир Лучников

Владимир Артамонов

Александра Белова

Ольга Даранова

Александр Лайков

Виктор Малахов

Светлана Матлина

Николай Марянин

Ольга Шейпак

Юрий Шерстнев

Татьяна Эйхман

Издание осуществлено при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Издатель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».
Адрес издателя, адрес редакции:
г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11.

Подписано в печать 11.10.2018 г.

Дата выхода 19.10.2018 г.

Тираж 700 экз. Заказ №255.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Сити Принт», 610040, г. Киров,
ул. Мостовая, 32/16, т. (8332) 228-297,
сайт: www.printtown.ru

© Литературный журнал «СИБИРСКИЙ» №10 (64), 2018

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Ульяновской области
ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное
учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Корректоры – Ольга Абрамова.

На обложке: фотография Александра Четвёркина.

На обороте обложки: фотография Евгения Софронова.
Феерия мухоморов.

«ВОТ И ПТИЦАМ ПОРА СОБИРАТЬСЯ...»

В октябрьском номере – стихи и проза, заметки о культурных событиях и краеведческие статьи.

В 2018 году общественность отмечала юбилей Алексея Максимовича Горького.

Тема творческих и биографических связей большого писателя с Симбирским краем давно интересует краеведов. Читайте статью Ольги Дарановой «Горький и Симбирск». В рубрике «Дороги памяти военной» продолжаем знакомить читателей с жизнью и творчеством поэта-фронтовика Игоря Григорьева.

В этом номере читайте окончание полюбившейся многим повести Камиля Зиганшина «Возвращение росوماхи».

В рубрике «С любовью ко всему родному» Виктор Егоров рассказывает о драматической судьбе сенгилеевского художника-пейзажиста Виктора Пятницкого. Несмотря на все тяготы жизни, он умел быть счастливым, занимаясь любимым делом, вдохновляясь природой. «Счастье видеть эту красоту, радоваться каждому рассвету, провожать закат с надеждой, что завтрашний день снова принесет радость общения с ней, делиться этой красотой с другими, не это ли счастье для художника?».

Помнят живописца земляки. Недаром и состоявшийся в Сенгилее пленэр «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие» был посвящен не только юбилею великого Аркадия Пластова, но и 110-летию Виктора Пятницкого. Читайте на страницах журнала заметки об итогах работы Всероссийской передвижной творческой школы. На цветной вкладке – фотоотчет об этом событии.

К 70-летию со дня рождения ульяновского поэта Владимира Дворянского (1948 – 2016) публикуем его эссе «Две версии». Сенгилеевская земля была родной для писателя.

Гость «Симбирска» – поэт, доктор педагогических наук Вера Липатова. Публикуем интервью «Верлибр есть отражение души» и надеемся, что наши поэты откликнутся на предложение Веры Липатовой провести в Ульяновске зимний фестиваль верлибра.

Осень вступила в свои права. И осенняя тема

отчетливо слышна в стихах и прозе.

В рубрике «Страна поэзия» читайте подборку стихов Алексея Ланцова «Письмена листопада». Поэт современного русского зарубежья (Финляндия) минувшим летом приезжал в Ульяновск, был гостем редакции журнала «Симбирскъ», выступил на поэтических площадках города.

«Осенним взглядом провозжая лето...», мы вспоминаем о его ярких страницах. Каждое воскресенье в Карамзинском сквере звучали стихи. Об этом рассказывает Татьяна Толоконникова. Поэтическую тему продолжает публикация подборки стихов молодых поэтов «Это осени вдохновенье».

В рубрике «Юбилейный календарь» Николай Марянин рассказывает о юбилеях ноября.

В этом выпуске журнала завершаем публикацию книги Валентина Курбатова «Наше небесное Отечество». Мы следуем за писателем в его путешествиях по святым местам, прислушиваемся к его мудрым размышлениям.

«Счастье не кричит о себе и не сознает себя таковым, но со стороны ты видишь только его – простое чудо повседневной жизни, где все на месте, где нет «сквозняков» и «ветров перемен», где все стоит как сто лет назад и человек знает свое место в мире, и что на его место никто не посягнет: живи, работай, радуйся плодам своих трудов, своему Богу».

Несомненно, есть и в нынешней литературе имена современных классиков.

Памяти писателя Николая Коняева посвящена публикация Ольги Шейпак. Здесь же воспроизводим интервью Н. Коняева, опубликованное в 2014 году в «Литературной газете». Он считал, что «самая интересная для писателя тема – тема спасения человеком своей души».

Подлинный писатель наделен даром слова.

*...И когда этих слов вереница
Пробежит по душе словно ток,
Начинаешь невольно молиться
И оцупываешь страницы,
И влагаешь персты между строк. (А. Ланцов)*

Елена КУВШИННИКОВА

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В 2018 году культурная общественность отмечала юбилей Алексея Максимовича Горького (16 (28) марта 1868 – 18 июня 1936).

Тема творческих и биографических связей большого писателя с Симбирским краем давно интересует краеведов.

Ольга ДАРАНОВА, ученый секретарь ОГБУК «Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека имени В.И. Ленина»

ГОРЬКИЙ И СИМБИРСК

К вопросу о связях Горького с Симбирской губернией. По материалам Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина и Государственного архива Ульяновской области

Тема «Горький и Симбирск» на протяжении ряда лет интересовала ульяновских ученых и краеведов. В свое время этой темой занимались библиограф, краевед Н.Н. Столов, краевед, журналист К.А. Селиванов, кандидат филологических наук, преподаватель Ульяновского педагогического института имени И.Н. Ульянова, краевед П.С. Бейсов, статьи о связях Горького с нашим краем публиковали журналисты В. Кириллов, Г. Яшин, Ф. Галимов, З. Грен, А. Иванов. В. Онежский.

В основном этот пласт исследований осуществлен и опубликован в советское время, в 1950 – 1960-е годы, когда жизнь и деятельность Горького

Горький и Скиталец

воспринималась прежде всего как «буревестника революции», пламенного борца за освобождение народа, глашатая социалистических преобразований. Все публикации о нем исполнены духом революционной борьбы.

Практически во всех исследованиях подчеркивается тот факт, что жизнь и деятельность Горького кровно связана с Поволжьем: Нижним Новгородом, Казанью, Самарой. Связана она и с Симбирском,

одним из городов Поволжья, исторически имевшим административные узы с Казанью и Самарой.

Как пишет известный симбирский краевед, журналист К.А. Селиванов, «Горький свыше тридцати лет дышал речным волжским воздухом.

Родившийся на великой русской реке, он посудником плавал на пароходе, ходил на плотках, прошел берегом от Нижнего до Царицына. Волжские словечки, окающее волжское произношение, любовь к воде и кострам – все это навсегда вошло в жизнь великого писателя. Волга – не только родина Горького, но и родина его творчества».

В 1928 году Николай Столов в газете «Пролетарский путь» опубликовал статью «Максим Горький и Ульяновск», в которой сказано о связях Горького с Симбирском и о его переписке с Н.М. Степным, Скитальцем, М.Д. Беляевым. (См.: Столов Н. Максим Горький и Ульяновск // Пролетарский путь. – 1928. – 29 марта.)

Позже в 1941 году Куйбышевским книжным издательством была издана книга К.А. Селиванова «Русские писатели в Среднем Поволжье», далее следовал ряд публикаций в газетах «Ульяновская правда», «Ульяновский комсомолец», «Ленинец», в журнале «Волга».

В Государственном архиве Ульяновской области хранится машинописный вариант книги П.С. Бейсова «М. Горький в жизни Симбирского края», к сожалению, неизданной, обобщившей опыт исследований по данной теме.

Первое упоминание о связях Горького с Симбирском-Ульяновском, как пишет П.С. Бейсов, имеется в журнале «Былое», в котором в 1918 году была напечатана статья «М. Горький (Материалы, собранные департаментом полиции, с примечаниями М. Горького)». В этой подборке материалов указаны жандармские агентурные сведения по Симбирской губернии о симбирской газете «Жизнь», а также говорится о письме Горького редакции этой газеты.

Спорным остается вопрос, был ли Горький непосредственно в Симбирске, или его пребывание ограничилось симбирской пристанью, как он сам написал об этом в «*Моих университетах*»: «Сvezли нас в лодке к пристаням Симбирска, и мы обошли на берегу, имея в карманах тридцать семь копеек. Пошли в трактир пить чай». В своей книге П.С. Бейсов пишет: «Неизвестно, сколько пробыл Горький в Симбирске, но, кажется, что он уехал на следующий день. О посещении самого города писатель не говорит, в «*Моих университетах*» сказано только о симбирской пристани». Краевед предполагает, что, «...обсыхая на берегу, Горький мог видеть все Подгорье, но почти не видел Симбирска, так как весь скат Симбирской горы от Венца к Волге был покрыт фруктовыми садами, спускавшимися к самой Волге. В этих садах еще были заметны остатки земляных укреплений, возведенных Степаном Разиным при осаде Симбирска в 1760 году. Здесь же были остатки Симбирской крепости, называемой Острогом, захваченной Разиным. Таким образом, Симбирское подгорье, где бережно хранилась в памяти волгарей разинская поэзия, много могло дать юноше Горькому, удовлетворить его естественное и жадное любопытство. О симбирских эпизодах борьбы разинцев Горький пишет в сценарии «Степан Разин».

Тот же П.С. Бейсов утвердительно писал, что Горький в 1880 – 1890-х годах неоднократно бывал в Симбирске, в Ардатове и Сызрани, в селе Архангельском Буинского уезда. Впечатления от этих поездок – в рассказах и повестях «Два босняка»,

«Кража», «Городок Окуров», в сценарии «Степан Разин», в биографических произведениях «В людях», «Мои университеты». Краевед также указывал на переписку Горького с писателями-симбирянами А.С. Неверовым, М.Д. Беляевым, Н.Н. Ильиным (Нилли), Скитальцем, Н.М. Степным, журналистом С.М. Розовым.

Рассмотрим подробнее некоторые факты связей Горького с Симбирской губернией, на которые ссылаются исследователи и сам писатель в своих художественных и публицистических произведениях.

В 1890 году Горький посетил толстовскую колонию в селе Архангельском Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Сурский район Ульяновской области). Об этом он упоминает в очерке «*О вреде философии*»: «Через несколько дней я ушел из Нижнего в Симбирскую колонию толстовцев и, придя туда, узнал – от крестьян – трагикомическую историю ее разрушения». Об этом факте также упоминает и Ф. Галимов: «Мысль посетить эту колонию ему предложил писатель-народник Н.Е. Каронин-Петропавловский, с которым Горький познакомился в 1886 году в Казани». Земледельческие колонии (или «толстовские») были данью времени, возникли они в 1886 году и наибольшего развития достигли в 1890-м. В них воплощались демократические идеи народничества о просветительской роли интеллигенции. Одна из таких колоний была создана в селе Архангельском Симбирской губернии. Идеологом этих колоний был писатель А.Е. Каронин-Петропавловский. Горький встретился с ним, но Каронин к этому времени уже разочаровался в этой иллюзии жизни «с людьми-друзьями, о жизни без начальства, без хозяев, без унижений». Писатель в это время работал над очерком «Борская колония», где он описывал историю Симбирской колонии толстовцев, историю о том, как, по его словам, «пустыки одолели людей и разрешились в драму». Чтобы «излечиться от этих судорог», Каронин посылает Горького в Симбирскую колонию, чтобы тот сам все увидел и услышал. Ехал в колонию Алексей Пешков по Суре, через Ардатов, о котором у него сказано в рассказе «Кража», а затем по реке Барыш. О том, что представлял собой в то время Буинский уезд, пишет П.С. Бейсов: «...в Буинском уезде были развиты лесные промыслы: изготовление мочал, лубков, корыт, колод, лопат и прочего. На весь уезд была одна суконая фабрика – Баишевская. Было свыше десяти базаров, две ярмарки – Киятская и Покровская. Население преимущественно чуваша, татары, мордва. Русские составляли одну шестую часть населения. Почти все население занималось хлебопашеством и оседлыми промыслами. Другими словами, Буинский уезд, по сравнению с остальными уездами губернии, захваченными промышленным развитием, отхожими промыслами, торговлей, сохранял «стройность» и «цельность» крестьянской патриархальной жизни».

О Борской колонии, прообразом которой послужила Симбирская колония толстовцев, Горький говорит и в статье «*Разрушение личности*» (1909). «Драма этих колоний, – пишет Горький, – началась почти с первых дней их основания: как только группа устремленных к «опрощению» людей начинала устраиваться «на земле» – в каждом из них

разгоралось зеленым огнем болезненное, истерическое ощущение своей «самости» и «ячности».

На недельное пребывание Горького в Сызрани ссылается также П.С. Бейсов. В переписке Горького есть упоминание о Сызрани, относящееся к 1912 году. В письме к известному историку литературы С.А. Венгеру, запросившему библиографические сведения о жизни и деятельности Горького, писатель ответил: «Могу указать, что в Сызрани в 1911 году издан «Библиографический листок», частью посвященный перечню книг и статей обо мне».

В собирательном образе городка Окурова также угадывается Симбирск. Его характеристика основывается у Горького на знании жизни тех уездных губернских городов, которые Горький видел во время своих скитаний по России. Об этом сказал сам писатель в письме к П.Х. Максиму от 18 августа 1911 года: «...Вы говорите: «не видал Окурова, у нас на юге таких городов нет». Знаю, что ваши Окуровы поживее наших, но больше таких, как наши, их свыше 800. Да к ним же отнесите города, подобно Симбирску, Пензе, Рязани, Калуге – много их. И заключены в них великие миллионы русских людей».

Судя по очерку «Два босяка», опубликованному в 1894 году в «Самарской газете» и вошедшему позднее в его полное собрание сочинений, симбиряне встречаются писателю в самых неожиданных местах во время скитаний по Руси. В Севастополе симбирские мужики просят к землекопу взять их на работу. Очевидно, голод, разоренье гнало крестьян в поисках работы с насиженных мест в разные уголки России.

Город Алатырь упоминается в рассказе «Кража» (1913). В нем речь идет об Алатырском монастыре, стоящем на реке Суре, и о его священнослужителях, «утешителях» страждущих. Как пишет краевед П.С. Бейсов, «...Алатырь считался одним из лучших уездных симбирских городов после Сызрани как по богатству населения, так и по внешнему виду. Монастырь имел свои чудотворные иконы Казанской Божией Матери и Спаса Нерукотворного <...> Горький называл икону «магнитом монастыря». Она ежегодно притягивала тысячи богомольцев. Деньги от богослужений шли на нужды монастыря, где «спасалось» свыше 500 «утешителей». Один из них и является главным действующим лицом рассказа «Кража».

В 1921 году Горький написал сценарий «Степан Разин». Разинская тема волновала писателя давно. В сценарии есть сцены осады Симбирска и разгрома разинцев, расправы князя Борятинского с бунтовщиками на берегу Волги. В основе эпизода «Персидская княжна» лежит песня поэта-симбирянина Д.Н. Садовникова «Из-за острова на стрежень».

Отдельные факты, характеризующие Симбирск, встречаются во многих произведениях Горького. К примеру, в «Фоме Гордееве» (1899) черноглазая Пелагея, первая любовь Фомы, говорит ему о Симбирске, городе, где она хлебнула горя до встречи с Гордеевым; в рассказе «Васька Красный» (1900) палач и садист публичного дома предлагает проститутке уйти с ним из дома, где служит, и открыть свой «дом»: «Поедем в Симбирск, а то в Самару... и там откроем... Первый дом в городе будет». В рассказе «Мамаша Кемских» (1925) упоминается о про-

винциалах, с гордостью говорящих о монументах знаменитых людей: Карамзину в Симбирске, Державину в Казани и других. Это говорит о том, что Горький располагал фактами о жизни Симбирска и включал их в свои произведения.

Известно было писателю и богатое торговое село Промзино (ныне Сурское). В этом можно убедиться, знакомясь с [картинами к инсценировке П.С. Сухотина «В людях»], написанными в 1932 году, последним по времени произведением, в котором использованы материалы о жизни нашего края. В первой картине участвуют симбирские крестьяне-грузчики. Один из них рассказывает о молодом человеке, сельском учителе, ставшем впоследствии промзинским попом. Нищую и бесправную жизнь сельского учителя, зависимого от всех, он променял на поповскую легкую жизнь. В отличие от ищущих заработок мужиков из рассказа «Два босяка» Горький дал «В людях» новый характер симбирского мужика.

Образы симбирских голодающих мужиков, грузчиков, Степана Разина, Петрухи и его злодея, симбирского трактирщика, а также алатырского монаха-«утешителя» и промзинского попа, наконец, образ городка Окурова входят в богатую систему горьковских образов, связанных с Поволжьем, с Россией тех лет, когда писатель проходил свои «университеты».

Горький пользовался большой любовью в народе, о нем ходили легенды, слагались мифы. В публикации Н. Меркулова «Горький в наших местах» мы читаем о любопытном случае пребывания Горького в селе Лукино. Автор пишет о приезде Горького вместе с писателем Скитальцем (настоящее имя Степан Гаврилович Петров) в село Лукино в 1904 году. В селе, в школе, организованной И.Н. Ульяновым, долгое время работал учителем Гаврила Гаврилович Петров, брат известного писателя Скитальца. Скиталец, как пишет автор, неоднократно приезжал в Стоговку. Однажды вместе с ним приехал и Горький. Причиной тому якобы была пропагандистская деятельность писателя. Этот случай вряд ли может быть истолкован как исторический факт, документальных оснований к этому нет, скорее, это один из мифов о любимом в народе писателе. Подобный эпизод описан в рукописи, хранящейся в ГАУО. В записке от краеведа Кабанова говорится о приезде Горького в деревню Стоговку к дочери купца Ананьева, к которой сватались Скиталец и Горький. Скиталец, якобы, опередил Горького и женился на дочери Ананьева. Как известно, дочь купца Ананьева Скиталец описал в своем романе «Дом Черновых».

Среди архивных документов имеется также машинописная записка от учительницы Большаковой, датированная 1949 годом. Она пишет о своей встрече с Горьким на пароходе в 1909 году, идущем из Астрахани в Нижний. «Горький был в черной сатиновой рубашке с белыми пуговицами, в косоворотке, подпоясанной черным шелковым поясом. Горький оживленно разговаривал и плясал под балалайку. Его длинные волосы падали на лоб, закрывали глаза – он бойко отбрасывал их кивком головы, громко стучал ногами (на нем были большие голые сапоги, на которые были напущены черные брю-

ки)». Горький напомнил женщине одновременно его героя Данко и Цыганка из автобиографической повести. Он был прост среди простых, бедных людей. Когда пароход подошел к пристани Симбирска, Горький быстро сбежал на берег: «Он стоял почти у самой воды и ел яблоки, которых у него был полон подол рубашки. Я уже поднялась в гору, а он все стоял. Поэтому я не знаю, был он в городе или нет, больше его я не видела. Прошло уже сорок лет, а я все как сейчас помню его. То представляю его пляшущим, то рассказывающим. Но больше всего он запомнился на берегу – стоит, ест яблоки и бросает остатки в воду – высокий, молодой...».

Как пишет Николай Столов, после 1890-х годов личных связей с Ульяновском Горький больше не имел, но письменную связь поддерживал, в разное время переписываясь с живущими здесь писателями Н.А. Степным и Скитальцем.

Произведения Горького распространялись в Симбирской губернии печатным и рукописным путями, проникали нелегально, на симбирской сцене шли пьесы Горького, из уст в уста передавались воспоминания и народные предания о писателе. Поскольку наш край долгое время являлся частью Самарской губернии, большой популярностью в Симбирске пользовались самарские газеты, в которых Горький был постоянным сотрудником. Как отмечает Г. Яшин, «...в «Самарской газете», издававшейся с 1884 по 1906 годы, начиналась литературная деятельность Горького». В «Самарской газете» была опубликована статья Горького «По поводу», известная в симбирской печати как «Письмо Максима Горького», связанная с пьесой Горького «Дети солнца». Пьеса «Дети солнца», написанная в 1905 году, помимо столичных, была поставлена и симбирским театром Д.С. Бульчевой. Интересно отношение к пьесе известного в Поволжье врача Г.И. Сурова. В 1906 году он начал работать земским врачом в Симбирске. Суров, молодой врач-интеллигент, демократ, интересовался проблемами взаимоотношения интеллигенции и народа. Он пытался найти ответ на свои вопросы в «Детях солнца» Горького, напечатанных в книге «Знания» за 1905 год. Эта книга с пометками Г.И. Сурова хранится в отделе редких книг и рукописей Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки. Пометки, сделанные Суровым, свидетельствуют о том, что его волновали понятия свободы и независимости человека, торжества его разума и доброты.

Горький вел многочисленную переписку с симбирскими литераторами, в частности с редакцией симбирской литературной газеты «Жизнь», с литературной группой «Стрежень». В Государственном архиве Ульяновской области имеются два письма к симбирскому писателю Н.Н. Ильину (Нилли) от редакции журнала «Литературное наследство», в которых упоминается, что у Ильина имелась «целая пачка» писем Горького.

П.С. Бейсов в своей публикации «Материалы Ульяновского архива о Горьком» ссылается на документ, хранящийся в Ульяновском архиве, – «Дело с агентурными сведениями за 1911 год». В нем имеется копия письма Горького с Капри, написанного 28 февраля 1911 года. Адресовано это письмо симбирской литературной газете «Жизнь» (полное название газеты «Литературная газета «Жизнь». Ин-

тимные беседы. Газета самостоятельного народного творчества». Здесь же автор приписывает цель газеты: «Возбудить стремление к вечному»). Эта газета начала издаваться в июне 1910 года. Она была задумана как орган самостоятельного народного творчества, но в результате получилась органом людей разных сословий и устремлений. Главный виновник всех бед народа, по мнению издателей газеты, – интеллигенция, которая мешает созданию новой пролетарской культуры. Авторы искали выход в мистицизме, религии, в результате зашли в тупик во всех своих поисках. Редакция газеты обратилась с просьбой к Горькому «оживить» газету, вдохнуть в нее новую жизнь. Горький ответил отказом и отрицательно отозвался о газете: «Я не могу вам помочь, потому что газета ваша кажется мне вредной. В ней нет ничего самостоятельного: отрицательное отношение к науке, интеллигенции и культуре не ново и отнюдь не самостоятельно; это проповедуется давно давно теми друзьями русского народа, которым выгодно видеть его глупым, невежественным и которым нужно возбудить в нем отрицательное отношение к людям, желающим ему всяческого добра и духовного здоровья». Горький указывает симбирским писателям и всем авторам газеты «Жизнь» обратиться за образцами к народному творчеству – былинам, сказкам, легендам – к истинно народному творчеству и в нем искать почву для творчества, науки и религии. Это письмо Горького оказало значительное влияние на судьбу газеты «Жизнь». Она попыталась измениться и найти путь к широкому читателю, но подвергалась критике и гонениям, и июне 1911 года газета закрылась.

В Государственном архиве Ульяновской области хранится рукопись писателя Н.Н. Ильина (Нилли) «Мои сношения с Горьким». Рукопись датирована 1943 годом. В ней говорится о внимании Горького к начинающим писателям: «В 1910 году послал первый свой рассказ А.М. Горькому. Он возвратил мне рукопись в исправленном виде. Были исправлены грамматические ошибки и подчеркнуты места, что надо исправить и как. В 1912 году, когда я издавал газету «Жизнь», Горький в своей статье «Писатели-самоучки» в журнале «Современный мир» в подзаголовке этой статьи дал мне воззвание к новому читателю, подписав «из письма литературного предпринимателя». Далее Н.Н. Ильин пишет о поддержке, которую оказал ему Горький в голодный 1921 год: «Был голод в 1921 году в Поволжье. Я очень плохо питался, голодал, написал Горькому. Через Луначарского я получил американскую посылку, чем и был поддержан в питании». Далее автор рукописи пишет о своей вновь написанной новелле, посланной Горькому, и о советах Горького ему в ответ: «Он мне ответил, что надо успокоиться, привести в порядок мысли, слишком уж зло написано, временить пока писать и начать вновь со свежей головой». Здесь же хранится переписка Н.Н. Ильина с редакцией журнала «Литературное наследство», в которой заключена просьба редактора журнала к Н.Н. Ильину прислать письма Горького для публикации воспоминаний о нем: «В Литературном музее есть одно письмо Горького к Вам, у Вас же, вероятно, сохранились еще некоторые письма, Н.Н. Столов сообщил нам, что у Вас имелась целая пачка их...».

Любопытно еще одно письмо Горького, адресо-

ванное в Симбирск писателю Н.Н. Нилли в 1912 году в ответ на его сообщение об организации в Симбирске Дома народного творчества. Об этом упоминает в публикации «Максим Горький и Ульяновск» Н. Столов: «Сообщив о задачах этого учреждения, Нилли просил о всяческой поддержке. Вопреки всем ожиданиям Горький отнесся резко отрицательно к затее Нилли, написав с Капри ругательное письмо с советом «учиться, а не учить других» <...>. Понятно отношение Горького ко всякому знанию, всякой культуре. Это отношение бережное и заботливое. Учиться добывать знания, ценить культуру – этому научила Горького его, поистине, горькая жизнь».

Из других архивных материалов необходимо назвать затерявшееся, как пишет П.С. Бейсов, письмо Горького Симбирскому губисполкому от 1917 года с запросом о судьбе культурных ценностей Симбирска. Об этом факте упоминает и З. Грен: «В 1917 году Горький направлял письмо в Симбирский губисполком с беспокойством о культурных ценностях и, прежде всего, о письмах Пушкина». В 1918 – 1919 годы Горький принимает активное участие в мероприятиях советского государства в области культурного строительства. По его инициативе создается Комиссия по охране культурно-исторических ценностей. Горький обращается через газету «Известия Совета рабочих и солдатских депутатов» от 1917 года (8 марта) с воззванием к народным массам, призывая охранять культурное наследие и, в частности, пишет письмо в Симбирский губисполком в 1917 году с запросом о судьбе находящихся здесь писем и бумаг Пушкина. Об этом пишет краевед Н. Столов в газете «Пролетарский путь» (Столов, Горький и Ульяновск). В свою очередь краевед П.С. Бейсов отмечает, что ему не удалось найти это письмо, возможно, оно погибло во время пожара в архиве в 1930 году или затерялось при разборке документов после пожара. О каких бумагах Пушкина говорит Горький? Прежде всего, это бумаги, которые хранились у П.В. Анненкова, писателя и литературного критика, биографа А.С. Пушкина, в его имении Чириково Симбирской губернии. Анненков был вторым после Жуковского издателем сочинений великого поэта. В его распоряжении находились пушкинские рукописи, переданные ему женой поэта Н.Н. Пушкиной. «При первом взгляде на бумаги, – писал Анненков в своих воспоминаниях, – я увидел, какие сокровища в них таятся». В 1899 году в Москве вышла небольшая книжка члена Симбирской ученой архивной комиссии Д.И. Сапожникова «Вновь найденные рукописи Пушкина». Под тем же названием была написана его статья в февральском номере «Русского архива» в том же году. В 1897 году Д.И. Сапожников посетил усадьбу Анненкова в селе Чириково, где готовилось собрание сочинений Пушкина. В углу сарая среди хлама и испорченных книг он обнаружил семь листов драгоценных пушкинских автографов «Замечания на Анналы Тацита», «Под небом голубым страны своей родной», «Куплеты из лицейской жизни» и др. Эта статья Сапожникова не единственный источник, из которого Горький мог узнать о пушкинских рукописях в Симбирском крае. Другие пушкинские материалы могли быть также в родовом архиве братьев Языковых и в Акшутском музее В.Н. Поливанова.

В архиве Языковых могла быть переписка Пушкина и Николая Языкова, с которым он познакомился в 1826 году в Михайловском. Переписка между ними длилась десять лет. В 1833 году Пушкин был в Симбирске и в селе Языково. Хорошо зная творчество Пушкина, высоко оценивая его поэтическое дарование, Горький, безусловно, знал о взаимоотношениях Пушкина и Языкова. Еще одним центром, где могли храниться пушкинские материалы, был музей в имении В.Н. Поливанова в селе Акшут Карсунского уезда Симбирской губернии. Здесь в отделе рукописей имелись письма и автографы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Жуковского, Карамзина, Вольтера, Гюго и др. Как пишет П.С. Бейсов, «пушкинские материалы осели в нашем крае еще по одной причине, кажется, неизвестной Горькому. Жена Пушкина Наталья Николаевна, по мужу Ланская, была связана с ардатовскими дворянскими кругами. Сыновья Пушкина Александр и Григорий имели поместье в Новой Александровке Ардатовского уезда (Моревка), отписанное в их общее владение в 1844 году. Рукописное наследие отца досталось сыновьям. Александр Александрович передал в 1880 году рукописи отца в Румянцевский музей (ныне Российская государственная библиотека). Но, возможно, что часть материалов «осела» в нашем крае». Эти факты говорят о том, что Горький имел все основания для беспокойства о судьбе пушкинского наследия. Ответного письма Горькому от Симбирского губисполкома не найдено, нет даже намек на ответ и в переписке Горького.

В 1919 году Горький в письме к Луначарскому вновь вернулся к этой теме и уже предпринял практические шаги к решению вопроса о сохранности культурных ценностей. При его содействии в Симбирск направляется сотрудник Пушкинского музея М.Д. Беляев. 24 февраля 1919 года Горький пишет Беляеву в Симбирск и просит его организовать осмотр помещичьих усадеб Симбирской губернии и составить опись всех историко-культурных ценностей губернии. Беляев выполнил поручение Горького. Он был одним из организаторов Симбирского художественного музея. Таким образом, благодаря «эмиссару» Горького проведена большая работа по собиранию и охране культурных ценностей и установлению связи Симбирского музея с Пушкинским домом.

В 1926 – 1927 годы к Горькому на Капри приходили письма молодых ульяновских писателей, объединенных в группу «Стрежень». Эта молодежная литературная группа возникла в мае 1924 года. Молодые писатели просили совета у Горького, как им развиваться в сложившейся ситуации постоянной вражды различных литературных группировок, подсиживания и наущничества. Горький хорошо отреагировал на письмо и писал о необходимости учиться и уважать труд пишущего человека. Писатель включил выдержку из письма ульяновского «Стрежня» в свою статью «О возвеличенных и начинающих», напечатанную в мае 1928 года в «Известиях». Горький прислал два ответных письма «Стрежню», но письма эти не сохранились.

Близкая дружба связывала Горького с писателем Скитальцем (Петровым). Как пишет П.С. Бейсов, «...современники воспринимали Скитальца как

одного из ранних учеников Горького, как одного из писателей его школы <...>. В поэзии Скитальца под влиянием его непосредственного участия в революционной борьбе в 1900 – 1905 годах углубляется понимание роли поэта и поэзии. Скиталец подходит к революционному, *горьковскому* пониманию этого вопроса».

В воспоминаниях Ивана Белоусова говорится о первой встрече Горького с писателем Скитальцем: «На одной из литературных «Сред» Н.Д. Телешова в Москве Горький сообщил, что нашел талантливого писателя: «Пишет хорошо, но и пьет здорово – из певчих он, – работает в газетах, подписывается Скиталец. Вот я, как поехал сюда, оставил его на своей квартире, купил ему водки и сказал: «Сиди и пиши, а зря не болтайся» <...>. Однажды он присутствовал при чтении Скитальцем какого-то рассказа, в котором герой был выведен в самых ультрареалистических тонах: руки у героя были железные, мускулы стальные, жилы, словно канаты <...>. Прослушав рассказ, Горький подошел к Скитальцу и сказал: «Ну, брат Степан, и герой же у тебя в рассказе, словно тигр из мехового магазина». Определения Горького были всегда метки, правильны и серьезны». Скиталец родился в 1869 году в селе Обшаровка Самарского уезда Симбирской губернии. После исключения из Самарской учительской семинарии много ездил по Поволжью и Украине; служил в окружном суде, в земстве, был архиерейским певчим и оперным артистом. В 1898 году Скиталец начал сотрудничать в «Самарской газете», здесь и сошелся близко с Горьким, что во многом определило его дальнейшую судьбу. В Симбирске Скиталец жил с 1913 по 1921 годы. Здесь же, в Симбирске, он работал над романом «Дом Черновых». Симбирску посвящена одна из последних глав романа «Старый Венец». Это рассказ о захвате Симбирска белогвардейцами и чехами в 1918 году.

В 1918 году приехал из Москвы в Сызрань Константин Федин. Отсюда начался его путь в большую литературу. В этом ему также помог Горький. В Сызрани Федин написал рассказы: «Дядя Кисель», «И на земле мир», «Прискорбие». Горький дал им положительную оценку.

Поддержал Горький и нашего земляка, писателя Александра Сергеевича Неверова (Скобелева). Вот что писал Горький Неверову: «Написали вы неровно. В начале почти хорошо, а чем дальше, тем более скучно. Нет, попробуйте еще написать, вы можете сделать лучше. Времени нет, неудобная обстановка? Я понимаю это и не тороплю вас. Но я надеюсь, более того, я уверен, что вы должны и будете писать хорошо. Пока всего доброго! Вам денег не нужно ли? Книг? Сообщите». Горький был знаком и с поэтом Александром Васильевичем Ширяевцем (Абрамовым). Как пишет К.А. Селиванов, «...личное знакомство поэта с Горьким состоялось в 1915 году, а переписка между ними началась с 1913 года».

В годы первой русской революции в Симбирском театре шли пьесы Горького. Как пишет А. Иванов, «...в течение зимы 1904 – 1905 годов труппа показала пьесы Горького «На дне» и «Мещане». В сезон 1906 – 1907 годов симбирский зритель увидел пьесы Горького «На дне» и «Варвары». Краевед К.А. Селиванов в публикации «Горький и наша об-

ласть» пишет о новой версии песни «Солнце всходит и заходит», записанной в селе Карлинском после постановки пьесы Горького «На дне» на симбирской сцене «Эх, вы, цепи, мои цепи, вы железны сторожа, не порвать вас, не порезать мне без острого ножа».

Журналист Ф. Галимов пишет, что последний раз Горький видел Ульяновск в 1928 году во время поездки по волжским городам.

В 1917 году бывшая Театральная улица в городе Ульяновске была переименована в улицу имени А.М. Горького.

В советское время в связи с 60-летием Горького в 1928 году в Ульяновске проводились юбилейные Горьковские вечера. Один из вечеров состоялся во Дворце книги. Как пишет краевед П.С. Бейсов, «...далеко не все смогли попасть на этот вечер: не хватило мест в обширном зале библиотеки. «При переполненном зале открылся 27 марта юбилейный Горьковский вечер во Дворце книги <...>». Интересны также цифры читаемости произведений Горького в 1909 году. В Карамзинской и Гончаровской библиотеках первое место по читаемости занимал Лев Толстой, третье место – Вербицкая, а Максим Горький – восемнадцатое место. В 1926 – 1928 гг. во Дворце книги Горький занимал первое место. Слабая читаемость Горького в 1909 году объясняется тем, что школьникам запрещалось читать произведения Горького, тогда как царская цензура ничего не имела против чтения школьникам бульварных романов Вербицкой.

Было сочинено и отправлено Горькому в Италию, в Сорренто, письмо от 20 марта 1928 года от Ульяновского общественного комитета по организации юбилея М. Горького и опубликовано в газете «Пролетарский путь». В нем восхваляется Горький – строитель новой жизни, певец смелых и храбрых людей, писатель, «своими художественными произведениями заложивший вечный кирпич в социалистическое здание первого в мире пролетарского государства».

В 1948 году, в связи с 80-летием со дня рождения А.М. Горького, в Ульяновской областной библиотеке впервые состоялись Горьковские чтения. Всего было прочитано 9 лекций: «Горький – художник пролетариата», «Горький – публицист и литературный критик», «Ленин, Сталин и Горький», «Книга – постоянный спутник в жизни Горького» и др. Во время чтения лекций к каждой теме оформлялись книжные выставки, в отделах библиотеки проводились библиографические обзоры литературы на произведения Горького и о нем. Были составлены небольшие рекомендательные списки, рассчитанные на массового читателя. В результате повысился интерес к чтению произведений Горького, и часто среди читателей можно было слышать: «Дайте мне произведения Горького по предложенному плану, я хочу читать по плану».

К 150-летию со дня рождения А.М. Горького во Дворце книги – Ульяновской областной научной библиотеке имени В.И. Ленина представлена выставка «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться», проведена беседа «Горький знакомый и незнакомый», в эфире областного радио прозвучали передачи, посвященные юбилею великого писателя.

К 95-летию поэта-воина ИГОРЯ ГРИГОРЬЕВА

Наталья СОВЕТНАЯ

«И ВРОГА ЛЮБИТЬ, И МИЛОСТЬ К ПАДШИМ ЗВАТЬ...»

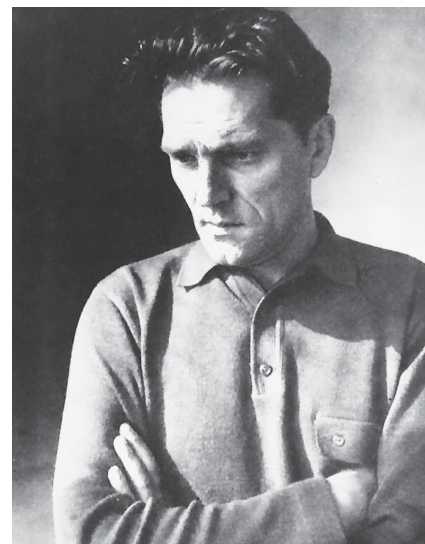
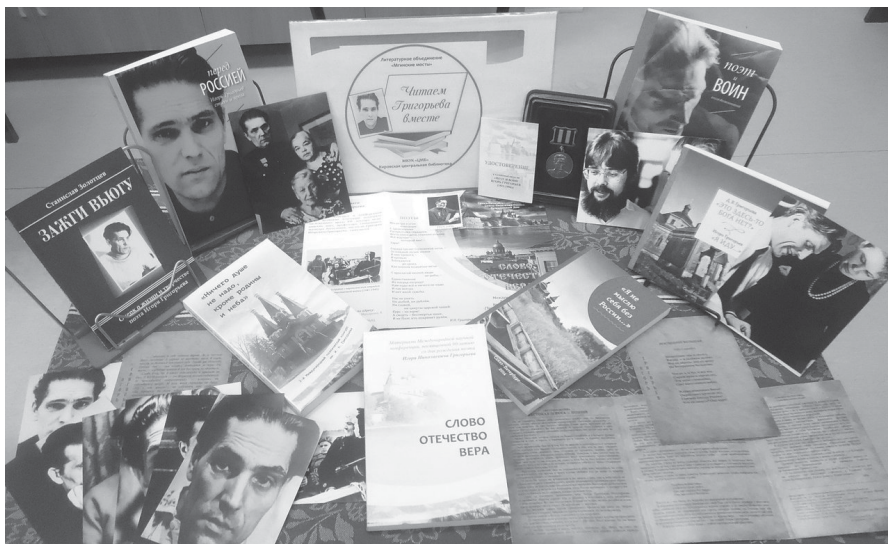
*А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И врага любить, и милость к падшим звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, Правый Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?*

Игорь Григорьев

Недавно библиотеке Центр общения и информации (г. Псков) присвоено имя И.Н. Григорьева в честь легендарного русского человека, орденосца, поэта.

Можно ли спасти душу свою на войне? Уверена, что можно. В доказательство приведу несколько эпизодов из жизни поэта и воина Игоря Николаевича Григорьева (1923 – 1996).

Великую Отечественную войну Игорь Григорьев встретил семнадцатилетним пареньком, а в день своего совершеннолетия стал командиром молодежного подполья в Плюсее на Псковщине. За время существования подполья был лишь один провал: юная Люба Смурова, работавшая на бирже труда, вынесла оттуда карточки на

предполагаемых пособников гитлеровцев, добровольных агентов – от «цеппелиновцев» до сотрудников СД. Вернуть их назад, вопреки приказу командира, собиралась утром. На то была веская причина: вечером она вводила в партизанский отряд восьмерых наших военнопленных. А утром Люба была схвачена тайной полицией, однако успела шепнуть подружке: «Игорь», – предупредила, спасла от ареста и неминуемой гибели. Григорьев уходил в лес через минное поле, т.к. все дороги были перекрыты немцами... И всю жизнь, до последнего часа, он мучительно страдал, вина себя в том, что не уберег, не смог спасти подпольщицу, не выдавшую ни одного человека, расстрелянную врагами в ночь с 15 на 16 сентября 1943 года.

Недоступен лик и светел,
Взгляд – в далеком далеке.
Что ей версты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.

Что ей я, и ты, и все мы,
Сирий храм и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.

Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лед.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идет!
(«Последний большак»)

Вспоминая о руководителе Стругокрасненского межрайонного подпольного центра и главном командире партизанского отряда Тимофее Ивановиче Егорове,

который стал Игорю Николаевичу другом на всю жизнь, Григорьев писал в книге «Все перемелется» (Москва, 2014): «Что делало большую честь нашему руководителю – он никогда не проливал людскую кровь зряшно и нам запрещал быть жестокими и кровожадными с противником. За эту мудрую человечность люди платили ему верной дружбой и смелыми ратными делами». Хороший ученик своего командира Игорь Григорьев, люто ненавидевший врага, не превратился в мстительного зверя. Даже гибель любимого младшего брата Льва Григорьева не сделала его палачом.

«Тимофей Егоров приказал мне: – Предателя уничтожить! Дом сжечь! – Я зажег паклю, сваленную на чердаке, и ворвался в дом старосты. Был какой-то праздник. Перед иконами горела лампада. Семья во главе с хозяйном сидела за столом. Ели мясные щи (голодному ли не учуять

их запах!). На столе стояла бутылка самогонки. Староста был «под мухой».

– Веришь в Бога? – спросил я, почти хрипя. – Становись на колени под иконы! Я пришел за твоей подлой шкурой!

Хозяйка и дочь, повалившись в ноги, обнимали мои сапоги, молили о пощаде. Мне стало страшно и тоскливо. Выпустив в потолок длинную – на полдиска – автоматную очередь, я бросился на улицу. Пятистенок пылал.

– Тимофей Иванович! Дом предателя горит. А вот самого я прикончить не смог. Солдат я, не палач...».

Бывший подпольщик Николай Никифоров из Плюссы спустя много лет писал Игорю Николаевичу: «Своим письмом ты вернул меня в далекое прошлое 1941–1944 годов, и мне стало не по себе. За каждый звук о совершении прегрешений перед «великим рейхом и фюрером» любому из нас грозили расстрел или

виселица. Все операции проводились дерзко перед самым носом у комендатур и комендантов Брауна, Флото и им подобных, ГФП, зондеркоманд и полицеев. Наши ребята гибли на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанах, при выполнении трудных операций в подпольной разведке. Мы шли на выполнение боевых заданий с чувством солдата России: Родина и Победа или... пусть лучше смерть. У меня лично совсем не было сомнений в горестной необходимости нашего правого дела, не было и растерянности, даже тогда, когда я попал в лапы карателей в 1944 году в деревне Манкошев Луг, под Плюсой. А ведь в середине 1941 года большинство из нас были «маленькими» – еще носили пионерские галстуки, комсомольские билеты или были просто плюской «мелюзгой», «архавцами», «шпингалетами»...».

Отвага в бою и ненависть к врагу удивительным образом существовали у той «плюской мелюзги» с чувствами справедливости и милосердия.

Работая по заданию партизан в немецкой комендатуре переводчиком (Григорьев великолепно владел языком противника), вынужденный близко общаться с оккупантами, Игорь неожиданно для себя почувствовал человеческую симпатию и интерес к Десое, полунемцу-полусловаку, профессионально владеющему поэтическим словом. Любовь к поэзии сблизила молодых людей, Григорьев многому научился у своего неожидан-

ного товарища. Ах, если бы не война! И надо же было такому случиться, что именно Десое вошел в кабинет в момент, когда разведчик доставал из сейфа секретные документы. Он не выдал Игоря! Дал ему уйти. А Григорьев, в свою очередь, просил партизан сохранить жизнь вражескому поэту. Только воля Божья была иной.

Вспоминается еще один поразительный случай. В глухом партизанском лесу Игорь Григорьев обнаружил немецкий танк. Танкист добровольно, даже с радостью сдался разведчикам и предоставил очень ценные документы и военные карты. В лагере же командир отдал приказ пустить немца в расход. Но стрелять во врага в бою и стрелять в человека, который сдался на твою милость, совсем не одно и то же. Игорь отвел немца далеко от лагеря, поменялся с ним одеждой (вражья форма для разведчиков как подарок), отдал ему часть трофейных галет и банку

стуженки, выстрелил в воздух да и отпустил с Богом...

В своих воспоминаниях Игорь Николаевич напишет: «Как я радовался концу своей военной стези, когда очнулся в госпитале! Ведь убивать куда страшнее, чем убиваться – а именно это мне отныне предстояло: несколько десятков лазаретов и больниц и восемь операций.

И – видит Бог – со дня Победы до сегодняшнего неутешного дня мне не по себе от жгучей думы: «Вот они – двадцать семь миллионов (а в действительности намного больше) сыновей и дочерей, и с ними Любовь Смурова и Лев Григорьев, – полегли за Родину, а ты остался в живых!». Но ведь очень даже мог и не остаться. Судьба! <...> Всякое бывало на войне. Но все бессердечное и страшное заживало, забывалось. Все человеческое и светлое помнится донныне. И согревает душу, и роднит человека с давно ушедшим от нас».

Игорь ГРИГОРЬЕВ

Из книги «НАБАТ: стихи о войне и Победе»

Посвящение.

В 50-летие Великой Победы.

Тебе, отец мой Николай Григорьевич Григорьев, Георгиевский кавалер, ротный командир Первой мировой войны и тебе, брат мой Лев Николаевич Григорьев, разведчик-партизан Великой Отечественной, отдавший жизнь за скорбное Отечество наше, посвящаю выстраданный вами «Набат».

Да будет вам пухом мать сыра земля! Спите спокойно: я никогда не отрекусь от России!

Ваш сын и брат Игорь Григорьев.

РАТОБОРЦЫ

Плюсским разведчикам

Мои дорогие, мои побратимы, –
Наш виды выдавший отряд!
Не слышно поэм, о которых ретиво
Божился вам пишуший брат.

Вчера вы призвали меня к разговору,
Гордыню мою укротив:
– Забористо, песельник, шастаешь в гору,
Играя на модный мотив.

Теперь ты на Плюссе не жихарь, а дачник –
Гостюешь в родимом дому.
Божился, да, видно, разжился удачник:
Известность! Уж мы ни к чему.

Тихонько вздохнули, рукою махнули:
– И это ты – в кусты от своих... –
Мне ваши крутые укоры как пули:
К земле пригинает от них.

За горькую правду не дюже судите:
Не платят за стих без прикрас.
За рифмы глагольные грех отпустите,
Как раньше прощали не раз.

Мы все на виду кочевали у смерти,
Огнем крещены и мечом.
И я не забыл обещастья, поверьте,
Как вы, не забыл ни о чем.

Все помню: немую работу разведки,
Полегших безусых ребят...
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.

Доныне свинец чужеземца-солдата
Покою спине не дает;
И тяжкий валун над могилою брата
Сжимает дыханье мое.

Нет! Я ничего не забыл, хоть и рад бы
О многом, что знаю, не знать.
И жжет мою душу огонь нашей клятвы,
И сердце попробуй унять.

22 ИЮНЯ 1941

Вот так воскресенье
На святой Руси!
Светопреставленьем!..
Боже, пронеси!

Грозна доля наша,
Пробил черный час:
Горестная чаша
Не минула нас.

В долгую дорогу –
С нынешнего дня.
Слезы на подмогу –
Русская броня.

Пропадать зазряшно
Нам не привыкать...
Умереть не страшно –
Страшно умирать.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Два дня и три ночи горело,
Ревело, громило, трясло –
И душу, и брненное тело
Ввергало в погибель и зло.

Мочалило сталь на мочало,
Свивало железо узлом,
Погибель победно кричала:
«С дороги, иначе – на слом!».

Бежали без ружей солдаты,
Как тени, ползли старики...
Куда ты, Россия? Куда ты?
Хоть слово надежды реки!

3 июля 1941,

Тушиново (под Плюссой)

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы.
Такое – как в дни старины.
Искромсаны в щепки березы
Нещадной секирой войны.

И стынут в чаду буйноцвета
 Мужи... Бобыли... Сыновья...
 Не спето. Не спето. Не спето.
 А в чашу веселое лето
 Вселило для них соловья.

И кажется – тучные нивы
 Рыдают над каждым: «Проснись!..».
 А в селах – глухие разрывы
 Да толлом пропахшая высь.

Проклюнулась жердь у омета –
 Разжилась наивной листвой.
 А в поле частят пулеметы,
 Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
 И горького горше – дымы.
 Отчизна, твой ль это хаты?
 И, может, не русские мы?

Твоя ль это радость лесная?
 Кладбищ вековечная грусть?
 Вот этот, как рана сквозная,
 Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди?..
 Бедует набатная весть:
 Никто, кроме нас, не рассудит –
 Что будет? Что было? Что есть?

ЛИХО

Немо краснолесью, слепо лучезарью:
 Свет погашен сталью, высь набрякла гарью.

Ни ау!, ни эха, ни смешинки малой –
 Лихо, плен, глумленье злобы небывалой.

Ни росы, ни дали, ни туманной рани.
 На дорогах скорбных – «панцири-лохани»:

Никому спасенья от «крестов» безбожных!
 Никакого лета в убиенных пожнях.

Грех и разоренье, кровь и унижение.
 Умирают села, как в костре поленья.

Ни дверей, ни окон в избах несоревших –
 Головы да крылья петухов отпевших.

Обмерла осинка у горюнь-крылечка,
 Будто потеряла знобкое сердечко, –

Горькая, не может в быль-беду поверить:
 Мертвых не оплакать, горя – не измерить...

Дом военнопленный без трубы и крыши,
 Ты и в тяжких ранах «юнкерсов» превыше.

Не скулишь: «Пощады!», не сулишь прощенья, –
 Кто тебя осудит в страшный час отмщенья!

17 августа 1941,
 Тушиново (под Плюссой)

БАБУШКА

Василисе Лавриковой, бабушке моей

Был мой дед своенравен и лохмат,
 Характером крут, на руку тяжел.
 Выпьет «Пшеничной» – черт ему не рад:
 Зачудачил, забузил, пошел...

Да и надымит такого сгоряча,
 Что неделю после охает, питух.
 Был не сажень ростом – бабке до плеча,
 От нужды, как тын от зноя, сух.

Ни телеги не имел он, ни одра;
 Были ночи черны, были жарки дни;
 И всего-то в халупенке значилось добра –
 Двенадцать ртов ребятни.

Но не уставал он, делу брат и друг,
 С плотницким топориком воистину дружил.
 Да бревно однажды выпустил из рук
 И, вздохнувши, русу голову сложил.

Бабушка осталась тринадцата-сама:
 Большаку пятнадцать, малому – годок.
 Хоть стой, хоть падай, все одно – сума,
 Шатнись хоть на запад, хоть на восток.

Но она не заклеимила белый свет,
 Разумела: жизнь людская – не вина.
 А потом в колхозе – горьких десять лет.
 А потом другое лихо: грянула война.

А за той войной треклятой – чужаки:
 Трое немцев на постой к бабуле пех!
 Черепа на рукавах да пауки...
 – Отвернул от нас, от грешных, Бог... –

А злодеи загуляли ввечеру,
 Нализались шнапса – зелена греха.
 – Долго спать вам на негаданном пиру!
 И пустила в сени красна петуха.

И запряталась в разбитом блиндаже...
 Вдруг пришла к ней жалость жарче зла:
 И метнулась в пламень, подчинясь душе,
 И гуляк-захватчиков спасла.

И накинули ей петлю палачи.
 – О, гроссмуттер¹! – упасенный застонал.
 И текли над головой ее лучи!
 И помост ей был как пьедестал!

5 января 1944,
 Клескуша (Лужский район)

¹ Бабушка (нем.).

ПЛАЧ ПО ЛЮБОВИ

Любовь Алексеевна, Люба, Любаша –
 Моя голубая звезда,
 Я цел еще: ждет меня старости чаша,
 А ты навсегда молода!

Не дай Бог, живые душой прохудем:
 Нещадна житья коловерть...

Кем был для тебя я? – наверно, злодеем,
Пославшим на лютую смерть.

Наверно, наверно. Быть может, быть может.
Война ведь: иначе не мог.
Но память бессонная боль не итожит –
Мне дарствует майский денек.

...Дорога за Радовьем. Солнце над бором.
Соколье болото левей.
И свист занебесный над земь-свистохором:
То – иволга, то – соловей!

А с волглых обочин кадит медуница,
Донельзя хмелит первоцвет...
И как ни хитри, а нехитро влюбиться.
И мы – девятнадцати лет.

И верила ты мне. И я тебе – тоже.
И грела нас майская звень.
И шли мы с тобой без унынья и дрожи
По смертной дороге в тот день.

И, может, за первым ее поворотом
Ждала нас разлука навек.
И виснул «костыль» над Соколым болотом,
И падал черемховый снег.

О, как нас кружила цветочная вьюга,
Как маяла жаром весна!
Но мы не посмели коснуться друг друга,
Себя устыдяся: война!

Мы с совестью нашей на грош не рядились,
Мы были солдаты, мой свет:
На Плюссе той ночью поврозь воротились...
И вот тебя нет! Тебя нет?

1942 – 1944, немецкий тыл

МАТЬ

Марии Васильевне, матушке моей

«Извещаем...
за Отечество...
с врагами...» –
В черной окаемке
Пять казенных строк.
Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на темя горбатый потолок...

Отдышалась. Встрепенулась.
Пестерек внесла с придела:
Сдунула солинку с распашонки,
Расчесала русый завиток.
Тихая, как виноватая, глядела –
Ни проклятья, ни полстона. Видит Бог!

А кругом плясал, гудел зеленый пламень,
Бил огонь оледенелый:
Все – в лицо, в лицо, в лицо.
Почтальонка ей:
– Поплачь – душа не камень... –
А она соседок проводила на крыльцо.

Вышла за калитку, огляделась:
Все как было –
Грозовеет небо, сиротеет поле...
И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую сложила:
– Будет, бабоньки: развиднело –
Пора на сенокос!

*26 сентября 1943,
партизанский лагерь в Зачеренском лесу*

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи – что малые дети:
Плачется вдруг и смеется.

Вихорь загикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми,
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланяясь темным избенкам.
Ливень, отраднень, как милость,
Чалым бежит жеребенком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая гряда
Ахает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом раскатистой грома.
Травы в текучей полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Душу врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло – до тучки – на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломленном зените...
Видите? Верите, други? –
Мы победили. Вздохните!

*9 мая 1945,
Большое Николаевское (Приветлужье)*

ВСЁ ЖИВОЕ

Продолжение.

Начало в журнале «Симбирскъ» №8, 9 – 2018.

Камиль ЗИГАНШИН, Уфа. Член Союза писателей России, лауреат премии им. И.А. Гончарова, лауреат премии им. Салавата Юлаева, лауреат Большой литературной премии СП России.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОСОМАХИ

ПОВЕСТЬ

Глава 24
Дружба с Топом

Светает в начале лета рано. Как только засерело утро, Мавр был в пути. Одолев по марям изрядное расстояние, увидел горы. Где-то в первой гряде должно быть логово Лысого. От него надо держаться подальше. Лучше обойти отрог и до хозяйского участка пробираться лесом. Бежалось так легко, что пес и не заметил, как достиг цели. Тут все знакомо. Под защитой патлатых кедров на прогалинах белели пышные клубы ягеля, атласно зеленели плотные листики брусники. На полянке – потемневшая от дождей избушка. Под обрывистым берегом – широкое полукружье серой гальки, намытое вытекающим из распадка ключом.

Мавр помнил, что под крыльцом должна лежать припрятанная им зимой сахарная кость. «Попирую под навесом!» – размечтался он.

Увы! Его ожидало разочарование: кость сгрызли мыши, его любимый угол засыпало наметенным ветром мусором, затянуло паутиной. Все выглядело уныло и неустроенно. Ожидаемой радости не получилось. Наоборот, на душе

стало прескверно. А каково еще может быть собаке, привыкшей получать утром и вечером полную миску еды, привыкшей, чтоб ее мыли, вычесывали, смазывали ранки и ссадины? Теперь же пищу надо было добывать самому. Охотясь в паре с хозяином, Мавр хорошо умел находить зверя по запаху, держать его до подхода охотника, а вот умерщвлять хозяин ему не позволял. Даже наоборот, как правило, отгонял его от загнанной добычи и, сделав несколько щелчков фоторужьем, шел дальше.

Чтобы утихомирить желудок, он сжевал пару клубков ягеля. Невкусно, но голод ослаб. Мавр прилег на крыльце и задремал. Во сне ему привиделась сахарная кость. Он жадно принялся. От нее почему-то пахло росوماхой. От расстройства пес даже открыл глаза. Кость исчезла, а вот запах, наоборот, окреп. Похоже, росوماха совсем близко. Лайке даже показалось, что ощущает ее взгляд... Точно! Вон в листве блеснули черные бусинки, донесся шелест удаляющихся шагов.

Связываться с вонючкой у Мавра не было желания: в памяти были еще свежи уроки прежних лет. «Хорошо, что ушла», – обрадовался он и спустился к ручью. Напившись воды, прилег на песчаном бугре: на нем комарья поменьше. Тут уши уловили легкий скрежет гальки. Пес напрягся. В прибрежных кустах смородины мелькнул темный нескладный силуэт. Мавр оторопел – росوماха шла прямо на него.

«Ну что ж, буду биться! К зимовью подпускать нельзя», – решил он и принял боевую стойку.

Росوماха же шла спокойно, не проявляя признаков агрессии. Более того, Мавру показалось, что она рада их встрече. Что-то в ее дружелюбном взгляде напомнило ему одного из двух росомашат, которых они с хозяином прежде не раз навещали. Неужели это Топ?! Точно! Он!

Топ же, сбитый с толку абсолютным сходством Мавра с другом детства, был уверен в том, что перед ним Амур. По его напряженной позе он решил, что тот все еще сердится на него из-за мускусной атаки зимой.

Но вот и собака приветливо закачала из стороны в сторону хвостом-калачом. Топ от радости перекувыркнулся через голову, еще раз, еще... Мавр узнал эти коронные прыжки и подбежал к старому знакомому. Только тогда Топ по запаху определил, что это Мавр, а не Амур.

С этого дня росوماха и пес стали жить вместе: охотиться на пару было легче и добычливей. Особенно на зайцев. Тут они действовали по простому сценарию. Мавр, преследуя бегающего, как правило, по кругу зайца, выгонял его на затаившуюся в засаде росوماху. Топ выскакивал наперерез и валил косога. Со временем пес перенял от росوماхи и другие приемы охоты и стал таким же добычливым, как и его широколапый друг.

Единственное, чему Мавр так и не смог научиться, – промышлять ночью. В этом смысле он был обычным псом, законным сыном той первородной Собаки, которую страх перед темнотой и ненависть к луне привели к пещерному костру и побудили обменять свободу на службу человеку.

Не было дня, чтобы Мавр не вспоминал хозяина. «Может, сбежать в село?» – колебался иногда он. Ведь так много важного надо сообщить ему: о том,

что они с Топом охраняют избушку. Что она цела. Правда, во время недавней грозы сорвало навес. Что Топ многому научил его и теперь он сможет лучше помогать хозяину в охоте.

Как он это расскажет, пса не волновало. Он об этом даже не задумывался. Просто знал, что хозяин поймет, так же, как и сам он понимал его.

Тропу в село Мавр знал с детства: каждый год по несколько раз пробегал по ней. Но страх оставить без присмотра зимовье каждый раз останавливал его.

Как-то в середине лета он все же не утерпел и отправился в Верхи. На двери дома висел замок. По совсем слабому запаху хозяина пес понял, что тот здесь давно не появлялся. Не беда! Выпадет снег, и он как всегда придет в свою лесную хижину.

Откуда ему было знать, что Степан, чтобы побыстрее рассчитаться с Подковой, продал корову, бычка и, поскольку ягоды и орехи еще не поспели, жил и работал на госпромхозовской пасеке, где у него были и свои ульи. Жена же с дочерью уехали в город: Маше надо было перед поступлением в институт ходить на подготовительные курсы.

Глава 25 Новый промысловый сезон

С наступлением холодов в тайге появились люди. Вновь зазвучали выстрелы, забрехали собаки. Пока снег был неглубок, охотники промышляли пешим ходом, но после первого обильного снегопада встали на широкие, окамусованные лыжи. С этого дня белую перину дырявили не унты и валенки, а разрезали на ломти бесконечные витиеватые борозды.

Как раз в эту пору Подкове поспело время везти в Верхи почту, пенсии, заказанные селянами товары. Выехал он не пятого числа, как обычно, а на два дня раньше, чтобы спокойно обойти участок и расставить на путиках капканы. Снег не успел уплотниться и ГАЗ-66 легко пробивал снежные надувы.

После полудня машина уже стояла у тропы, ведущей к зимовке. Вокруг с едва слышным шорохом сыпал мелкий крупчатый снежок. Белая пелена радовала кружевами заячьих следов и лосиных набродов. Из-за удаленности от села на его участке много лет не промышляли. Обитатели тайги быстро вычислили эту зону покоя, и зверья тут было заметно больше, чем на других угодьях. Пока шел к избушке, настроил рябчиков для еды и для приманки.

В зимовье было стыло, неприятно, пахло затхлым: как-никак больше месяца не заглядывал. Набив в железную печь смолистых поленьев, запалил бересту. Не прошло и трех минут, как пламя забушевало в тесном чреве. Бока быстро раскалились до малинового цвета. Таежное жилище под веселое потрескивание поленьев ожило, задышало. Очищаясь от затхлости, быстро наполнялось жилым духом. С потолка посыпался отмякший иней. Подкова весь остаток дня разбирает капканы, регулировал, подпиливал сторожки – готовил их к установке.

К вечеру избушка приобрела жилой вид. Бревенчатые стены высохли, посветлели. На столе задымилась картошка и поджаренный на сале рябчик.

Попив чай, Семен Львович загасил керосино-

вую лампу и забрался в спальник. В приоткрытую дверцу из-под хлопьев седого пепла ему приветливо подмигивали угли. Пара головешек еще хранила невысокое ровное пламя. За бревенчатой стеной посвистывал, нащупывая щели, ветер, а в зимовье тепло, приятно...

Плотно позавтракав, Подкова сложил в рюкзак капканы, куски привезенного с собой мяса для привады; в боковые карманы сунул сало, хлеб, термос с чаем и отправился бить путик. Ниже порога, дымящегося молочными завитками, речку уже перехватило крепким льдом. Придерживаясь за ломкие на морозе ветки краснотала, Подкова съехал на него. Ослабив крепление, чтобы в случае чего успеть скинуть лыжи, охотник осторожно засеменял по льду. Он никак не мог понять, на самом деле тот под ним пружинисто прогибается или это ему только кажется. И тут от него во все стороны с треском побежали невидимые стрелы. Подкова осторожно простукал лед посохом. Да нет, вроде держит! Перейдя на другой берег, обнаружил, что собольих следов тут намного больше. Вдохновленный перспективой богатой добычи, он весь день без устали раскладывал приманку и маскировал ловушки.

Удаляясь в поисках пропитания все дальше и дальше, Топ с Мавром вышли на свежую парную колею. Исходящий от нее запах им обоим был хорошо знаком: для Мавра это был тот самый Лысый, что в начале лета избил его, Топ же признал в нем ранившего его Круглолицего. Эти запахи-воспоминания разбередили старые обиды.

По характеру следа друзья легко определили, в каком направлении прошел их недруг, и направились в обратную сторону – туда, где стояла его избушка. Двигаясь по двойной, еще не застывшей борозде, они вышли к амбарчику – снежной куче с аппетитно краснеющим в глубине пещерки куском мяса. Он источал такой соблазнительный аромат, что Топ сглотнул слюну. Однако, помня, что мясо в таких пещерках всегда охраняет больно кусающаяся железная пасть, обошел ее стороной. Мавр же, взяв в зубы обломок ветки, смело направился к куче.

Дальнейшие его действия были и вовсе необъяснимыми: он тыкал веткой в снег перед мясом до тех пор, пока тот не вспучился и не раздался резкий металлический лязг. Топ рефлекторно отпрянул. Напарник в это время безбоязненно протянул лапу к мясу. Рядом валялась ветка с вцепившейся в нее железной пастью.

Топ был потрясен. Мавр же в своих действиях не видел ничего особенного. Так всегда «убивал» железные челюсти и его хозяин. У второго амбарчика он повторил эту операцию и, весело покачивая закрученным в бублик хвостом, подошел к Топу и положил перед ним очередной аппетитный кусок.

Перекусив, друзья продолжили путь. Проделав эту нехитрую процедуру еще несколько раз, они так наелись, что стали относить добычу подальше и зарывать ее в приметных местах. Эго отнимало довольно много времени, и до логова обидчика они в тот день так и не добрались. Сытые и довольные, заночевали на полпути.

Весь следующий день Подкова расставлял ловушки на втором путике, а утром третьего уехал в село. Друзья, убедившись, что их недруг уехал, отправились за новыми порциями мяса. Избалованный обилием легкой добычи, Мавр теперь расстораживал самоловы выборочно – там, где кусок поувесистей. Наблюдая за его уверенными действиями, Топ осмелел настолько, что решил сам «убить» присыпанную снегом железную пасть обломком ветки.

– У-р-р-р-р-р! Получилось!

Когда он расстораживал следующий капкан, послышался шорох. Росомаха вскинула столбиком.

– Фу-ты! Ложная тревога!

Оказывается, это белка шелушила еловую шишку. Вон еще одна... вторая. Все выкунявшие¹: с почерневшими спинками и посеребренными боками, с кокетливыми кисточками на ушках. Хвосты распущенные, бархатистые. Красавицы, да и только!

Когда поднялись на седловину, от амбарчика молнией метнулся зверек. По шоколадной шубке с серебристыми искорками Топ сразу определил – соболь! На его задней лапе брэнчал капкан с цепочкой, тянущейся к стволу березы. Увидев росомаху, соболь замер. В его взгляде мелькнула надежда на спасение. Но, когда показалась трусившая сзади собака, он зарылся в снег, правда неглубоко – цепочка не пускала.

Поскольку в пещерке мяса уже не было, Топ с Мавром даже не стали подходить.

Обойдя за несколько дней все амбарчики, парочка рассторожила большую часть ловушек. Что-то из привады они съели, что-то прикопали на будущее.

После такой удачной охотничьей эпопеи друзья на какое-то время расстались. Мавр вернулся к зимовью дожидаться хозяина: раз снег лег, стало быть, скоро придет. А неугомонный Топ отправился бродить по горам.

Разгуливая по склонам, он время от времени заглядывал на путики и других охотников. Обнаружив амбарчик, долго кружил вокруг, топтался, принюхивался. Убедившись, что человека поблизости нет, подходил и аккуратно расстораживал железную челюсть. Он стал таким привередливым, что мелочь вроде сойки игнорировал: пока птицу съешь – всю пасть пухом залепит.

Попавших в капканы соболей, норок Топ прятал поблизости: выкапывал траншейку и, опустив в нее тушку, забрасывал снегом. Затем, крутясь на месте, трамбовал, ставил пахучую метку. Иногда, для большей надежности, поблизости делал еще два-три ложных схрона. Случалось, что его тайниками пользовались рыси. Одну из них Топ застукал. Схватка была упорной. Несмотря на превосходство в размерах, рысь вынуждена была отступить яростному напору возмущенного хозяина.

Обходя путик, Подкова сначала никак не мог понять – что за чертовщина? Приманка почти везде отсутствовала (осталась только там, где лежала мелкая привада: крылышки, лапки рябчиков), капканы сработали, но в них никого нет. Из металлических дуг торчат лишь обломки веток. Разгадку подсказа-

ли следы – везде походила росомаха и еще какой-то зверь, вроде волк. Точно неопытный охотник не смог определить. Это обстоятельство заставило Семена Львовича крепко задуматься: от бывалых промысловиков он слышал, что, ежели росомаха повадилась на участок, охоты не будет.

Восстанавливая разграбленный путик, он наткнулся в кедраче на замерзшего оленя и хорошо натоптанную к нему росомашью тропу. Олень уже был на четверть съеден.

«До чего ж ненасытная! Все ей мало! Попробую-ка тут капканы поставить!»

Подойдя к сбежке, охотник вырезал деревянной лопаткой рядом со следом снежный куб. Вынув его, почистил, утрамбовал площадку уже непосредственно под следом и установил на ней взведенный капкан. Теперь отпечаток следа росомахи от тарелочки капкана разделяла только снежная корка толщиной в сантиметр. Потаск с цепочкой вдавил в пушистую перину, снежный куб вернул на место. Неровности пригладил лопаточкой, а свои следы засыпал снегом, сверху «засял» для верности воздушными снежинками.

Памятливый Топ сразу обратил внимание на едва заметные нарушения снежного покрова возле его тропки. Чтобы не рисковать, к туше подошел с другой стороны. Насытившись, ушел, ступая четко след в след.

Весь следующий день Подкова обходил Длинный путик, проложенный по гребням отрогов. В избушку вернулся в приподнятом настроении – снял соболюшку. Переночевав, не завтракая, помчался к оленьей туше – не терпелось проверить самый главный для него капкан. Он почему-то не сомневался в том, что зловредная росомаха попалась, и даже захватил с собой большой рюкзак.

Подходя, издали все высматривал вытоптаный в снегу круг и меховой пята на нем, но вместо этого обнаружил возле оленя лишь свежие следы. Все еще надеясь на чудо, Семен Львович приблизился почти вплотную. Увы! Росомаха обошла ловушку стороной, а чтобы он не сомневался в том, что она разгадала его коварный замысел – нагадила рядом.

О боже! – простонал зверолов. – Видимо, запах металла учуяла! Лукьян советовал капканы перед установкой опускать в ключевую воду: из-под корочки льда запах железа не проникает. Надо попробовать!

Вернувшись в избушку, Подкова взял оставшиеся капканы и окунул их в ближайшей промоине. После того как они заледенели, расставил возле оленя сразу шесть штук: два на подрезку под следами на тропе, остальные на подходах к туше.

Проголодавшийся Топ пришел на вторую ночь. Приглядевшись, он определил, что на его тропе появились две новые ловушки. Зверь осторожно приблизился к ним и рассторожил их, как обычно, обломком ветки.

Всласть поужинав, гордый тем, что в очередной раз перехитрил своего обидчика, Топ решил отгрызть у оленя ногу и перетащить ее в более спокойное место.

Работая челюстями, он подходил к ноге то с одной, то с другой стороны, пятился. Вдруг взвился вверх и тут же рухнул на снег, словно кто-то резко

осадил: в заднюю лапу вцепилась железная «пасть» на цепочке. Пытаясь вырваться, зверь беспорядочно заметался и угодил передней лапой в другой капкан.

К счастью, его стальные дуги прихватили лишь когти. Отличаясь поразительной для своих размеров силой, росомаха довольно быстро освободила переднюю лапу. Правда, пришлось пожертвовать двумя когтями. А вот капкан на задней лапе сомкнул челюсти выше широкой ступни и держал намертво. Напрасно Топ рвался, бегал по кругу, зарывался в снежную толщу, грыз ненавистную железку. Многочасовая борьба изнурила его. Настал момент, когда он настолько обессилел, что едва шевелился. Чтобы не замерзнуть, бедолага вырыл в снегу пещерку и свернулся в ней калачиком.

Глава 26 Везучий Топ

Утром Подкова шел к приваде в премерзком настроении. Он понимал, что если обнаглевший мародер обхитрит его и в этот раз, то лучше оставить охоту. За две последние недели в меховой копилке всего одна небольшая соболюшка. Ее не хватит даже на покрытие расходов на капканы. В то же время сам азартный процесс охоты ему все больше нравился. Даже летом во время поездок в Верхи он всегда на день-два задерживался на участке. Благоустроив зимовье, расчищал тропы для будущих путиков, пилил сухостой, колот на зиму дрова. А чаще всего просто отдыхал от городской суеты. Но появившийся грабитель порушил все планы, сводил его труды на нет.

Увидев у оленьей туши глубоко вытоптанную арену, Подкова просиял – наконец! – и прибавил шагу.

В боковых стенках утрамбованного круга чернели дыры. К одной из них вела туго натянутая цепочка. Охотник ликовал: «Хитра, но я хитрей!»

Дрожащими от счастья руками он расширил лаз и вытащил холодную, но еще не застывшую росомаху. Разжав дуги, освободил лапу. Потом раскрыл рюкзак, чтобы переложить в него добычу. В этот момент лежащий на снегу косматый зверь вскочил и помчался вниз по косогору. Подкова до того растерялся, что, когда схватил прислоненное к дереву ружье, росомаха уже скрылась.

Натерпевшийся боли и страха Топ, далеко обходя владения заклятого врага, вернулся к Мавру и какое-то время промышлял вместе с ним. Однако клокотавшая в нем жажда мести не давала покоя. В конце концов, он набрался смелости и отправился на разведку. На этот раз лайка последовала за ним. Там, где снег был особенно глубок, они переходили на накатанную тропу двуногого.

Избушка Круглолицего-Лысого встретила их побелевшим от инея окошком. Удостоверившись, что хозяина нет, Топ подошел к двери. Запустил длинные когти в щель и осторожно открыл ее. В нос ударили десятки запахов. Самый сильный из них – ненавистный запах обидчика. Внутри логово оказалось просторней, чем представлялось снару-

жи. Вдоль стен на полках стояли железные банки, коробки, с потолка свисали туго набитые мешочки, на пристенных крючьях висела одежда. Широкий топчан был застелен шкурами.

Топ первым делом с яростью набросился на вонючий овчинный полушубок, потом переключился на подвешенные к матице матерчатые мешочки. Прыгая со стола, вонзал в них когти и, раскачиваясь, с треском раздирал ткань. Оттуда струйками сыпались мелкие камушки, белая пыльца. Она щекотала, забивала ноздри. Покончив с мешочками, Топ стал драть все подряд. Мавр поначалу с недоумением наблюдал за другом, но вскоре, зараженный его неистовой яростью, тоже принялся рвать, трепать все, что попадалось на глаза.

Сбросив на пол стоящие на полках банки, Топ лизнул рассыпавшиеся по полу белые крупинки. Они оказались настолько горько-солеными, что он с отвращением зафыркал и вцепился зачем-то в столешницу. Успокоился лишь тогда, когда отгрыз от нее изрядный кусок. А Мавр в это время с аппетитом поглощал мелкие кристаллики, рассыпанные рядом. После неудачной дегустации Топ не решился последовать его примеру. Окропив нары пахучими выделениями, он напоследок выдал лапой оконное стекло.

Озирая результаты погрома, росомаха, сладко жмурясь, вытянула пушистый хвост в одну линию со спиной. Эта поза означала: «Отличная работа!» Мавр согласно помахал хвостом: «Да уж! Постарались!».

Подойдя к заимке, Семен Львович снял лыжи и принялся старательно отряхиваться от нападавшей с деревьев кухты. Только тут он заметил, что дверь приоткрыта.

Представшая взору разруха сначала ошеломила его, а потом привела в бешенство. В адрес грабителя понеслись такие проклятия и пожелания, что, осуществись они даже наполовину, росомаший род прекратил бы свое существование. Несколько остыв, Подкова обратил внимание на четко отпечатавшийся на рассыпанной муке след, похожий на волчий. Выходит, росомаха бесчинствовала не одна – с ней был волк. Хотя волк с росомахой – это абсурд!

И тут незадачливого охотника прожгла догадка: «Неужели Мавр?! Как же он с росомахой-то сошелся?.. Стоп, стоп, а не тот ли это росомашенок, что у Пули жил? Тогда понятно, почему он такой наглый».

С этого момента зловредная парочка занимала все его мысли. Как же их изничтожить?! Собак нет, да и стрелок он никудышный. Капканы, как ни обрабатывай, они чувят и, даже попав, уходят. Надо придумать что-то более надежное.

Наскоро устранив последствия погрома, Подкова поехал в Верхи. Не стал даже проверять капканы – зачем лишний раз огорчаться? И так ясно – добычи в них не будет.

Завершив в селе торговые дела, прошелся по домам штатных охотников: может, кто чего и подскажет. Из опытных промысловиков застал лишь деда Ермила.

Старик встретил хозяина автолавки насторо-

женно, но за стол все же пригласил. Пока старуха ставила самовар, пропустили втихаря по маленькой. Видя, что дед подобрел, Подкова рассказал о своей беде, утаив только, что на пару с росомахой орудует собака.

– Да уж! Не позавидуешь тебе. Росомаха – хитрая животиночка. Мне тоже от нее досталось. – Тут дед замолчал, раздумывая, дать совет или нет. Поколебавшись, произнес: – Вот что я тебе скажу. Есть один способ избавиться от нее – яд стрихнин. Но он под запретом. Даже Степан не смог получить. Ежели добудешь – росомахе конец.

– Найду, лишь бы толк был. Мы ведь с разными конторами и городами работаем. Где-нибудь отыщем... А как им пользоваться?

– Проще простого. Берешь небольшой – так, чтобы зараз в пасть взяла, – кусок мяса, делаешь надрез и таблетку поглубже закладываешь. Тока опосля руки хорошо помой. Дюже опасная штука-вина. До войны мой брательник через нее отравился. Три дня блевал. Чуть не окочурился. И еще: на приваду, штоб птицы не склевали, два-три пера положи, тогда не тронут.

Не сразу, но Подкова раздобыл-таки упаковку стрихнина. Жажда реванша в тот же день погнала его в тайгу. Пройдя по Дальнему путику, он отыскал свежие следы росомахи. Разложив приваду, Семен Львович три дня безвылазно просидел в зимовье – боялся вспугнуть.

Но его задумка сработала наполовину. Приманку со стрихнином съел Мавр. Топа же, обладающего более тонким нюхом, смутил едва уловимый непривычный запах, исходящий от аппетитных кусков мяса. Появившиеся вскоре изменения в поведении друга только усилили его подозрения. Лайка вдруг принялась жалобно скулить. Затем начались конвульсии, сопровождающиеся рвотой. Когда спазмы в желудке отпускали, Мавра начинали одолевать видения.

Вот он, чтобы спасти хозяина, вцепляется в медвежий зад. Вот после удачной охоты подходит к костру, садится рядом с другими собаками и зачарованно наблюдает за изменчивой игрой красных язычков. Вот уже сам хозяин выручает его, застрелив наседающего медведя. Вот они возвращаются с добычей, пораненные и помятые, полные взаимной любви... И тут до него донесся неповторимый голос хозяина. Он звучал где-то рядом. Пес кинулся на голос и провалился в черную бездну...

Топ, конечно, не понимал, от чего умер Мавр, но интуитивно связал смерть друга со странно пахнущим мясом.

Промысловики, завершая сезон, расстораживали последние капканы, опускали пасти, кулемки. Иные, загрузив волокуши, уже ушли с добычей в село.

Когда исходящие от людей запахи ослабли, а следы от их длинных «лап» стали пахнуть лишь снегом, Топ принялся педантично наведываться в избушки и других охотников. Забравшись внутрь, остервенело рвал, грыз все, что попадалось на глаза. Он понимал, что его разбой не могут оставить-

ся безнаказанными. Что могущественные двуногие будут добиваться его смерти. Поэтому ему следует быть особенно внимательным и осторожным. Перед каждым шагом осматриваться и принюхиваться – не таится ли в снегу лязгающая челюсть. А самое лучшее – покинуть этот край. Тем более что после смерти друга здесь ничто не держало. Военственный пыл остыл, а переполнявшая сердце жажда мести была сполна удовлетворена.

Снег растаял, а Топ все не уходил. Он уже колебался: может, остаться? Тут все так привычно! Еды в достатке. Да и люди ушли из тайги – чего спешить?

Глава 27 Новый участок

В разгар лета на обширном горельнике поспела малина. Ее уродилось так много, что ветки склонились до земли. Сладкоежка Топ зачастил сюда. Както, лакомясь сочными алыми ягодами, он услышал голоса людей. Привстав на задние лапы, разглядел поднимающуюся по горельнику большую «стаю» двуногих и мельтешивших среди них собак. Они шли прямо на него. Появление людей в теплое время года было для Топа столь необычным, что он не сомневался: это за ним.

Надо бежать!

А куда Топ давно определился – за синевший вдаль острозубый хребет, который находился дальше всех от места обитания людей.

На второй день пути он достиг водораздела, представлявшего собой плоский щербистый гребень, поросший короткой и редкой травой. По нему вилась каменистая тропа, набитая за многие годы медведями. Кое-где видны их свежие лежки: клочья шерсти, помет, примятые, погрызенные ветки. Ниже – тощие языки кедрового стланика. Жадно цеплялись в каменистую почву карликовые березы. Изредка где-нибудь в затишке можно было встретить невысокую, скрюченную ветрами и морозами лиственницу.

От ближнего скального зубца ветерок донес запах мохноногого канюка. Вскрабкавшись по уступам, Топ обнаружил гнездо – хаотичное нагромождение сучьев с плоским дном. Вокруг валялось много погадок – комочков непереваренной шерсти и костей грызунов, отрыгнутых птицами из желудка. Птенцов в гнезде не было. Видимо, уже встали на крыло.

Отсюда были видны три расходящихся веером кряжа, разделенных межгорными долинами. Их склоны за многие тысячелетия изрезали ручьи и ледниковые сходы. Над ними на уровне облаков парили беркуты. В одной из долин слезой поблескивало озеро. Прежде чем начать спуск к нему, осторожный зверь еще раз внимательно прощупал глазами незнакомую местность. Не обнаружив ни единого намека на присутствие людей (остальное его не беспокоило), запрыгал по шаткому курумнику вниз.

Путь к водоему преграждал перестойный пихтач с участками многоярусных ветровалов. Свисавшие с нижних ветвей сизые бороды лишайника то и дело облепляли морду паутиной. Приходилось смахивать ее лапой.

Вот и озеро. Над водой мечутся крикливые чай-

ки. В высокой траве тихо переговариваются гуси. Топ притормозил – попробовать подкрасться?

Опыт подсказывал, что днем эту сторожкую птицу не добыть, и он побрел дальше, принюхиваясь к витающим вокруг запахам. Вскоре ветер нанес самый чудный и желанный. От этого аромата Топ всякий раз терял контроль над собой. Это был запах меда. Лихорадочно процеживая воздух, определил источник – старая сосна.

Проворно взобравшись на нее, нашел в ребристой коре крохотное, отполированное до блеска отверстие, сквозь которое туда-сюда неутомимо курсировали пчелы. Аромат, сочащийся из дырочки, пьянил. Чтобы расширить отверстие, Топ обхватил одной лапой ребристый ствол, а второй стал расковыривать леток. Немного увеличив его, дальше работал зубами. Грыз, не обращая внимания на укусы расвирепевших хозяек. Они жалили не только покрытую короткой шерстью морду, но умудрялись с противным жужжанием протискиваться сквозь густую шерсть к животу, груди и вонзать свои копьеподобные жала в места, где шкура понежнее и почувствительнее.

Расширив отверстие, Топ принялся отрывать куски сот, истекающие янтарными тянучками. С жадностью поглощая их прямо с прилипшими пчелами, он время от времени потирал искусанный нос тыльной стороной лапы. В его урчании слышались как восторг от неповторимого наслаждения, так и страдальческие нотки от болезненных укусов.

Наевшись, отправился к озеру – после сладкого хотелось пить. Утолив жажду, взобрался на утес и вытянулся на прогретой за день плоской глыбе. Зверь был в прекрасном расположении духа – новое место пленило его.

Глава 28 Счастливые молодожены

Год пролетел незаметно. Очередное лето выдалось теплым и щедрым на пищу. Буйная растительность не только скрадывала шаги, но и хорошо маскировала Топа. Это значительно облегчало охоту. В покое и сытости он заматерел, налился подкожным жиром. Шерсть на спине и боках залоснилась, а на ногах и животе стала отливать вороновым крылом.

Как и положено в эту пору, Топа стало одолевать любовное томление. Хотелось ласки и нежного общения с себе подобной. В прошлом году у него уже была семья² но, выкормив потомство, они расстались.

Теперь в поисках подруги он, оставляя на холмиках и камнях любовные послания, удвоил суточный ход. Обследовал распадки, поднимался на окрестные вершины, но своей прежней партнерши не находил. Зато на стрелке хребта обнаружил след другой соплеменницы. От него исходил до того притягательный дух, что Топ от охватившего волнения задышал шумно и часто.

По чередованию размеренного шага с легкими прыжками он определил, что это молодая, полная сил росомашка. Вытянув вперед влажный черный нос, Топ помчался, следуя за ароматной струйкой. Вот и мочева метка. Понюхав ее, он буквально оцепенел: по телу волной прокатилась сладкая

дрожь. Ему захотелось пропитаться запахом этого влажного пятна. Топ припал к нему и, извиваясь, стал тереться. Затем вскочил и помчался, забыв обо всем на свете.

Нагнав росомашку, замер от восхищения. До чего красивы были ее глаза, шубка с золотистой шлеей! Покоренный самец принялся галантно прохаживаться перед красавицей, делать свечки. Но она не реагировала.

Отдышавшись, кавалер предпринял последнюю попытку: разбежался и, высоко подпрыгнув, перевернулся в воздухе. Приземлившись, с надеждой глянул на избранницу. Но она смотрела так, как будто ожидала большего, а, не дождавшись, разочарованно потрусила дальше.

Все еще на что-то надеясь, незадачливый ухажер последовал за ней. Покачивая хвостом, он всячески проявлял симпатию.

Однако стоило ему попытаться приблизиться, как росомашка зло щерилась.

Топ обескуражил явный провал, но он не терял надежды найти себе пару.

Проходя в день десятки километров, выловил наконец в струях ветра еще один волнительный дух. Следуя за ним по лесной тропе, догнал самку с полуторагодовалой дочкой³.

Мамаша отреагировала на его появление благосклонно. Чтобы закрепить успех, Топ был обходителен как никогда. Его старания оценили. Выражая симпатию, росомаха подошла и обнюхала его. Когда то же самое попыталась сделать взрослая дочь, мать злобно цвыркнула на нее.

После знакомства звери встали на задние лапы и, тыкаясь черными носами, перешли к «поцелуям». А успешная вечерняя охота еще больше скрепила их союз.

С появлением галантного жениха общество дочери стало тяготить самку. Она все больше охладела к ней. Держала ее на расстоянии, а к концу второго дня окончательно прогнала. Через неделю уже самому Топу пришлось отстаивать право на обожаемую подругу перед другим самцом. Порванные уши и многочисленные шрамы на морде конкурента выдавали в нем заядлого драчуна.

Бесцеремонно подойдя к Топу, он угрожающе обнажил клыки, но, когда их взгляды скрестились, пришелец уловил в глазах Тоба такую силу и уверенность, что смутился и, наигранно ворча, удалился. А Топ с Лаской продолжили наслаждаться любовными играми, ласками.

Летняя пора для пернатых и четвероногих обитателей тайги самая благодатная: тепло и кормов вокруг хоть отбавляй. Под пологом прогретого леса созревали, сменяя друг друга, жимолость, земляника, черника, костяника, голубика. Отъедались на щедрых дарах тайги выводки тетеревов, рябчиков, глухарей. Без усталости пополняли свои кладовые шустрые белки, подвижные, как ртуть, бурундуки.

С середины лета даже такие хищники, как медведь и соболь, переключаются на вегетарианское меню. Не осталась в стороне и наша парочка. Их стол разнообразили сладкие, сочные ягоды, молочные орешки кедрового стланика. Не ленились они забираться и на высоченные кедры. Там, среди пучков длинной хвои, гроздьями висели уже потя-

желевшие связки шишек. Росомахи сбрасывали их на землю. Быстро спустившись, собирали в кучу и, сев рядом, расплющивали каждую шишку зубами. Когтями выбирали еще мягковатые скорлупки с ядрышками и, тщательно разжевав, с наслаждением проглатывали.

Как-то на заваливших косулю росомах вышла волчья стая. Молодожены приготовились к обороне, но серые даже не остановились. Отвернув морды, они протрусили стороной: в эту пору все сыты.

Незаметно подкралась пора желтых листьев.

С севера напознала армада тяжелых, низких туч, и, как бы разминаясь, медленно и лениво закрапал холодный дождь. Вскоре полило так, что росомахи вынуждены были укрываться под елью. Водяная пелена временами становилась столь плотной, что контуры ближних деревьев размывались. Монотонный шум бесчисленных капель, усиленный порывами ветра, сливался с рокотом быстро набухающего ручья. Затаились звери, птицы. Притихли даже кедровки с сороками.

Обложило основательно: дождь лил, то стихая, то усиливаясь, трое суток. Тайга пропиталась водой до такой степени, что влага проникла даже сквозь самые густые кроны елей. Мучительный озноб не оставлял промокшую парочку ни на минуту. Чтобы не замерзнуть в отсыревших шубах, звери вырыли под корнями ели нору и забрались в нее. Когда голод заставил Тоба покинуть обжитое убежище, он с удивлением обнаружил, что дождь прекратился, но тайгу накрыла такая волна хлынувшего с севера холода, что хвоинки елей надели стеклянные чехольчики, а ветки заплыли прозрачной глазурью.

В налетающих порывах ветра ощущался запах меда. Топ с этими громилами никогда не связывался, но не брезговал пользоваться остатками их трапез. Поводя носом, он шумно засопел.

Запах шел с берега озера.

Осторожно подкравшись, Топ обнаружил на оледенелых листьях вмятины от медвежьих лап. На некоторых – замерзшие капельки крови. Вон и сам миша лежит на боку. Из полураскрытой пасти торчат желтые, в обломках коры, клыки. Шерсть на ногах вся в ледышках, на широких лапах смерзшиеся комочки грязи. На задней – громадный железный капкан. Между мощных дуг белела оголенная кость. С носа свисала сосулька. Все ясно! Околел, горемыка!

Поев сухого жилистого мяса, напоминающего по вкусу и жесткости древесину, Топ привел к туше Ласку. Насытившись, они обосновались неподалеку. Заморозки по утрам выбеливали траву и кусты. В изумрудное поле елей вплетались огненным янтарем лиственницы. Стайки берез на склоне соседней сопки стояли облитые золотом. С трудом верилось, что совсем недавно они были зелеными. Но праздник не вечен. Деревья изо дня в день теряли свое роскошное убранство. Опавшие листья покрывали землю цветистым ковром и, высыхая на солнце, скручивались в хрустящие под ногами трубочки.

В этом году белки необычайно рано сменили неказистую летнюю шубку на шикарную зимнюю. А это верный признак скорых морозов. И точно, лес

за несколько дней оголился и оцепенело застыл до весны. Там, где недавно царил сумрак, стало светло и просторно.

Теперь сюда свободно заглядывали низовые ветры. Они поднимали в воздух упавшие листья, сметали их в ямы, загоняли в расщелины. Две выбеленные солнцем сухостоины, раскачиваемые ветром, соприкасаясь, жалобно скрипели. Топ любил слушать эти «песни» леса.

Глава 29 Зима

Начало зимы выдалось студеным, бесснежным. Невысокое, бледное солнце скупно делилось теплом. Мороз пронизывал все живое. Прокаленные стужей стволы звонко лопались. Едва прикрытую снегом почву испещрили глубокие трещины. Холод вливался сквозь них и рвал, скручивал корни деревьев, замораживал закопавшуюся в землю живность.

Мороз был до того силен, что кормившиеся на ольхе рябчики попеременно поджимали то одну, то другую лапку – согревали их внутри перьевого муфточка: если летом ноги рябчиков оперены только до колена, то сейчас их теплые, несколько расклешенные «штанишки» опускались до самых коготков. А на пальцах теперь (так же, как и у глухарей, и тетеревов) роговая бахрома. Она в два раза увеличивает площадь опоры при ходьбе по снегу, а в гололед помогает удерживаться на обледенелых ветках.

Добывать пропитание становилось все сложнее. Росомах выручали сделанные осенью запасы. Но вот и они кончились. Топ вспомнил, что на мшистых редилах, на бруснике всю прошлую зиму держались большие стаи куропаток и одиночные глухари. Может, и сейчас они там?

Увы! На снегу ни единой лунки, да и ягод почти нет.

Середина зимы для росомах – самое голодное время. Старые заначки съедены, а зайцы и олени по еще неглубокому снегу легко уходили от них, тихоходов. Олени к тому же еще полны сил – запасы осеннего жира не иссякли, да и ягель пока легко копытить. Вот навалит снега, тогда шансы уйти от росомах у них невелики. А сейчас супругам приходилось довольствоваться чужими обедками. Мяса на них немного – в основном кости, но и над ними потрудиться стоило. Особенно над трубчатыми – ведь внутри них необычайно сытный костный мозг. Мощные челюсти и крепкие зубы росомах помогали добраться до этого лакомства.

Ситуация изменилась после обильного снегопада с затяжной метелью. Теперь вероятность успеха в охоте у обладателей лап-снегоступов заметно возросла. Как только непогода угомонилась, Топ отправился в пихтач, обвешанный бородачатыми лишайниками. Там жила кабарга – миниатюрный и как будто сгорбленный из-за непропорционально длинных задних ног миниатюрный олень с большими грустными глазами. Топ уже несколько раз пытался догнать его, но безуспешно. Олень всякий раз играючи уходил по натоптаным тропкам. Нынче их засыпало, и кабарга вряд ли сумеет бежать столь прытко.

Притаившись в том месте, где тропки скрещи-

вались, Топ подкараулил оленка. Увидев летящий мохнатый шар, кабарожка сумела в немыслимом отскоке увернуться от когтей и запрыгала, увязая миниатюрными копытцами в пухлой перине, к скале. Топ кинулся вдогонку. Задев ветки, он оставлял за собой снежные шлейфы. Через несколько минут перепачканный кровью ловкий хищник уже нес добычу к своей избраннице. С этого дня Топ с Лаской не испытывали недостатка в пище.

В зиме тем временем наметился перелом. И хотя морозы еще кусались, разгоравшееся солнце несло первую весть о скорой весне. Это было очень кстати – у Ласки подходила пора шениться. Настал день, когда она повела Топу в глухой, заметенный снегом распадок с несколькими башнеобразными останцами в изголовье. Чтобы надежно спрятать выводковое логово от непрошенных гостей, супруги вырыли в снежной толще многометровый канал. Его конец удачно уперся в просторную скальную нишу. Здесь, прямо на камнях, чуть прикрытых ветками и листьями, они устроили «родильную палату».

Глава 30 Новое потомство

Три незрячих щенка появились на свет ночью. Счастливая мать тщательно вылизала каждого с головы до хвостика. Первые дни малышей покрывала не шерстка, а кремовая, слегка вьющаяся подпушь с более длинными и темными волосками на лапках. Сами подошвы еще долго были голыми.

Детеныши, оккупировав вкусно пахнущее, теплое и мягкое материнское брюхо, либо спали, либо энергично сосали густое молоко. Теперь вся забота о пропитании легла на Топу. В жилистом мясе павших оленей не было недостатка, а вот за парным надо было побегать. Чтобы резкий запах не выдавал его, Топ перед каждым выходом тщательно вылизывал свою шубу и подолгу барахтался в снегу.

Самой подходящей для охоты погодой были безветренные, сопровождающиеся снегопадом дни. Особенно хорошо, если снег падал крупными, пушистыми хлопьями и так густо, что видимость заметно ухудшалась. Обладающему тонким нюхом Топу это не мешало: он подходил к намеченной жертве, ориентируясь преимущественно на запах.

В один из таких благоприятных дней Топ забрел в старый, основательно заросший молодыми соснами и осиною горельник, полого спускающийся к ключу. Сквозь частую сеть снежинок он разглядел несколько бурых пятен. Поцедив воздух, определил – лоси!

Обитая прежде в перестойной, дуплистой тайге, в которой животные не могли дотянуться до тонких, нежных веточек, а кора старых деревьев была грубой, лоси до предела ослабли. Стадо только вчера обнаружило этот богатый сочными кормами подрост. Животные с жадностью откусывали пучки хвои, тонкие мерзлые побеги; обгладывали длинными, крепкими зубами горьковатую осиную кору. Чтобы добраться до самых нежных веточек, грудью пригибали молодые стволы и, пропуская их между ног, объедали аппетитные вершинки.

Лоси были до того истощены, что, пока проби- вали траншею к следующему дереву, несколько раз

останавливались отдыхать. От напряжения у них бока ходили ходуном. Видя такую беспомощность, Топ решил атаковать немедля. Шанс заполучить гору парного мяса удвоили силы.

Заметив приближающуюся росомаху, стадо скучилось. Однако, стоя по брюхо в снегу, сохатые⁴ были лишены возможности использовать свое страшное оружие – копыта. Дрожа от возбуждения, Топ подошел к стоящему несколько поодаль худому комолу бычку. Запрыгнув ему на спину, он вонзил клыки в холку. Бычок, пытаясь сбросить наездника, отчаянно затряс, замотал головой, но безрезультатно...

Убедившись в смерти сохатого, Топ издал торжествующий рык и на глазах всего стада, не жуя, набил желудок парным мясом. Затем отгрыз от туши увесистый шмат и поспешил к семье.

Двигаясь по туннелю, Топ тихонько урчал. Его «песня» вызвала в логове радостное оживление. Беззубые, тупомордые малыши, неуверенно ступая неокрепшими лапками, пошли на запах и, ткнувшись в мягкость, полизали аппетитно пахнущую плоть: есть мясо они пока не могли. Зато их мать одолела его в один присест.

На двадцатый день глаза малышей открылись, но в них еще долго стояла голубовато-молочная муть.

Как ни противилась зима, но настал день, когда весна, вооруженная жаркими лучами ожившего солнца, окончательно одолела ее. Пропитанные теплой влагой пузатые тучи в два приема «съели» отмякшие сугробы. После этого надолго установилась ясная солнечная погода. Ласковые апрельские ветры мигом высушили южные склоны. На открытых бугорках проклюнулись сиреневыми платочками цветки сон-травы. Их уже обхаживал дородный, с оранжевым загривком шмель. Преображались и деревья: лиственницы покрылись легкой, седоватой дымкой, «заплакали» березы, ветви сосен затопорщились розовато-кремовыми свечками, припудренными белой пылью.

По пробуждающемуся от зимней спячки лесу то и дело рассыпалась четкая, пронзительная дробь дятлов. Этим трудяг природа не одарила красивым голосом, и, чтобы не пугать самочек своим неблагозвучным пением, ухажеры пользуются отщепами и сучками деревьев, которые играют роль музыкальных инструментов. Подобные любовные серенады их подругам, похоже, больше по душе.

Подбадривая пока еще неловких щенят, Ласка вывела их на волю. Яркий свет ослепил глаза и поразил малышей. «Как просторно вокруг! Сколько красок! Какой горячий шар над головой!» – вероятно, думалось им.

Они осторожно обследовали камни, заросли кедрового стланика, от которого шел пьянящий смолистый дух. Мамаша отщипывала пупки хвои и жевала. Ребяг следовала ее примеру.

Внешне схожие, малыши сильно отличались по характеру. Старший, спокойный, медлительный, любил полежать. Младшие сестренки, наоборот, постоянно были в движении. Наевшись, боролись, гонялись друг за дружкой, кувыркались, изгибались так, что казалось, будто они лишены костей. От вечной возни и беготни перед логовом все было вытоп-

тано. Пытаясь расшевелить братца, они прыгали на него, кусали за уши, хватили за хвост, а тот только сладко жмурился. Лишь изредка отмахивался либо, набычив голову, недовольно урчал.

* * *

Занятый заботами о пропитании, Топ выкраивал время и на воспитание детей. Учил подкрадываться, пластаться по земле, надолго затаиваться и молниеносно, без промаха нападать. Учеба шла ежедневно: к осени малыши должны были подготовлены к самостоятельной жизни.

А учителем он был строгим. Не обращая внимания на отчаянные вопли, без колебаний наказывал неслуха болезненным шлепком либо рычал так, что провинившийся от ужаса припадал к земле. Если это не помогало, хватал не в меру расшалившегося отпрыска за холку и хорошенько встряхивал. Так что детеныши слушались отца не только с полуслова, но и с полувзгляда.

Добывать пищу Топ обучал на практике. Для этого он приносил еще живую добычу и подзывал потомство. Тут уж братцу не было равных. Он первым набрасывался на жертву и трепал ее, пока та не затихала. Как-то отец положил перед детьми крыло куропатки. Старший на неподвижную добычу не прореагировал. Сестренка же вид перьев привел в необычайное возбуждение. Они припали к земле и не сводили с «добычи» глаз. Ползком подкрались на расстояние прыжка и дружно набросились на «птицу». Упираясь в землю лапками, начали тянуть изо всех сил, каждая в свою сторону. Испугавшись неожиданного загалдевших на дереве ворон, они разжали пасти и замерли. Отец покачал головой, как бы говоря: «Не обращайтесь внимания, это не опасно». Тут наплыла бесцветная туча, посыпала морось. Малышня озябла, заскулила, охотничий пыл сразу угас. Ласка поспешила увести их под буреломный отвал.

От изуродованной молнией сосны донесся робкий щелчок, похожий на стук падающих капель. Топ прислушался. Минутная пауза, и новая осторожная очередь... еще одна. Точнее, череда столь любимых звуков: скрежет, цвирканье, переходящие в точение. Глухарь! Если добыть, дня на три хватит!

Петух сидел с опущенными коричневатопепельными крыльями на нижнем суку и, ослепленный страстью, исполнял одно любовное послание за другим. Начинал с серии щелчков – сухого тэканья, затем следовала звонкая трель. А завершалась песня коротким, на три-четыре секунды, точением. В этот момент глухарь как бы отключается: не слышит и не видит. Высоко вскинутая чернявая с красным окоемом вокруг глаз голова на зеленой, с синим отливом шее вибрирует, а распушенный веером хвост подергивается так, что слышно шуршание перьев.

Топ, стелясь по земле, подполз к дереву почти вплотную. Взобравшись на обомшелую валежину, он уже готовился к прыжку, как в стороне, глухо вквоча, низко пролетела рыжеватая глухарка. Хищник замер. Капалуха села на соседнюю сосну и принялась, не обращая на певца внимания, откусывать кончики веточек и завязи шишек. Благодаря острым краям светло-желтого клюва, делала она это в один прикус.

Топ успокоился и, когда петух в очередной раз устремил к небу украшенную брусничными бровями голову, прыгнул на него. Задние лапы при толчке соскользнули с влажной коры, и хищник лишь едва дотянулся до кончиков черного с белым крапом хвоста. Глухарь, оглушительно хлопая громадными крыльями, взмыл вверх, а огорченный неудачей Топ побрел искать другую поживу.

Вскоре тишину леса взорвал резкий хохот ошалевших от брачных страстей куропаток. Они с криком перелетали с места на место, красуясь перед наблюдавшими за ними курочками. Тут уж Топ не оплошал. Два петушка отчасти компенсировали неудачу с глухарем. Одного он съел сам, а второго отнес в логово.

В конце мая семья спустилась в долину. Здесь, на речной пойме, уже всю зеленели не только осины, но и лиственницы, а загустевший лес оглашался звонким пением лесных птиц.

Детвора росла быстро. В три месяца они внешне уже мало отличались от родителей, только были в четыре раза меньше весом. После каждой удачной охоты и сопутствующей ей трапезы молодняк принимался беззаботно резвиться: гоняться друг за другом, кувыркаться, нападать из засады. Взрослые не отставали. Кувыркались, прыгали вместе с ними. Тут уж начиналась общая свалка.

Мирно и безмятежно протекали долгие летние дни. Семья обычно отдыхала в пещерке возле родничка, бьющего прямо из-под корней ели. В ней не докучали мошкара и прочие кровососы, а в жару было прохладно. У входа на каменной плите частенько грелись на солнце свернувшиеся в клубок змеи. Когда росوماхи проходили мимо, те, шелестя кожей, расползались по своим убежищам. Звери не обращали на них внимания – еды и без того хватало.

К июлю, когда стали поспевать ягоды, выводок перебрался в горельник. Первой вызрела зимолость. Темно-синие продолговатые ягоды имели приятный, кисло-сладкий с легкой горчинкой вкус. Следом подошла черника, красящая язык в черный цвет.

Вот и любимая голубика поспела. Невысокие, с коричневыми стеблями кустики были столь густо усыпаны темно-синими, будто припудренными плодами, что за ними почти не было видно листочков. Набив желудки, звери ложились на спину и, радуясь солнцу, переворачивались с боку на бок. Лениво помахивая хвостами, урчали от сытого блаженства.

В начале сентября неожиданно выпал снег. Не сбросившие листву ветви под его тяжестью ломались, а некоторые, согнувшись до земли, образовали шатры. Снег вызвал необычайный восторг у молодняка. Они купались, резвились, барахтались в искрящемся пуху. Опрокидываясь на спину, скачивались со склона. Взбирались обратно и, раскачавшись на гибких ветвях черемухи, плюхались в снег и вновь съезжали вниз. Особенно им нравилось то, что мягкий, пушистый покров приятно холодит ступни. Дурачились так до тех пор, пока мать строгим стрекотом не призывала их к себе.

Топ с наступлением холодов оставил семейство и принялся, как обычно, бродяжничать в одиночку. Обойдя несколько отрогов и ключей, он не встретил

ни одной достойной внимания добычи. Приходилось довольствоваться лишь нерасторопными куропатками. Ему все чаще вспоминались тропы двуногих, на которых всегда можно было поживиться мясом из амбарчиков. Эта легкая добыча дразнила, не давала покоя.

ЧАСТЬ III

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Уничтожение диких животных – это предостережение людям, указывающее на то, что ожидает их самих в недалеком будущем.

Бернгард Гржимек

Глава 31

Плен

С очередной почтой Подкова привез Степану бандероль из охотуправления. Отдавая ее, не преминул напомнить:

– Степан Ермилович, долг-то не весь погашен. За просрочку уже проценты пошли.

– Да помню, помню. Рассчитаюсь. Но и ты не забывай, что Мавра должен вернуть.

– Сколько объяснять – сбежал он от меня почти сразу.

– Это не моя проблема. Ко мне он не приходил. Так что и с тебя проценты будут.

Подкова хотел было что-то возразить, но передумал и поспешно вышел.

Степан распечатал бандероль. В ней было несколько пачек бланков по учету и письмо с заданием отловить и доставить в город одну росوماху. В отдельной коробочке капсулы для усыпления животного и инструкция по их применению. Также сообщалось, что в охотуправление пришел для него мотоцикл.

Наконец-то!

Окрыленный, охотовед засобирался в тайгу. Расспросив мужиков, где кто видел в последний раз росомашьи следы, решил начать поиски с перевальной седловины у Сахарной Головы.

Росомашьих следов там действительно было много. Соорудив три амбарчика, в крайних оставил по глухариному крылу, а в средний положил аппетитный кусок оленины. В него предварительно вложил две капсулы снотворного. Между амбарчиками, для привлечения росوماхи, разбросал кроху. Сам устроился в буреломе, метрах в ста пятидесяти. Чтобы не замерзнуть, накидал на снег лапника и забрался в меховой спальник.

Росوماха появилась в тот же вечер. Охотовед с удивлением наблюдал, как она отгрызла ветку и, потыкав ею у входа, ушла. Степан сообразил, что это та самая росوماха, которая безнаказанно опустошает путики промысловиков и гадит в их избушках.

«Почему она ушла? Что ей не понравилось? Может, смутило отсутствие капкана. Теперь сюда вряд ли вернется».

Когда рассвело, Степан вытащил из пещерки приманку со снотворным и перебрался в соседнюю ложбину, где тоже встречались следы росوماхи. Соорудил новые амбарчики и, установив на входе кап-

каны, положил в пещерки приваду.

Две ночи дежурства прошли впустую. Степан уже подумывал сменить место, но на третью его терпение было вознаграждено.

Прежде чем приблизиться к амбарчику, россомаха долго нарезала вокруг него круги, подходя с каждым разом ближе. Принохивалась, присматривалась. Наконец отгрызла ветку. Когда железные челюсти вцепились в нее, безбоязненно вытащила мясо. Съев его, запрыгала дальше.

Выждав минут двадцать, Степан, изумленный столь осмысленным поведением зверя, вылез из спального и пошел по следу. Опустошив вторую пещерку, зверь направился в долину. Прыжки становились все короче. Прежде прямая строчка завилась. Метров через четыреста охотовед наткнулся на россомаху, лежащую за валежиной. Увидев его, она с трудом встала и, сделав несколько неуверенных шагов, опять легла. Охотовед, дождавшись, когда зверь окончательно уснет, подошел. Россомаха на его приближение не прореагировала.

Степан никогда не признал бы в этом матером, холемом звере милого, веселого увальня – Топа, если б не характерное белое пятнышко на груди.

Так вот кто донимал Подкову! Ай да Топ! Прямо-таки таежный мститель! Робин Гуд!

Пока зверь не проснулся, охотовед поспешил связать лапы. При этом, для надежности, задние притянул к передним. После чего одел на голову мешок из плотной ткани. Накидав на снег еловых веток, уложил на них спящего пленника, а сам побежал за оставленными в засаде вещами. Степан горючился – действие препарата непродолжительно.

Засунув россомаху в спальный мешок (обездвиженный зверь быстро замерзает), обвязал его веревкой и, выбирая путь почище, повез спящего пленника к избушке.

Очнувшись, Топ никак не мог понять, что с ним происходит. Во тьме и непривычной тесноте его затуманенный препаратом мозг фиксировал лишь мягкие толчки. Потом его приподняли и вывалили на что-то твердое. Колпак с головы слетел, и Топ зажмурился от света. Когда глаза привыкли, огляделся. Он находился в бревенчатой, пахнущей дымом избушке. Она была ему хорошо знакома. Это ее они с Мавром сторожили. А вон и хозяин Мавра. Сидит, наблюдает.

«Наверное, думает, что это я убил его собаку, и решил отомстить. Как же ему объяснить, что Мавр умер от плохого мяса?».

Топ заворочался, пытаюсь встать, чтобы позой, выражающей дружелюбие, «сказать», что он не причастен к смерти собаки. Но прочные путы не позволили ему даже приподняться. Стремясь освободиться от них, он извивался, дергался всем телом, но безрезультатно.

Зверя охватила паника. Прежде он никогда не испытывал ощущения такой беспомощности. От нервного перенапряжения Топ забился в конвульсиях. Подобная реакция не обеспокоила охотоведа. Он знал, что у диких зверей, особенно взрослых хищников, попавших в неволю, такие припадки не редкость. Конвульсии тем временем становились все слабее и наконец прекратились. Степан подошел к россомахе и присел напротив.

Не бойся, Топ! Я тебе ничего плохого не сделаю. Ты меня узнал? – охотовед погладил россомаху по спине.

Топ опять попытался выразительным взглядом донести до человека, что он неповинен в гибели собаки.

Степан чувствовал, что зверь пытается ему что-то «сказать», но истолковал по-своему.

Топ, дорогой, мы, конечно, друзья, но я тебя не отпущу. Поедешь в зоопарк. Там кормят, лечат. Тут тебе опасно оставаться. Ты так насолил здешним охотникам, что они рано или поздно тебя убьют. Зоопарк – твое спасение.

По тому, что зверь немного успокоился, Степан решил, что он его понял.

Переночевав в зимовье, охотовед на следующий день перевез Топа домой. Сколотив из толстых плах клетку, стал ожидать пятого декабря когда должна была приехать автолавка. Степану не хотелось лишней раз обращаться к Подкове, но по-иному россомаху в город не доставить. А не хотелось потому, что опять начнет ныть насчет долга, обвинять его в том, что он сам и выкрал Мавра.

Эту поездку Топ запомнил на всю жизнь: на ухабистой, с ребристыми наметами снега дороге постоянно трясло, кидало из стороны в сторону, больно било о деревянные стенки клетки. От едких, щиплющих нос и глаза выхлопных газов его тошнило.

В городе Степан связался с сотрудником охотуправления и они вместе сдали россомаху в багажное отделение аэропорта. Уходя, охотовед обернулся:

– Прощай, Топ! Пусть на новом месте тебе будет хорошо.

Он не знал, что им еще предстоит встретиться при весьма необычных обстоятельствах.

Глава 32 Неволя

В зоопарке Топа поместили в клетку из железных прутьев, стоящую в отдельном помещении. Весь день к нему подходили люди в синих халатах и восхищались:

Красавец!

А мех-то какой: пышный, блестящий!

Такой россомахи у нас еще не было!

После томительного двухнедельного карантина под присмотром ветеринарного врача Топа перевели в просторный вольер. На металлическую сетку повесили табличку: «Россомаха. Самый крупный представитель семейства кунных. Возраст – 4 года. Кличка Платон».

Вправо и влево от Топа тянулись вольеры с другими обитателями зоопарка. Очутившись после тесной клетки в просторном, обтянутом сеткой вольере с грудой камней и массивных коряг в центре, Топ опрометью бросился к стенке, ища лазейку, но тщетно – повсюду упирался в стальное сито. Попробовал разорвать его зубами, да лишь сколол эмаль на одном из них.

Цепляясь когтями за ячейки, взобрался наверх. Однако металлическая сетка была повсюду. Тогда Топ начал рыть когтями землю, но вскоре уперся

в бетонный пол. Убедившись, что отведенное ему пространство не имеет выхода, зверь на время сник. Съев оставленное ему мясо, забрался в бревенчатое логово.

Ночь прошла спокойно, а утром вокруг зашумело, забурило: в проходы хлынул разношерстный поток двуногих. Топа поразило невообразимое число запахов, исходящих от них. Он довольно быстро привык к тому, что люди толпились возле его ограды, и старался не обращать на них внимания. Если кто допекал, нервно скалился и забирался в убежище. Единственный двуногий, приход которого радовал Топа, – это белобородый человек в синем комбинезоне, который каждый день кормил его и убирал внутри вольера.

Справа, за сеткой жила волчица. Она смирилась со своим положением, и даже летевшие в нее камешки не будили в ней духа мщения. С утра до вечера лежала, положив голову на лапы, с равнодушным видом поглядывая на посетителей исподлобья. По ночам же наводила воем тоску на всю округу. Зато в вольере слева всегда кипела жизнь: в отдельных секциях деловито сновали огненные колонки, с достоинством прогуливались знающие себе цену красавцы соболя.

Когда утром раздавался тугой, округлый звук: «Платон! Платон!» – Топ знал, что сейчас получит порцию мяса, и вылезал из выкопанной под бревенчатым логовом норы. Высокий, с белой шерстью на морде человек подкатывал тележку и, выложив еду, начинал с ним беседовать. Что он говорил – Топ не понимал, но ласковые нотки в голосе успокаивали его, возвращали в счастливое детство.

Как-то белобородый смотритель принес в вольер металлический шар. Топ сразу принялся с азартом катать его по полу. Потом запустил под него длинные когти и, когда ему удалось поднять шар, прижал к груди и перекувыркнулся с тяжелой, скользкой игрушкой через голову. И так несколько раз подряд. При этом его небольшие живые глазки светились такими жизнерадостными огоньками, а мешковатые движения выражали такую радость, что человек невольно заулыбался.

– Ну ты, Платоша, даешь! Циркач! А говорили: осторожно, осторожно! Зверь, мол, злобный, пакостливый. Ну какой же ты злобный – вон какой весельчак да игрун!

Несмотря на хорошее питание, просторный, удобный вольер, неволя тяготила бродягу Топа. Стоило ему закрыть глаза, как память уносила к лесистым распадкам, бурливым ключам, услужливо воскрешала моменты удачных охот, игр с нежной подружкой. Эти воспоминания наполняли сердце тоской и вызвали страстное желание добиться воли.

Наступило время долгого, высокого солнца и по дорожкам зоопарка сразу забегало больше маленьких звонкоголосых человечьих детенышей. Крики, постоянный гвалт утомляли зверей. Топ стал раздражительным и большую часть времени прятался в норе.

В один из таких дней обитателей зоопарка не покормили. Стемнело, но никто из смотрителей так и не появился. Привыкшие к четкому распорядку, голодные звери выли, ревели, скулили, грызли, бодали сетку и железные прутья.

Только на следующий день по зоопарку поплыли запахи, предвещающие еду. Донесли шаги, скрип колес. Следом показались два человека. Белобородого среди них не было. На тележке стояли два бачка с похлебкой, фляга с водой и ящик с мясом. Раздавая еду, люди переговаривались между собой. Тот, что толкал тележку, сразу не понравился Топу. Пустые рыбы глаза, тонкие губы, искривленный улыбкой рот, а главное, запах, шедший от него, выдавали злобную натуру. Бросив росомaxe кусок мяса, люди прошли дальше.

На следующий день Рыбий Глаз опять появился, но уже один. Подойдя к вольеру Топа, он прочитал вслух: «Росомаха... Платон». Возле двери табличка поменьше: «Внимание! Входя и выходя, запирай замок».

Оглядев Топа, он пропел:

– Пла-а-а-тон – из тебя выйдет хороший ша-а-а-пон! – и заржал, довольный сочиненной рифмой.

Топ же продолжал катать шар.

– Что, брат, хорошо на дармовых харчах? Играй да играй!

Введенный в заблуждение добродушием и игривостью симпатичного «медвежонка», он зашел в вольер, чтобы убраться, а дверку только прикрыл. В тот же миг бурая молния метнулась в образовавшуюся щель и сажеными махами понеслась между клеток.

Глава 33 Свобода!

Выскочив на улицу, Топ помчался, высоко вскидывая зад, отчего в какие-то моменты все четыре лапы не касались земли. Бежал без остановки, подгоняемый страхом и криками людей, заглушаемым ревом накатывающихся то сзади, то с боков железных чудищ. Прохожие в страхе шарахались от него в стороны. С демонически горящими глазами и хриплым пенным придыхом, Топ и впрямь был ужасен.

У столба с круглым красным глазом на него чуть не наехал железный дом на колесах («Точь-в-точь как у Круглолицего», – отметил Топ). Перепуганный зверь понял, что из этого кишачего людьми и машинами муравейника ему сейчас не выбраться. Надо где-то спрятаться и дожидаться ночи...

Когда шум вокруг стих, зверь выбрался из убежища и при свете фонарей пошел, подчиняясь врожденному инстинкту ориентировки, на северо-восток – туда, где находился его родной горный массив.

Перед рассветом высокие и многоглазые каменные дома сменили деревянные поменьше. За ними уже просматривался лес. Скорей под его защиту! Вбежав в высветленную белыми стволами березовую чащу, беглец перешел на размеренный шаг. Жадно вдыхая чистый, настоящий на травах и листьях воздух, Топ с наслаждением углублялся в родную стихию. На пути торчали одряхлевшие пни, зияли, карауля неловких, рытвины, обрамленные ажурным папоротником. Топа весь этот кавардак только радовал: он обрел самое дорогое для дикого зверя – свободу! От избытка чувств Топ запрыгал, закувыркался, путаясь в высокой траве.

Двигаясь в выбранном направлении, он неволь-

но оглядывался на каждый треск и шорох. Если обзор закрывали кусты, вставал столбиком: смотрел, не преследуют ли его. Убедившись, что погони нет, опускался на передние лапы и продолжал путь.

За месяцы, проведенные в неволе, Топ отвык от длительных переходов, и сейчас его сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвет грудную клетку. Следовало отдохнуть и перевести дух. Возбегав на лесистый увал, он растянулся на траве, с наслаждением вдыхая лесные запахи.

Ненавистную вонь железных чудищ сменили ароматы прелой листвы, сырой земли. Над головой, на кончиках сосновых веточек, светились полупрозрачные капельки смолы. Они наполняли воздух любимым с детства запахом.

Передохнув и успокоившись, беглец побежал еще развее. Как весной птиц тянет на север на родные гнездовья, так и Топа генная память вела туда, где он родился.

Завершался первый день свободы. На смену тягучим сумеркам как-то незаметно пришла ночь, а Топ все несся сломя голову. Далеко позади остались огни человеческого жилья. Но вот впереди сквозь чуть шелестящие от ветра кусты опять мелькнул слабый свет. Проступили темные силуэты домов.

«Там могут быть собаки, обойду-ка стороной», – решил он.

Как ни велико было желание Топа побыстрее удалиться от города, желудок все настойчивей требовал пищи. Он, конечно, подкреплялся на ходу травой и ягодами, но, чтобы восстановить силы, необходимо было мясо. Тут очень кстати из-под берега шумно сорвалась пара крякв и понеслась по воде, оставляя на ней две дорожки жемчужных кружков. Одна из уток, всем видом убеждая росомаху, что ранена, стала отставать. Но опытный хищник на нее даже не глянул. Сразу полез в траву. В ямке между кочек обнаружил пятерых утят и одно яйцо. Они составили его завтрак и обед одновременно.

На исходе дня Топ, пересекая плотную, отполированную бобрами тропу, увидел уныло бредущее по берегу пухлявое, похожее на бочонок существо. Оно мрачно поглядывало по сторонам. Иногда останавливалось и рылось в береговом мусоре. Это создание было похоже на косматую короткомордую собаку. Топ прикинул: размером с меня, но больно неуклюж – справлюсь в два счета.

И тут до него донесли едва уловимые шорохи. Он замер и, двигая ушами, огляделся. Косматое создание тут же куда-то исчезло. В глубине леса замелькали призрачные тени. Из-за высокой травы и густого кустарника Топ не сразу распознал в них свору собак. Разойдясь в цепь, они окружали его. Что-то зловещее было в их молчании и слаженных движениях.

Убегать бессмысленно – догонят. Тратить драгоценный мускус жалко – дорога длинная, еще не раз может пригодиться. Топ благоразумно отступил к дереву и, вскарабкавшись по стволу до первой толстой ветки, растянулся на развилке во всю длину. Разномастная стая расселась под ним: решили взять измором!

Из-за горы выкатилась и зашныряла в разрывах туч лимонная долька луны. Тут собаки отчего-

то заволновались, вскочили и побежали, то и дело оглядываясь. По их следам вскоре протрусили волки. Учувя запах росомахи, они на нее едва глянули: знали, что от вонючки следует держаться подальше. Вскоре чуткую тишину леса разорвали душераздирающие визги.

Топ же долго еще лежал на развилке дерева, приняв себя и всматриваясь во все, что происходило внизу. Убедившись, что ему больше ничего не угрожает, спрыгнул в траву. В ней его внимание привлекла то разгорающаяся, то почти гаснущая точка. Раздвинув стебельки, разглядел маленького жучка, излучающего мягко тлеющий свет. У себя на родине он таких не встречал.

Шел третий день свободы.

Чтобы экономней расходовать силы, Топ старался пользоваться натеренными звериными тропами. На закате со стороны реки послышалось громкое чавканье. У комля могучего дерева копошился крупный незнакомый зверь. Туловище клиновидное, шерсть бурая, грубая. На голове высокие мохнатые уши. Вытянутый нос венчал подвижный пяточок, по бокам грозно поблескивали круто загнутые клыки. Вепрь, а это был он, ворошил листву, «пахал» мощным рылом дерновину, что-то выбирая в земле. Его волосатый хвостик беззаботно вертелся.

Из-за другого, поваленного дерева показалась пара мохнатых ушей. Они двигались, как локаторы, и вскоре оттуда вышла, бдительно оглядываясь, старая кабаниха – вожак табуна. Она недоверчиво покосилась на Топа и что-то прохрюкала. И тут же выбежали с визгом шерстистые детки с вертикально задранными хвостиками-ниточками.

Вдруг многодетная мамаша резко остановилась, словно наткнулась на незримую преграду. Хвост, как флажок, взметнулся вверх и застыл, приняв форму вопросительного знака. В наступившей тишине Топ слышал сопение – чушка усиленно втягивала в себя воздух. Затем утробно рюхнула и понеслась вниз по косогору. Семья устремилась за ней. Замелькали вразнобой полосатые поросята, подсывинки, черные молодые кабанчики.

Топ не стал выяснять причину столь стремительного бегства незнакомцев. Подгоняемый безотчетным страхом, он тоже поспешил ныряющими прыжками прочь.

Лес расступился, пошли болота, измазанные слоистыми пластинами тумана. Куда ни глянь – кочкарник, топи, вода. Сколько уже Топ за свою жизнь перевидал их. Одни чистые, безлесные, с тесно стоящими в ржавой воде высокими кочками. Другие – изумрудная гладь, напоминающая луг с одинокими березками, а ступишь – волны кругами расходятся. По таким зыбунам могут ходить лишь широколапые росомахи. Все остальные звери ищут обход. Но самые пакостные и труднопроходимые болота таятся в густых, мшистых чащобах. Они представляют собой бесконечную череду затхлых, пузырящихся ям, опутанных корнями деревьев. На таких болотинах ухо следует держать остро даже росомахам – того и гляди, угодишь в западню.

Топ спешил достичь темнеющую впереди возвышенность. Шел, приминая осоку между кочек,

неглубоких заиленных луж. Он спешил еще потому, что добыть тут что-либо было маловероятно, а организм все настойчивей требовал мяса.

Неожиданно из-за густой стены осоки открылся бойкий водоток, полный рыбы. Высовывая рты, они хватали насекомых, тучами вьющихся над водой. Топ стал прикидывать, откуда лучше подойти, чтобы не спугнуть стайку. В этот момент впереди в тумане кто-то зашевелился. Проступили нечеткие очертания горбоносого лося с вильчатыми рогами, говорящими о его молодости.

Осторожно озираясь, он выходил из заводи, где спасался от гнуса. В слегка колеблющихся от легкого ветерка струях тумана животное напоминало сказочное видение. Бык то и дело кашлял, фыркал, пытаясь освободиться от раскормившихся в слизистой оболочке носа личинок оводов.

Лось с каждым шагом приближался и скоро должен был оказаться рядом с Топом. У того разыграл азарт охотника: смогу ли одолеть? Хоть и молодой бык, но попробуй доберись до вены или шейных сухожилий: прочная кожа и густая шерсть – надежная защита от клыков.

А лось уже совсем близко. Теперь он казался Топу просто огромным. Однако голод порой помогает совершать безрассудные поступки. Помощник ветер тянул на росомаху, и сохатый не слышал ее запаха. Когда он поравнялся с Топом, тот прыгнул. Метил в шею, но чуть промахнулся. Быстро перебирая когтистыми лапами по мокрой шерсти, добрался до загривка и, работая мощными челюстями, стал остервенело рвать, грызть шкуру.

Обезумевший от боли и ужаса, лось понесся по болоту, пытаясь скинуть страшного наездника, но длинные когти росомахи держали надежно. Долго носился, роняя пену, великан, но, когда Топ наконец перекусил шейные сухожилия, увенчанная шерстистыми, еще не окостеневшими рогами голова безвольно упала на грудь. Сохатый зашатался и рухнул в густую осоку...

Утолив голод, росомаха прилегла. Когда она вновь приступила к трапезе, ей показалось, что лось как-то странно дернулся. Топ насторожился и приподнял голову. В этот момент передняя нога-ходуля «выстрелила» из-под брюха прямо в морду. Придя в сознание, Топ еле разомкнул челюсти. Половина передних зубов была выбита. По очереди выталкивая языком их обломки, с радостью убедился, что клыки целы. Спекшаяся кровь закупорила распухшие ноздри так плотно, что дышать росомаха могла только ртом. Пройдя к воде, опустил в нее морду. Потихоньку фыркая, бедолага прочистил носовые проходы и вернулся к своему трофею. Но как ни подступался к туше, оторвать даже небольшой кусочек мяса травмированной пастью не смог. А есть хотелось. Зверь огляделся. На холме возле болота могут быть куропатки. Надо проверить.

Ему повезло: куропатки там действительно были. Подкрепившись, Топ зашел в лес. Тут его характер резко менялся. На смену светлому, преимущественно листовенному, начался дремучий, темнохвойный. Под его плотным сводом редко увидишь кустарники, подлесок, траву. Усталая пыльным моховым ковром земля бугрилась старыми обомшелыми валежинами, колодами, дрях-

лыми пнями. Молчаливая, угрюмая и бескрайняя, как океан, страна – тайга! Видимость из-за густых, зеленых лап, обвешанных бородами лишайника, упала до трех-пяти метров. Лишь изредка встречались открытые пространства, утыканные черными скелетами горелых стволов. Хорошо, что у зверей имеется внутренний компас. Без него в такой чаще можно плутать годами.

* * *

Шел Топ в основном ночью, когда вероятность встречи с двуногими была минимальна. Перед рассветом выбирал скрытное место для отдыха и чуточку дремал. С приближением сумерек подкреплялся чем придется и продолжал путь.

Когда дорогу преграждала речка, Топ безбоязненно входил в воду и, загребая широкими лапами, как веслами, переплывал на другой берег. Дважды его путь преграждали большие полноводные реки. На них, как ни старался Топ плыть прямо, мощное течение сносило на километр, а то и на два.

На илистых и песчаных берегах все чаще встречались отпечатки медвежьих лап. А сегодня Топ чуть не напоролся на семью косолапых. Она отдыхала на краю хорошо продуваемого берегового уступа. Медведица блаженно развалилась на дерновине, подставив солнцу грудь и брюхо. Передняя лапа расслабленно свешивалась вниз. Этим не преминул воспользоваться один из малышей. Подпрыгнув, он ухватился за нее и моментально взобрался на живот матери, где и устроился, словно на мягкой перине. Вскоре рядом появился братец, и они стали, потешно фыркая, барахтаться на мамаше. Она же басовито урчала, шурилась от удовольствия, но, уловив в ветре чужой запах, беспокойно огляделась. Увидев Топу, рывкнула на него так грозно, что тот ретировался.

Ясная, сухая погода разнообразилась грозами. После того как на глазах Топу от удара молнии раскололся и загорелся большущий кедр, он боялся грозы и при ее приближении начинал, забыв обо всем, зарываться в землю.

Грозе всегда предшествовал шквалистый ветер. Под его натиском мохнатые папахи деревьев, судорожно всплескивая ветвями, мотаясь из стороны в сторону, роняли на землю обломки сучьев; стволы, натужно выгибаясь, трещали. Некоторые лопались. А иные, выворачивая корнями пласт земли, валились целиком. Бесчинствовал ветер, как правило, недолго, но ветровалы оставлял значительные. Топ никак не мог понять, как какое-то невидимое существо может творить такую разруху.

Лишь только напор ветра ослабевал, с небес начинали низвергаться косые струи. Тайга, озаряясь слепящими вспышками, нервно вздрагивала от раскатов грома. Порой ливень был столь обильным, что безобидные ручьи на глазах превращались в клочущие мутные потоки, несущие ветки, коряги, а прибрежный песок буквально вскипал под ударами дождевых капель. Бывало, что дождь переходил в град. Тогда ледяные шарики срезали траву, кромсали листья деревьев, ударяясь о камни, разлетались в разные стороны.

Глава 34 Долгая дорога домой

Косматый зверь брел нескончаемой сумрачной тайгой двадцатый день. Его шаг по-прежнему был ровным, четким, как и в первые дни пути. По почти прямой линии следа было ясно, что он точно знает, куда идет. Позади остались сотни километров. О том, что его ждет впереди и когда покажутся горы, где он родился, Топ не знал. Он просто шел, подчиняясь зову родины. Когда появлялись попутные звериные тропы, пользовался ими. Это было не только удобно, но и полезно – то и дело набегали зайцы, олени.

В одной из долин Топ уловил запах дыма. Снедаемый любопытством, он круто отклонился от своего направления. На галечном берегу шустрой речушки чадил дымок. Рядом убежище двуногого из туго натянутой безволосой шкуры цвета пожухшей травы. Поодаль по колено в воде человек. Зачерпывая корытцем гальку с песком, он покачивал его, сливая содержимое в речку. Эта странная процедура повторялась все время, пока Топ наблюдал за ним. Как ни силился зверь понять смысл этих однообразных движений, так и не смог найти им объяснение. В нем даже пробудилось сочувствие к этому несчастному, занятому бессмысленным перекатыванием камушков в корыте.

Завершался второй месяц пути. Равнины с мрачными мшистыми ельниками все чаще чередовались с холмистыми возвышенностями, заставленными бронзовыми колоннами сосен.

С наступлением тьмы тайгу теперь частенько тревожил страстный рев-стон сохатых. Настала пора, когда быки разыскивают нежных подруг и бьются с соперниками за право быть их возлюбленными. Мычание неслось с разных сторон и эхом металось по лесу. Один лось простонал совсем рядом. Вскоре оттуда донесся стук рогов, прерывистое дыхание и треск сучьев под копытами. Вот в орешнике замелькали охристые «лопаты» с многочисленными отростками, налитые кровью глаза, вздыбленная на загривке шерсть, широкая грудь, поджарый круп таежных великанов. Быки, упершись рогами, месили копытами землю, отстаивая право огулять стоящую поодаль лосиху. В это же время главный информатор – ветер – принес Топу волнующую весть – где-то рядом косой. Росомаха медленно двинулась на этот запах...

Ночь неохотно сдавала свои позиции, но медленно восходящее светило с каждой минутой неузнаваемо преображало мир: гасило звезды, сдирало мрак сначала с макушек холмов, затем и со склонов, обнажая ложбины. Вот и кедровки проскрежетали побудку. Повылезали из земляных норок и молниями замельтешили по лесу бурундуки, слетели с деревьев в траву кормиться ягодами рябчики. Тайга пробуждалась, а Топ, вычистив шершавым языком морду и лапы от крови наполовину съеденного зайца, наоборот, готовился ко сну на мягкой рыжей перине из накопившейся за многие годы хвои.

На следующем переходе его ожидал приятный

сюрприз: между стволов сосен проглянули зубчатые горы. Вид разрывающих линию горизонта сизых зубцов необычайно воодушевил Топу – значит, дом близок! Он любил горы. Ему нравилось чередование серых потоков из громадных валунов с зелеными языками кедрового стланика. Нравились шумно сбегавшие по дну распадков пенистые ключи. Нравилось наблюдать, как из узких холодных расщелин, заваленных гранитными глыбами, выползают, цепляясь за выступы скал, клочья тумана. Долина, по которой поднимался Топ, постепенно сужаясь, превращалась в тесное ущелье.

Придерживаясь правого склона, Топ продолжал упорно углубляться в замысловатый лабиринт гор. Скалистое ущелье все поднималось и поднималось уступами, местами почти отвесно. Чем выше взбирался Топ, тем холоднее делался воздух. В расщелинах забелели снежники. Их становилось все больше. Изголодые ущелья и вовсе оказались сплошь забито крупнозернистым снегом. Слева, на севере, высился остроконечный ослепительно белый пик, безраздельно господствовавший над всей округой. Он венчал суровый, безжизненный водораздел одного из Хребтов.

Перевалив за него и спустившись в долину, Топ опять попал в лето. Полное безветрие, богатейшее разнотравье, стаи куропаток, сосновые боры очаровали уставшего путешественника, и он решил задержаться тут.

Обосновался на межгорном плато, огражденном от северных ветров гребнем, состоящим из множества игольчатых скал. Его подножье подпирала заросли кедрового стланика. На загнутых вверх ветках висели гроздья бурых с фиолетовым отливом шишечек. Спрятанные в них орешки обеспечивали сытую жизнь многим обитателям этих мест.

Глава 35 Медведь

День ото дня холодало. Северный ветер безостановочно гнал в теплые края стаи птиц, а по земле перебирались в глухие дебри медведи. Там в заваленных снегом берлогах они спокойно проспят до весны. Могучие звери шли напролом каждый своей дорогой, оставляя дымящиеся в прохладном воздухе колбаски из непереваренных кедровых скорлупок: прежде чем залечь в берлогу, они должны полностью освободить кишечник.

Топу приближение зимы не пугало. Пищи было в достатке. В один из промозглых, ветреных дней он после удачной охоты на куропаток брел по неровно затвердевшей от утренника земле к ручью. Под лапами гремел пожухлый лист, потрескивал в лужах новорожденный ледок. День только начинался, но из-за посыпавшихся из туч хлопьев снега было светлее обычного. Белые мухи бесшумно падали весь день. К вечеру тайгу укрыло белым одеялом. Поднявшийся ветер загонял снежинки в щели, полости, надувал за скалами сугробы. За долгую зиму там вырастут целые холмы. Зайцы и куропатки, не успевшие сменить свой серенький наряд на белый, были теперь хорошо заметны. Это облегчало Топу охоту. После очередной успешной вылазки он, как

обычно, взобрался на свой любимый наблюдательный пункт – скалистый утес. Соскреб когтями налипший на широкие ступни снег и, пригретый полуденным солнцем, свернулся в клубок. Разбудил треск веток. По долине брел мосластый медведь. Коричневая шерсть, слипшаяся от смолы и репьев, свешивалась с боков клочьями. По тому, как часто косолапый отдышал, было件нятно, что он идет из последних сил: то ли болен, то ли стар.

Топ сразу определил – миша не жилец, но он так плотно поел, что поленился преследовать топтыгина. Только через день, когда желудок опустел, он двинулся по его следу. Там, где медведь ложился, от груди отпечатывался глубокий желоб. По нему и вмятинам от острых локтей было件видно, насколько худ зверь.

Все говорило о том, что у Топа хороший шанс занять гору мяса. Чем дальше, тем чаще лежки. Редкая, особенно на животе, медвежья шуба не защищала от мороза. В одном месте в остекленевший снег впаялись коричневые шерстинки – похоже, долго лежал. Следы вели к источнику с солоноватой водой. Он не замерзал даже в сильные морозы. Особенно любили посещать его копытные.

Здесь снега было меньше, и вместо борозды тянулась цепочка ямистых отпечатков. В них проступали алые пятна: похоже, голые ступни полопались и кровоточили. Возле источника медвежьи следы смешались с волчьими. По ним Топ видел, что серые взяли бедолагу в кольцо и атаковали. К пятнам крови прибавились клочья шерсти, как медвежьей, так и волчьей. Ветер успел согнать их в снежные стаканы. Миша каким-то чудом вырвался из оцепления, и толчея следов тянулась, сходясь и расходясь, вдоль берега еще метров сто. Развязка наступила под обрывом.

Частокол белеющих ребер обозначил место пиршества волчьей стаи. На истоптанном снегу валялась недоеденная голова. Это все, что осталось от некогда могучего зверя.

Сделав большой круг, Топ убедился, что серые покинули эту территорию, и вернулся к останкам медведя. Прожив здесь три недели, он доел не только голову, но и перемолол, перетер крепкими коренными зубами мозговые кости. На медвежий дух как-то забрел старый волк. Твердый, тяжелый взгляд выдавал в нем нелюдимого бирюка. Топ отдышал в это время неподалеку. Он был сыт и не стал отстаивать свои права. Серый попытался погрызть оставшиеся кости, однако зубы старика не смогли с ними справиться. Похватав от безысходности пропитанный кровью снег, волк так и удалился ни с чем. Когда от медведя ничего не осталось, и Топ покинул это место.

Зима достигла пика своего могущества. Украшенные алмазной бахромой деревья трещали от стужи. В эти дни мало кто отваживался высунуть нос из своих убежищ – мороз сразу пробирал до нутра. Один лишь ворон, украшенный заиндевельными бакенбардами, продолжал шуршать крыльями над тайгой, оставляя за собой след кристаллизованного пара. Заметив кого-либо, он от удивления оглашал проморозенное пространство раскатыстым «к-р-р-у!».

Топ тоже отлеживался в глубокой снежной норе. Однако голод заставил на третий день выбраться. Вышел не в сумерках, а днем – солнце все же смягчало стужу.

Мороз сразу вцепился когтистой лапой в морду. Пронзив калеными иглами ноздри, вытек из глаз слепящей влагой. А лоб заломило так, словно с головой провалился в полынью.

В тугом, жгучем воздухе Топ не чувствовал ни единого запаха – все выстудило. Теперь вся надежда на глаза. Изучая на снежной пелене немногочисленные следы, он видел только старые. Чтобы не обморозить нос, Топ периодически прятал его под мышку. Подушки лап, несмотря на то, что густо опущены шерстью, тоже приходилось по очереди вжимать в мохнатое брюхо.

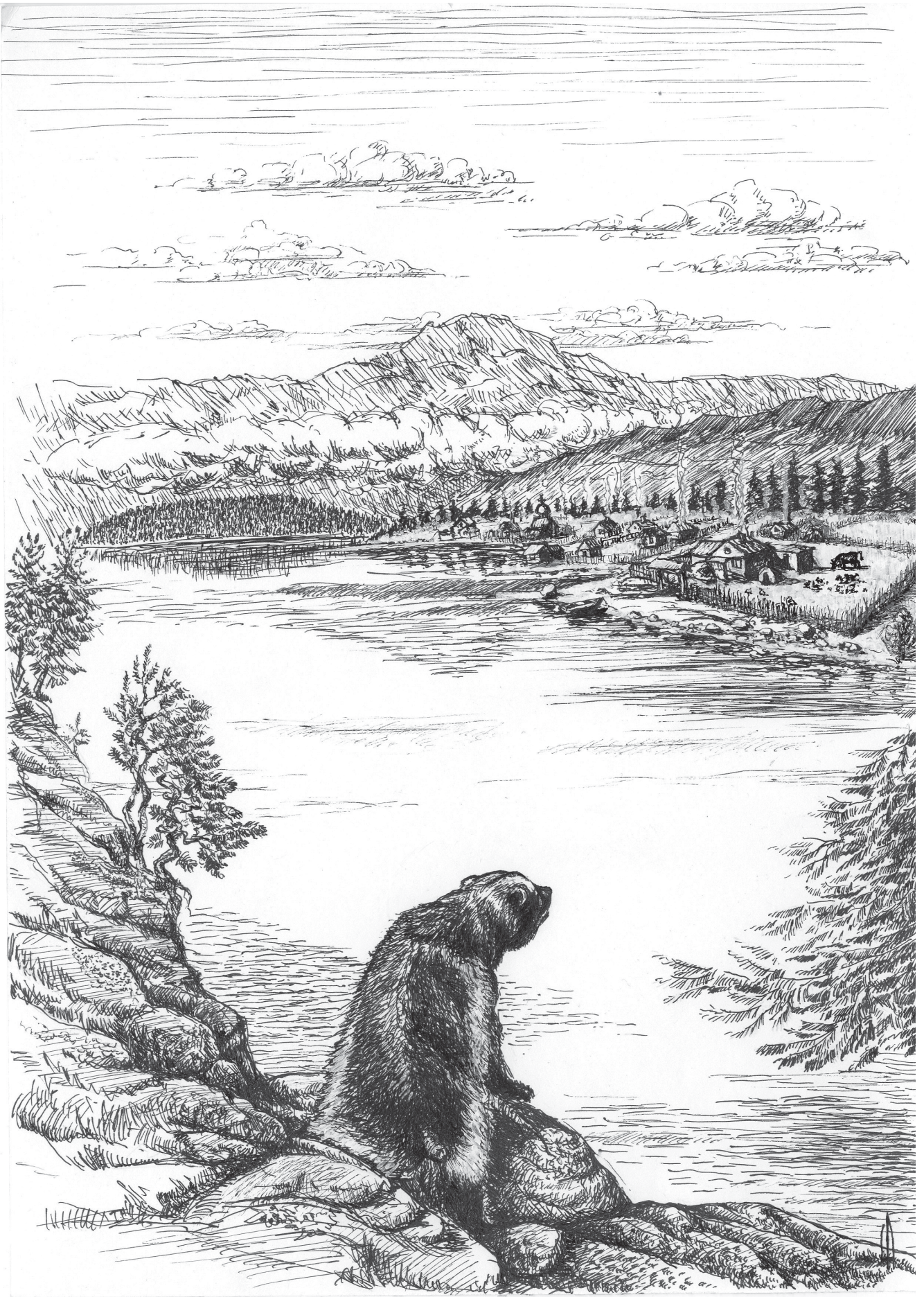
Из распадка донесся странный стук: как будто кто-то стучал дубиной по стволу. Спустившись пониже, Топ увидел однорогого сохатого, бившего оставшейся «лопатой» по стволу березы: лесной великан решил избавиться от второго рога – видимо, устал ходить с перекошенной на один бок головой.

Неожиданно сверху посыпалась, кружась, шелуха кедровых шишек – не белка ли? Увы! Это были недоступные Топу клесты! Дойдя до круто обрывающегося склона, он свернулся в клубок и скатился на дно впадины, оставляя за собой гладкий, волнистый желоб. Отряхнувшись, двинулся вдоль заваленного снегом русла. Его внимание привлекла струйка пара, поднимающаяся из-под каменного козырька. Вобразившись на снежный намет, Топ увидел отверстие, густо обрамленное пушистым инеем. Что же там внутри? Может, берлога? Принюхался – медведем не пахнет.

Протискиваясь в черный зев, он коснулся голой игольчатой завесы. Холодная осыпь прошлепала по спине. Когда глаза немного привыкли к мраку, он разглядел приземистый грот. Стены ребристые, с выходами слоистых пород. Здесь было заметно теплей. Любопытный зверь решил осмотреть пещеру. Осторожно ступая по камням, он прошел в более просторный зал. Тут чувствовался сквозняк. Двигаясь навстречу воздушному потоку, Топ услышал мелодичные звуки. Как будто серебряный молоточек бил по наковальне: тинь... тинь... тинь... Чем дальше он шел, тем громче тинькало и прозрачней становилась тьма. Пройдя поворот, Топ увидел сноп голубоватого света, льющегося сквозь высокий узкий пролом. Снег, окаймлявший его, от теплого воздуха таял, и капли со звоном падали в озеро.

На берегу лежали крупные кости каких-то животных. Голодный путешественник попытался погрызть их, но бросил: на вкус обычный камень. В воздухе что-то прошуршало. Топ поднял голову и разглядел темные комочки. Это были летучие мыши, свисавшие с шершавого свода вниз головой. Их было много: сотни, если не тысячи.

Цепляясь когтями за неровности стены, Топ вскарабкался повыше и снял один комочек. Мясца немного, но оно оказалось нежным и приятным на вкус. Радости росомахи не было предела. Топ даже подпрыгнул от восторга: теперь можно не беспокоиться о пропитании! А если учесть, что в этом каменном мешке тепло и полно воды, будущее представлялось сытым и спокойным.

Глава 36 Перевал

Пещера и летучие мыши помогли Топу пережить необычайно суровую зиму. Когда мороз слабел, он выходил охотиться наружу: летучих мышей, до которых можно было дотянуться, становилось все меньше. На плато уже попахивало весной. Снег кое-где залоснился настом. Деревья, тронутые первыми вздохами тепла, оживленно зашептались. У приствольных кругов завитал едва уловимый запах прелых листьев, прошлогодней травы и влажного мха. С проплешин доносился дикий хохот ошалевших от весенних страстей куропадок, перемежающийся с жизнерадостным теньканьем веселых синичек.

Как только сошел снег и подсохла земля, Топ продолжил путь в родные края. Со скальной гряды хорошо просматривалась вереница конусовидных гольцов Головного Хребта. Уходя на север, они растворялись в легкой дымке. В глубоких морщинах пепельных склонов лежали не успевшие растаять плотные надувы. Топа потрясла мощь и высота этой горной цепи.

Водораздела неутомимый путник достиг за дневной переход. С него открылся вид на более низкие отроги, переходящие у горизонта в зеленую равнину, поблескивающую площадками озер. Казалось, дальше уже нет ничего кроме этой изумрудной глади. Но где-то там, вдали, должен быть еще один горный массив, к которому так стремится Топ.

Издавая трубные крики, над ним пролетел на север журавлиный клин. Теперь в нем звучала ликующая радость, не то что осенью. Тогда журавли, покидая родовые долины, курлыкали протяжно и печально.

Предвкушение встречи с родным краем подстегнуло Топа: прыгая с камня на камень, он устремился вниз вдоль ручья. Спускаясь, Топ то и дело вставал на задние лапы. Делал он это не только, чтобы выбрать лучшую дорогу, но и чтобы не встретиться с людьми – ведь тут они уже должны быть. Когда до равнины оставалось совсем немного, склон неожиданно оборвался отвесной стеной. Разогнавшийся ручей слетал с нее, красиво рассыпаясь в воздухе на жемчужные гроздья, в водобойный котел. В некотором удалении от него на обширной площадке стояли длинные серые строения, окруженные столбами с рядами колючей проволоки, натянутой между ними. За изгородью ходили огромные собаки и двуногие. Точно такие же «селения» встречались Топу и по ту сторону гор, но там они были безлюдны, заросшие березками. Чтобы не попасться людям на глаза, Топ обошел это страшное место стороной.

Глава 37 Зверобои

Дальше сплошную тайгу стали разрывать непривычно широкие тропы и пустоши, усеянные пнями с ровным срезом. На некоторых уцелевших кедрах виднелись шрамы от затесов. Беспокойство Топа нарастало. Он физически ощущал приближение беды. В подтверждение тому издали донесся рокот. Так же рокотало железное чудище Круглолицего.

Пока Топ решал, с какой стороны в этот раз обойти опасное место, рокот прекратился и воцарилась тишина. Вернее, не тишина, а смена звукового фона. Для росомахи шелест листьев, птичий гомон, стук дятла, остервенело выколачивающего из дерева хлеб насущный, были столь привычны, что он их не замечал.

Вскарабкавшись для лучшего обзора на дерево, Топ увидел людей, поднимающихся по косогору с огнебойными палками в руках. В это время из подлеска показался небольшой табунок оленей. Судя по тому, что люди замерли, они тоже заметили животных. Громыхнули выстрелы. Передняя оленуха упала, а остальные бросились врассыпную. По тому, как тяжело бежал рогац, Топ понял, что он ранен. Один из двуногих припустил было за ним, но вскоре почему-то вернулся.

Хорошо изучивший повадки людей, Топ решил дожидаться, когда зверобои разделают добычу и уйдут – тогда можно будет пожить в уютности. Увы! Зверобои унесли тушу целиком. Вылизав траву, обрызганную кровью, Топ почувствовал, как он голоден, и решил добыть раненого оленя.

Пройдя чуть более километра, обнаружил его на берегу лопочущего между валунов ручья. Голова рогаца по самые уши лежала в воде – видимо, пытался пить. Съев мяса столько, сколько смог осилить за раз, Топ не стал даже отдыхать – хотел побыстрее покинуть эту опасную территорию.

Глава 38 На родине

Когда ровную линию горизонта вновь изломали лиловые зубцы, у Топа не было сомнения – это его горы! В центре взор ласкал приметный белоголовый купол, по бокам – столообразные вершины пониже.

Последние километры одолел без единой остановки. Взойдя на первый кряж, прилег отдохнуть в тени разлапистых кедров. Воздух, густо насыщенный ароматом хвои, хотелось вдыхать бесконечно долго. Гряды гор от него разбежались так далеко, что казалось, нет им ни конца ни края. На самом же деле этот горный массив был не столь велик: порядка восьмидесяти километров в самой широкой части.

Здесь Топу все было знакомо. Прямо перед ним – родной участок. Там он встретился с Лаской... Найдет ли ее? Этот вопрос волновал его больше всего. Подлетела сорока и, прыгая по веткам, с воодушевлением что-то протараторила. Видимо, приветствовала старого знакомого.

В надежде найти свою подругу Топ направился к пещерке, в которой они частенько отдыхали или прятались от мошки. Вот и ложбинка с родничком-живуном, бьющим из-под узловатых корней. Его даже в самые сильные холода обметывало льдом лишь у берегов. Где-то тут и должен быть проход в пещерку. Точно – вот он!

Забравшись в сухой грот, Топ с волнением обнюхал мох, листья, устилавшие каменный пол. Они до сих пор хранили родные запахи, но свежих среди них не было. Улегшись на прохладную плиту, он прикрыл глаза. Давние, уже полузабытые события

вдруг стали всплывать из тайников памяти, звучать и видеться будто наяву. Вспомнилось, как счастливо и беззаботно они с Лобастым жили у двуногих, с каким воодушевлением он осваивал науку самостоятельной жизни, как выручил его Амур, как с Мавром наказали Круглолицего, как с Лаской растили малышей.

«Эх, найти бы ее!».

Топ страстно желал встречи с милой его сердцу росомашкой еще и потому, что настало время гона. Но сколько ни ходил, ни колесил он по участку и за его пределами, следов подруги не обнаружил. Ушла! Куда? Неизвестно.

Поскольку в пещерке даже в самые знойные дни было прохладно и не докучал гнус, Топ в ней и поселился. Жил, придерживаясь простого распорядка. В течение дня, спасаясь от жары, дремал в гроте. С приближением вечера вставал и отправлялся на охоту. Вернее, даже не на охоту, а на кормежку: как известно, летом у росомых с питанием проблем нет. Тут тебе и сочные коренья, и мед, и яйца, и птицы, и грызуны.

Как ни странно, через какое-то время Топа потянуло к двуногим. Во сне ему все чаще виделись пышнотелая хозяйка, добрейший Пуля. Как хорошо и весело жилось с ними! Эти сны-воспоминания бередили душу зверя, но он никак не решился сходить в село.

Глава 39 Разгул браконьерства

В начале осени Подкова наряду с товарами повседневного спроса привез в Верхи два снегохода «Буран» и предложил промысловикам, про которых знал, что те втихаря браконьерят, взять в аренду. «Доверенные» охотники не отказались. По условиям договора они должны были в течение двух лет ежегодно сдавать по двести килограммов брусники, клюквы, по восемьдесят штук рябчиков, двадцать тетеревов, десять глухарей, а главное – по полторы тонны мяса. Чтобы охотовед не поднял шум, какого мяса, в договоре не указали. По выполнению этих условий снегоходы переходили в собственность охотника.

В следующий заезд парк пополнился еще двумя машинами и бочками бензина к ним. Обладатели скоростной, не знающей усталости техники, охотники теперь могли загнать любого зверя. Оставалось только дожидаться, когда ляжет снег. А лег он буквально день в день с открытием промыслового сезона – 15 октября. Уже через неделю выбеленные окрестности покрыла густая сеть следов от зубчатых траков. Две гусеницы и одна опорно-поворотная лыжина позволяли «Буранам» без особого труда передвигаться по таежной глухомани, легко раздвигая подрост своим полукруглым носом.

Ребристые ленты на снегу появились даже в прежде недоступных местах. Рядом зачастую следы в ужасе бежавшего зверя. О развязке красноречиво повествовал окровавленный снег.

Добычливей всего охота была на безлесых горельниках и марях. Да и непролазная тайга день ото дня делалась все более доступной: стремясь побольше заработать, опьяненные легкой добычей

браконьеры не ленились растаскивать завалы, пропиливать мотопилами в них проходы.

Заготовки мяса у Подковы резко выросли. Он ликовал – доходы с каждого рейса утроились, и деньги, вложенные в снегоходы, отбились в первый же сезон. А алчные арендаторы радовались, что обзавелись такими замечательными помощниками. Увещевания же Степана не превышать нормы отстрела не останавливали их: милиция далеко, а охотовед пошумит, пошумит да перестанет – ему тут жить.

Больно было Степану Ермиловичу видеть, как скудеет тайга, но время было лихое – мир перевернулся: зло торжествовало! Иные мужики словно с цепи сорвались. Чем бессовестней и наглее вел себя человек, тем больше зарабатывал. Казалось, что этому безумству не будет конца...

Пусто стало в тайге. Прежде каждый шаг в лесу был наполнен сладостным ожиданием: вот сейчас из-за куста выскочит заяц или из снежной спальни вылетит красавец глухарь. Теперь это все в прошлом.

Глава 40 Ласка

Окрестная тайга за два года превратилась в безжизненную пустыню. Можно было пройти несколько верст, а на снегу встретить лишь миниатюрные строчки мышинных следов, разделенные кое-где тоненькой ниточкой от хвоста. Среди зверей уцелели лишь те, кто посмекалистей. Одни из них забрались на неприступные для снегоходов крутяки, другие и вовсе покинули этот горный массив.

Бродя зимой по осиротевшим распадкам в поисках чего-либо съестного, Топ вдруг оживился: ветер принес давно искомый, но уже успевший несколько стереться в памяти дух. Прихватив носом запашистую струйку, он побежал, следуя ей, веря и не веря: это был запах Ласки. Вскоре увидел и ее следы, четко отпечатанные на уплотненном ветрами снегу. Они неторопливо виляли среди деревьев. Топ очумел от радости. Вдруг след пошел прямо, без отклонений, а шаг стал шире. «Интересно, куда это она заспешила?» Топ припустил что было сил: ему не терпелось увидеться с росомашкой.

Вскоре Ласка и вовсе перешла на махи. Похоже, ее что-то встревожило. Сбоку появилась широкая ребристая лента, оставляемая железным чудищем, на котором теперь ездили двуногие. В носу от едкого запаха гари засвербело.

Ласка бежала к изголовью распадка. Широкая лента, спрямляя изгибы, не отставала. И тут Топ уперся в небольшой вытоптаный круг весь в пятнах крови. Следы Ласки в этом месте обрывались...

Потрясенный Топ был готов вцепиться в горло и разорвать двуногого, убившего его подругу, но понимал, что железное чудище ему не только не одолеть, но и не догнать. В соседнем распадке тоже появились ребристые ленты. У одной из них лежали головы и внутренности трех оленей. Топ понял: люди достигли такого могущества, что могут убивать столько, сколько захотят. И, если он не хочет повторить судьбу Ласки, лучше покинуть эти места. Куда идти, он давно решил – на север! Однако выход

откладывался со дня на день – с обжитым участком всегда тяжело расставаться. К тому же припекавшее солнце расквасило снежный покров и двуногие стали покидать тайгу.

Надежды на то, что быстро тающий снег, как обычно, обнажит останки погибших в морозы животных, не оправдались: в опустевшей тайге их и не могло быть.

Топу давно хотелось нежной, парной зайчатины. По схваченному утренником гляцевому снегу, еще сохранившемуся на северных склонах, загнать косо было несложно. Наст в это время столь прочен, что на нем оставались лишь царапины от когтей. Зверь вспомнил, что на днях на берегу Ворчалки упала здоровенная осина, и он ныряющими прыжками направился туда: зайцы обожают мясистую, горьковатую кору этого дерева. Но, увы! Ни одного следочка – повсюду лишь девственный наст. Пришлось опять довольствоваться мышами. Хорошо, хоть их было в достатке.

Во сне Топу стали видаться то громадные туши лосей, то табунки доверчивых куропаток. Голод и эти навязчивые видения, в конце концов, принудили его оставить омертвевшую тайгу.

Глава 41 На севере

Топ спустился с хребта к широкой, полноводной, местами распадающейся на узкие рукава реке и зашагал туда, откуда ветер всегда приносил холод и дожди. Гладь равнины изредка пучили длинные песчаные увалы, поросшие соснами. Пружинистый слой из опавших хвоинок под ними чередовался с серебристыми коврами шарообразных клубов ягеля. На солнцепеке он был низким и хрупким: стоило наступить на мшистый клубок, он с легким хрустом рассыпался. А вот в тенистых и влажных местах ягель превращался в упругую противоположность: стоило наступить – податливо проминался, а как только Топ убирал лапу – принимал исходную форму.

Болотистые участки устилал хлипкий ковер, сотканный из корней травянистых растений и низкорослых кустарников. Эту изумрудную гладь местами разрывали голубые блюдца озер. Вокруг них в изобилии гнездились водоплавающие. Вечерами от их криков вибрировал воздух. В этом многоголосье можно было различить и надрывное кряканье уток, и гоготание гусей, и пронзительный свист куликов. Птиц влекли сюда богатые корма и недоступность их гнездовой для вороватых лис и песцов.

Топ же благодаря широким лапам ходил по этим топям свободно. Бесцеремонно сгоняя с гнезд мамаш, он с удовольствием лакомился лежащими в них яйцами, отдавая предпочтение крупным гусяным: надкусывал скорлупу и высасывал содержимое через образовавшееся отверстие. Опорожненные таким образом яйца внешне выглядели целыми. Топ, в отличие от песцов, клал их обратно в гнездо. После такого хитроумного ограбления гусыни продолжали добросовестно высидывать пустышки.

Шагая по берегу одной из протоков, Топ вышел на широкий, со слабым течением плес. От него неся

шум, напоминающий треск сучьев. Зверь привстал на задние лапы: протоку переплывали дикие олени. Животные плыли так плотно, что ветвистые рога, стучаясь друг о друга, издавали этот необычный треск.

Запрыгивая на берег, олени шумно отряхивались, после чего жадно хватали подвижными мясистыми губами все, что росло под ногами: кустики карликовой березы, ивового стланика, брусники; но предпочтение отдавали сытному ягелю.

Топ дождался, когда эта лавина двинется дальше, и тоже переплыл протоку. Вскоре он обнаружил, что за стадом оленей следуют две росомашьи семьи. Осторожный зверь поначалу держался на некотором удалении от них. Но, видя, что его появление соплеменниками воспринято доброжелательно, присоединился к ним.

Охотились, вернее сказать, пасли оленей росомахи просто: ложились в двадцати - тридцати метрах от пережевывающего жвачку стада и наблюдали. Определив, кто послабей, гнали несколько десятков метров. Если чувствовали, что с ходу не взять, оставляли в покое. А если намеченная жертва бежала непрытко, продолжали погоню. Когда животное начинало сдавать, делали резкий рывок и валили с ног. Иных и преследовать не приходилось: доставали в несколько прыжков.

Правда, один олень, круто повернувшись навстречу преследователям, встал на дыбы и принялся так неистово молотить передними ногами воздух, что росомахи, пораженные необычной храбростью животного, отступили.

Топ среди сородичей оказался самым сильным и дерзким. Он мог схватить оленя за шею и еще живого таскать по земле из стороны в сторону, хотя вес жертвы в четыре-пять раз превосходил его собственный.

Несмотря на обилие мяса, росомахи никогда не оставляли костей – разгрызали даже самые толстые. Особенно долго приходилось возиться с рогами. Удерживая основной ствол передними лапами, они, с усилием ворочая головой, перепиливали-перетирали его коренными зубами. Тут уж хищники не считались со временем: роговые опилки были их излюбленным лакомством.

Иногда намеченного к трапезе оленя выручала близость реки или озера. Хотя росомахи хорошие пловцы, в воду они заходят неохотно. Поначалу самые азартные пытались продолжать преследование и по воде, но олени, будучи намного выше в ногах, дождавшись, когда преследователи подплывут, с хриплым мычанием били их копытами. После пары таких уроков росомахи перестали рисковать.

Смекалистый Топ изобрел более безопасный способ охоты. Приблизившись к стаду, он падал навзничь и, тяжело дыша, начинал кататься из стороны в сторону, якобы корчиться в судорогах. Олени прекращали кормиться и с любопытством наблюдали за странным поведением хищника. В это время его соплеменники подкрадывались к стаду почти вплотную и атаквали, как правило, успешно.

Правда, в жаркие дни эта хитрость не давала нужного результата. Облепленным слепнями и оводами животным было не до зрелищ. Они безостановочно били по брюху и бокам задними и передними

ногами. Либо стряхивали резким подергиванием шкуры вонзивших в них острые носы-стилеты кровососов.

В лесотундре встречались и домашние олени, но росوماхи с ними не связывались: они находились под охраной некрупных, но необычайно голосистых оленогонных собак и их двуногих хозяев. Зачем рисковать, если еды и так достаточно?

К середине лета, когда арктическое солнце, едва коснувшись далеких холмов, отскочило вверх, росوماхи переключились на другую, более легкую и доступную добычу: на линных гусей. Встав цепью, они отрезали беспомощным птицам дорогу к воде и гнали в тундру, где давили сначала тех, кто на виду, а потом добирали затаившихся в зарослях карликовой березы.

В конце лета тундра закишела расплодившимися леммингами и пищухами. Топ первым переключился на разжиревших на разнотравье и сочных корешках грызунов.

Животы у росوماх от такой обильной кормежки округлились, черные смородинки глаз весело и беззаботно заблестели. Охватившее Топ любовное томление побудило его сойтись с одной из самочек, но через месяц она стала тяготить его своей бестолковостью. Когда глупышка в очередной раз испортила охоту, он оставил ее.

Росомахи не брезговали и отъевшимися за лето песцами. Топ презирал этих «собачат» за трусость, но давил и ел с удовольствием.

В начале осени, когда миновала пора комаров, стада копытных хлынули обратно в тайгу⁵. Пасшие их росوماхи двинулись следом. Топ же остался: зачем уходить, когда вокруг столько еды и двуногие не докучают. Он с недоумением смотрел вслед удаляющейся лавине оленей и бегущим за ними сородичам. В это время в небе что-то загудело и из-за низких облаков вынырнула огромная зеленая птица. Покружив над тундрой, она хищно зависла над оленями. До Топ донесли резкие щелчки огнебойных палок. Стадо разделилось на две части и в панике понеслось в разные стороны. Несколько оленей осталось лежать на земле. Росوماхи же гурьбой кинулись обратно. Сделав крутой вираж, птица полетела за ними. Опять донесли щелчки.

Топ видел, как его бывшая подруга волчком закрутилась на месте, а ее отец сунулся в траву, словно провалился в глубокую яму. Рокочущая громада опустилась рядом. Из нее выпрыгнули двуногие и, забрав убитых, вернулись к убитым оленям. Топ был потрясен: ведь и он мог оказаться среди них!

Световой день тем временем становился все короче, а тени длиннее.

После нескольких волн холода тундру накрыли снега. Робко выплывавший по утрам диск потускневшего солнца, прокатившись вдоль линии горизонта с востока на запад, спешил укрыться от пронизывающих ветров за холмами.

Настал день, когда к земле пробился последний, жиденький луч. Это был прощальный привет светила, покидающего этот край на три недели. Следующие два дня небосвод в полдень еще подсвечивался невидимым уже солнцем, но на третий полярная ночь окончательно вступила в свои права.

Жизнь съезжилась, попряталась в сугробы, рас-

ползлась по глубоким норам. Каждый выживал как мог. В этом оледенелом полуночном крае мороз порой достигал такой силы, что белая сова, распушив перья, превращалась в шар.

Топ хоронился от стужи и пронизывающего ветра, зарываясь в снег. Полярная ночь его жизнь не осложнила. Он и прежде предпочитал охотиться в сумерках или темноте. Но кишевший всевозможной живностью край теперь словно вымер. Выручали устроенные с лета запасы. Не все схроны уцелели, но и оставшихся было достаточно.

Как-то небо несколько посветлело. По черному, украшенному гроздьями созвездий своду ритмично забегала полупрозрачная, серебристая лента. Дрожа и пульсируя, она, казалось, дышала. Временами по ней с шорохом прокатывались зеленоватые сполохи, но вскоре нежные переливы потухли и поднялся ветер. Над промороженной тундрой понеслись, многоголосо вой, выравнивая все на своем пути, снежные вихри. Чтобы сберечь тепло, Топ опять глубоко закопался в зернистую толщу.

Глава 42

Авария

Весна и лето прошли в сытости и покое. Однако с приближением зимы в душе Топ стало расти беспокойство. Безлесая тундра начала раздражать его своим монотонным однообразием. Пробудилась тоска по привычным горам и тайге. Ему стало казаться, что нет на свете места краше и богаче, чем его родной край. Конечно, там много двуногих с громобойными палками, но ведь Топ хорошо изучил их повадки и был уверен, что сумеет избежать опасных встреч и ловушек. Он почему-то напрочь забыл, как голодал там.

Была еще одна причина, по которой его потянуло на родину. Тут ему не хватало некоей состязательности с прямоходящими. Раньше он гордился тем, что сколько бы они ни ставили на него капканов, сколько бы ни гоняли по тайге, он всегда выходил победителем. Это соревнование было для него своего рода увлекательной, правда, сопряженной со смертельным риском игрой.

Очередная волна морозов явилась последним толчком: он отправился на родину.

Чтобы облегчить путь, воспользовался самой удобной дорогой – широкой лентой закатанной в лед реки. Правда, были в этом выборе и свои минусы. Не имея преград, ветер на некоторых участках разгонялся так, что сквозь мутную поземку не всегда можно было разобрать, где же русло.

Бежал Топ по косым, тянущимся поперек реки застругам практически без остановок. На берег выходил лишь подкрепиться и передохнуть где-нибудь в затишке. Любимых белых куропаток добывал ночью из снежных спален, а если голод давал о себе знать днем, засекал их на белоснежном покрове по черным бусинкам глаз и несколькими темными перьям в хвосте (эти перья помогают куропаткам не терять друг друга в полете).

Когда до родных гор оставалось полтора, от силы два перехода, Топ решил побаловать себя зайчатинной. В заваленной снегом ложбине, обрамленной с трех сторон чешуйчатými стволами ли-

стенниц, снег был исчиркан не только набродами столовавшихся куропаток, но и топаниной беляков. Затаившись у хорошо наторенной тропы, хищник стал поджидать косога. Вот и он.

Прыжок!

Матерый беляк ловко увернулся. Топ же завершил прыжок крайне неудачно: чуть присыпанный снегом острый смолистый сучок пробил ступню лапы насквозь. Росомаха сгоряча кинулась было в погоню, но почти сразу встала – из-за застрявшего обломка каждый прыжок отдавался острой болью. Пришлось сесть и выдернуть занозу зубами. Боль сразу ослабла. Заяц тем временем убежал так далеко, что преследовать не было смысла.

Зализав рану, Топ побрел с намерением добыть хотя бы куропатку. Увидев след рыси, свернул на него, надеясь поживиться остатками ее трапезы. Пройдя с километр, разглядел за застругом рысь. Рядом с ней лежал недоеденный беляк. Крапчатая кошечка, заметив Топа, устрашающе зашипела, нервно задвигала ушами. В этот момент с неба донесся слабый рокот. Он становился все явственней. Топ узнал его: так же рокотала зеленая птица, напавшая на стадо оленей и убившая семью росомах.

Приглядевшись, засек на фоне свинцовых туч и самого грозного стервятника. Он быстро рос в размерах. Похоже, птица тоже заметила их – стала снижаться. Когда она зависла над росомахой, вокруг поднялась снежная круговерть, а от нестерпимого грохота заложило уши. Топ, помня, что его сородичей в аналогичной ситуации не спасло даже бегство, нырнул в снег и, зарываясь в него, старался уйти в сторону.

Он не видел, как открылась дверца и человек направил на убегающую кошку карабин. Как из него вылетали огонь и клубки дыма. Как рысь, кувыркнувшись через голову, неловко распласталась на пушистой перине. Зато слышал, что рокот вдруг резко усилился и земля содрогнулась от удара. После этого наступила пугающая тишина.

Топ замер и еще с полчаса не шевелился. От горячего дыхания снег перед его носом протаял и не мешал дышать. Время шло, а тишина никем не нарушалась. Осторожно высунув морду из убежища, росомаха увидела, что грозная птица лежит на почерневшем снегу в нескольких прыжках от него. С ее зеленой спины свисают узкие крылья, а из-под смятого брюха идет дым. На грязном снегу распластался человек, чуть поодаль – мертвая рысь.

Раздался скрип, и дыра в боку птицы расширилась. Из нее показалась голова двуногого. Топ тут же скрылся в снежной норе и опять превратился в слух. Сверху временами доносились непонятные звуки: стук, скрежет. Вслушиваясь в них, росомаха не заметила, как заснула.

* * *

Степан Ермилович при падении вертолета легко отделался: расшиб голову, колено и, судя по острой боли при вдохе, кажется, сломал ребро. Его спасло то, что был пристегнут к сиденью. Он всегда бравировал тем, что игнорировал ремень безопасности, но, когда они взлетали с Трофимова участка, почему-то, подчиняясь чьей-то безмолвной команде, не только застегнул его, а даже затянул до упора,

плотно притянув себя к спинке.

«Никак ангел-хранитель подсказал!» – с благодарностью подумал Степан, глядя повлажневшими глазами на небо. Опираясь на стенку, он пробрался в кабину. Командир полулежал, уткнувшись лицом в залитую кровью приборную доску.

– Иван Петрович, как ты?

Ответа не последовало. Осторожно приподняв голову, Степан содрогнулся от застывшего взгляда расширенных зрачков. Взяв себя в руки, прижал к запястью командира палец – пульс не прощупывался. Сомнений не было – командир мертв. Бездыханное тело второго пилота лежало на почерневшем снегу – при ударе его выбросило в открытую дверь и рубануло лопастью.

Мысли лихорадочно полетели одна за другой:

«Надеяться на помощь бессмысленно: на всю округу и был-то один вертолет, и тот теперь разбит... До Верхов не больше пятидесяти километров, а до промысловых избушек и того меньше... За три дня всяко одолею, но прежде надо второго пилота в вертолет затащить...».

Поскольку стекла кабины были разбиты, охотвед, дабы звери не попортили тела вертолетчиков, перенес их в мятый, но без разрывов салон. Порылся в сумках. Добыча скудная – четыре пирожка с картошкой. Зато оленины и дичи, сданной промысловиками, не на одну сотню ртов хватит. Нарубив топориком мороженой мякоти, сложил ее в полиэтиленовый пакет и засунул в рюкзак.

Пока собирался, солнце перевалило зенит.

Подойдя к распахнутой двери, охотовед попытался с ходу спуститься, но не тут-то было – земля почему-то поплыла: то удалялась, то приближалась, то вообще уходила вбок.

Вот это да! Похоже, сотрясение!

Он с минутой не мог понять, куда ставить ногу. Поймав, наконец, момент, когда примятый снег замер, встал на него. Притянув обрывком стального тросика деформированную дверцу к фюзеляжу, поковылял на юг, с трудом переставляя травмированную конечность. Поначалу каждый шаг давался через силу, но постепенно мышцы и связки разогрелись. Скованность ослабла. Боль притупилась, а на душе становилось все горше и горше: Степан считал, что именно он повинен в гибели людей.

Когда в иллюминатор увидел одновременно росомаху и рысь, его ликование не было предела: звери возвращаются в их леса! Окликнув командира, выразительно затыкал пальцем в стекло. Тот заулыбался и, сбавив до предела высоту, подал знак второму пилоту сделать фотографии. Тот же, открыв дверь, вместо этого принялся палить из карабина. Командир обернулся на выстрелы и что-то прокричал. В этот миг вертолет качнулся и резко пошел вниз...

Глава 43 Тяжелая дорога

Топа разбудил приближающийся хруст снега и шумное дыхание. Шаги все ближе! Неужели обнаружили? Нет... удаляются! Росомаха осторожно высунула нос и поцедила воздух. В нем появилось не-

сколько новых запахов. Один из них Топу показался знакомым. Где он слышал его?

Ого! Так это же запах того странного двуногого, который в детстве подкармливал его, а после поймал и отвез в тесном ящике в громадный человеческий муравейник. Надо быть начеку – от него можно ожидать любого подвоха.

Топ выбрался из снежной норы спустя час после того, как стихли шаги. Вокруг царило такое безмолвие, что уши улавливали шепот падающих снежинок. Железная птица уже не чадила. Снег вокруг был в ямыстых следах двуного. Вот тут он срубил и очистил от веток березку и пошел туда же, куда держал путь Топ.

Вскоре зверь догнал его. Человек шел медленно, опираясь на палку. Но это была не огнеметная, а обычная палка – из той срубленной березки. Топ забежал далеко вперед, дабы воочию убедиться, что нюх не обманул его. Да, это был тот самый двуногий с мордой, густо заросшей шерстью.

Степан, прислонившись к дереву, восстанавливал дыхание: сломанное ребро мешало дышать полной грудью. Стоило вдохнуть чуть глубже, как бок пронзала колющая боль, а лоб покрывался испариной. Ко всему прочему земля под ногами опять закачалась. Ему бы полежать дня два-три, но нет – надо идти.

Отдыхая, Степан в который раз прокручивал события сегодняшнего дня.

«И далась нам эта клюквенная настойка! Взали бы с собой и вечером дома посмаковали... Эх! Задним-то умом все сильны!».

Зная, что зверя в их тайге почти не осталось, а попытки остановить браконьерский беспредел не находили поддержки ни у начальства, ни у милиции, Степан Ермилович в прошлом году договорился в областном земельном комитете, чтобы госпромхозу выделили промысловые участки на Главном Хребте и закрепил их за семерыми честными охотниками. Самый ближний участок находился в 180 километрах от Верхов. Для пешей заброски далековато. Хорошо, что командир авиаотряда пошел навстречу землякам: выделил единственный исправный вертолет. Правда, пришлось пообещать ему трех соболей для жены.

А с Подковой и охотниками, выбившими практически всю живность на снегоходах, договора на аренду старых участков расторг. Но главным своим достижением Степан считал увольнение Подковы из потребсоюза. Теперь на автолавке к ним приезжал сын Макарыча.

Уже в первый же рейс жители села с удивлением обнаружили ощутимую разницу в закупочных ценах. Оказывается, Подкова занижал их на тридцать процентов. Люди кляли пройдоху и радовались, что теперь будут получать за свой труд заметно больше. Из снегоходов на ходу остался лишь Лукьяновский. Поскольку участка его лишили, он, когда у него поспевала брага, напивался и, сев на «Буран», бесцельно гонял по озеру, горланя: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», пощады никто не желает».

Нынче Степану удалось облететь все новые участки и принять у промысловиков заготовлен-

ное мясо, пушнину; раздать продукты, боеприпасы до конца сезона. На последнем хлебосольный Трофим угостил клюквенной настойкой. Для пробы по кружке выпили, потом повеселили душу второй.

– Хорошо у тебя, Трофим! Такая красота вокруг! Пожить бы пару недель, – вздыхал расчувствовавшийся второй пилот.

Промысловик оживился:

– Так в чем дело? Оставайтесь! Поохотимся, погуляем маненько! Настойки хватит!

– Спасибо, отец! Нам пора. Давай по последней.

«Вот ведь! И в самом деле – последняя получилась». – Тяжело вздохнув, Степан побрел дальше.

Укрытая снегом марь в этом месте даже зимой не промерзала: будто кто подогревал изнутри. При каждом шаге под снегом чавкало. Унты от налипавших комьев отяжелели. Это беспокоило путника: «Хватит ли сил дойти до ближней избушки?» При воспоминании о зимовье в голове сразу зародились вопросы: цела ли там будет печурка? Найдется ли что поесть?

Беспокоился он не случайно. В последние годы многие промысловики из-за отсутствия зверя сбросили свои участки. Если в прежние времена невозможно было представить зимовье без железной печки, дров возле нее, подвешенных под потолком полотняных мешочков с сухарями, солью и крупой, то сейчас в ином и спичек не сыщешь.

«Хорошо бы на Петрову избушку выйти. Она ближе всех будет. У него наверняка порядок, хозяйственный старик... Обсушусь, обогреюсь, чайку попью, отлежусь в тепле, а потом домой», – размечтался охотовед.

Короткий зимний день отгорал. Марь местами пучилась невысокими гривками, утыканными худосочными елями. На одной из них Степан и решил обустроиться на ночь. Отдыхавшись, первым делом сбил с унтов оледеневшие ошметки. После этого натаскал кучу сушняка. Наломал мелких веточек. Вынул из кармана коробок спичек, завернутый в полиэтиленовый пакет, и высек огонь. Порывистый ветер, как ни укрывался охотовед, тут же задул пламя. В ход пошла вторая, третья спичка – все гасли.

«Не торопись! Подожди, когда порыв ослабнет», – уговаривал он сам себя. Наконец огонь перекинулся на сухие палочки. Через пару минут перед Степаном уже полыхал жаркий костер. Окрестности сразу скрыла стена непроницаемого мрака. Мечущееся на ветру, словно лисий хвост, пламя временами вырывало отдельные куски пространства, но через секунду они вновь исчезали во тьме. Одежда за клубилась паром.

Немного согревшись, охотовед стянул унты и повесил промокшие носки на воткнутые палки сушиться. Сами унты грел издали: боялся покоробить кожу. Икры ног то и дело стягивало болезненной судорогой. Чтобы избавиться от нее, приходилось подолгу массировать одеревеневшие мышцы.

Сухие ветви, тонкие стволы прогорали быстро, и Степан вынужден был за ночь несколько раз отправляться за дровами. А ходить нужно было все дальше и дальше. (Поблизости осталась лишь трухлявая осина.) Но даже тогда, когда костер горел в полную силу, спать толком не получалось. Приходилось каждые пять минут поворачиваться к огню то

грудью, то спиной: пока грудь согреется, спина за-леденеет. Рассвет встретил как избавление. Ночевка сил не прибавила, напротив – убавила.

– И чего я спальник с лыжами не взял? Не на себе ж было нести, – расстраивался охотовед.

Настрогав оленины, Степан позавтракал и, проваливаясь между кочек, продолжил путь через болотистую марь. На одной из гривок наткнулся на кусты, увешанные плодами шиповника. Съев их вприкуску с двумя оставшимися пирожками, путник, обласканный лучами солнца, прилег, подложив под голову рюкзак. От тепла и сытости по телу растекалась такая приятная истома, что он задремал.

Степан не видел, как по нему проплыла размашистая тень и на матовую спину соседнего сугроба неслышно спланировал орлан-белохвост. Сложив огромные крылья, стервятник пытливо глядывался в неподвижно лежащего человека. Крылья подрагивали от нетерпения, крючковатый с зазубринами клюв то и дело хищно приоткрывался. Решив, что человек мертв, орлан издал торжествующий клекот. Степан приоткрыл глаз и увидел рядом с собой громадную птицу.

– Ишь ты! Моей плоти захотела? Шиш тебе! – произнес он и потянулся за посохом.

Стервятник, сверкнув желтыми глазищами, нехотя отлетел. Степан же поспешил встать. Перед ним сразу все поплыло, в глазах потемнело. Опершись на посох, он все-таки устоял. Когда стало лучше, зашагал под звуки негодующей перебранки снежинок, безжалостно сминаемых оледенелыми подошвами.

До вечера одолел еще порядка семи километров. На горизонте, в сизом мареве уже проступали знакомые с детства силуэты гор с куполом Сахарной Головы в центре.

Выбрав место, где было больше всего сухостой, Степан, прежде чем рыть в снегу яму под кострище, привычным движением попытался скинуть рюкзак и... взвыл от ужаса – его за спиной не было. Вспомнилось, что после перекуса рюкзак подложил под голову... Выходит, там оставил... Слава богу, что спички в кармане. Правда, всего семь штук. Чиркнул одной – головка прошипела, но так и не вспыхнула: видимо, отсырела. Степан вынул оставшиеся и разложил вместе с коробком на ствол сушиться. Солнце, хоть и склонилось к горизонту, еще пригревало. Через минут двадцать предпринял вторую попытку – на этот раз удачную.

Огонь, задавленный густым дымом, наконец, пробился крохотным язычком пламени. И вот уже трепещет увенчанный золотистыми искрами жаркий костер. Немного обсохнув, Степан стал вырезать ножом из снега кирпичи для отражающей стенки. Благодаря ей вертеться ночью не пришлось.

Утром с новой силой напомнил о себе голод. Порылся в карманах – ни единой крошки. Нашел только скомканный фантик от конфеты. Развернул – «Мишка на Севере». Жена дала в дорогу. Вспомнив про рюкзак, полный мяса, Степан выругался, но не возвращаться же за ним. Преодолевая приступы тошноты и головокружения, он встал и побрел к темнеющим зубцам. Поначалу шел с трудом, но мышцы шаг за шагом разминались, а боль в колене отступала.

– Эх! Если б были лыжи, уже чай б гонял! – в который раз попрекал себя охотовед. – На них куда быстрее... Да кто ж думал, что так получится!

К полудню почувствовал, что выдыхается. Тем не менее, подгоняемый бьющими в спину студеными вздохами ветра, продолжал с тупым отчаянием брести, утопая временами в снежных наметах по поясу. Вконец вымотавшись, понял – надо делать снегоступы! Без них никак!

Нарезав ножом гибких ивовых веток, сплел две округлые площадки. Разрезал ремень на три полоски. Двумя притянул получившиеся снегоступы к унтам, а третьей подвязал штаны. Поскольку теперь ноги почти не проваливались, идти стало намного легче.

«И чего сразу не сделал? Столько мучился! – удивлялся сам себе Степан. – Бестолковым становлюсь. Старею, что ли?».

В разрыве туч показался слепящий глаз солнца. Сразу потеплело. Обласканный его лучами, охотовед решил передохнуть. Привалившись к стволу ели, долго полулежал, перебирая всплывавшие в воспаленном мозгу обрывки воспоминаний и мыслей, не имея сил связать их воедино...

Вот он ловит на реке вещи, выпавшие из люльки мотоцикла, вот палит из тяжеленного, выше его, дедова ружья и безбожно мажет, вот радуется весеннему буйству пернатых на озере, вот мастерит из перчатки соску для росомашат...

Веки то и дело смеживались. Путник не заметил, как впал в забытие. Проснулся от того, что кто-то царапал его бушлат из солдатского сукна. Огляделся – никого. Только снег сыпет. В голове настойчиво зазвучало: «Вставай! Иди! Вставай, иди!».

Степан подчинился. Прочитав единственную известную с детства молитву «Отче наш», пошел, опираясь, дабы не перегружать травмированное колено, на посох. Впереди, в метрах ста от него, сквозь заволакивающую глаза пелену просматривалось темное пятно. Поначалу охотовед не обращал на него внимания – мало ли с чего съехал снег и обнажил черноту. Но как только он двинулся, пятно стало удаляться. И, что интересно, удаляться в сторону Верхов. А может, это ему померещилось от голода? Отгоняя морок, путник потер глаза. Пятно не исчезло, все так же мутно маячило впереди. Степан останавливается, и оно замрет.

«Кто это может быть? Наверное, волк, выжидает, когда отдам концы... Нет, скорее всего, деревенская собака... ведет в деревню. Хотя нет, собака подошла бы... Может, одичавшая?».

Пытаясь догнать таинственного проводника, Степан невероятным усилием воли заставил себя прибавить шаг. Прошел час, но расстояние не сокращалось. Тем временем задувший с севера ветер оттеснил облака за горизонт. Эта перемена не радовала путника: знал, что следом покрепчает мороз. И точно: бороду и воротник бушлата вскоре стал выбеливать иней. В воздухе густо замельтешили искорки изморози. Чтобы ночью не замерзнуть, надо было поторопиться с выбором места ночевки и заготовить побольше дров.

Устроился под защитой бурелома. Лес здесь был поосновательней, и Степану удалось свалить для костра три выбеленные временем смолистые сухо-

стоины. Уложив их так, чтобы две оказались снизу, а третья сверху, запалил под ними костер. Когда стволы обьяло пламенем, от них пошло ровное, щедрое тепло, и Степан проспал несколько часов, что называется, без задних ног.

Разбудила пронзившая, как стрела, мысль: «Замерзаю!».

Лесины прогорели. Обнажившаяся земля, пропитанная влагой от растаявшего снега трава и листья вокруг кострища еще парили, но фиолетовые язычки пламени едва попыхивали. Одна головешка, стрельнув, вздрогнула, будто в агонии, и рассыпалась в прах. Лишь слабая струйка дыма говорила о том, что жар все еще прячется где-то в углях. Степан понял, как сильно застыл он на окрепшем морозе только тогда, когда попытался встать. Руки он еще ощущал, а вот ног как будто не было.

«Надо оживить костер, иначе околею!».

Собрав волю в кулак, подтянул оставшийся хвост, раздул огонь. Когда пламя окрепло, придвинул к костру недогоревшие концы стволов. Немного согрившись, снял унты. Белые, как мрамор, пальцы не сгибались. Чтобы восстановить кровообращение Степан принялся растирать их зернистым снегом. Минут через пять пальцы стало покалывать. По мере восстановления кровообращения боль нарастала. Вскоре, не имея сил терпеть, он, скрючившись на снегу, вопил на всю округу:

А-а-а-а!... Мы еще-е по-о-охо-одим!!!!. А-а-а!

Вытерев насухо порозовевшие пальцы, надел теплые носки, подремонтировал снегоступы и поковылял дальше по руслу ручья. Тут Степан с тревогой заметил, что со зрением у него не лады: вдруг ни с того ни с сего все расплывалось, теряло очертания, меняло цвет. Да и головные боли усилились. Темное пятно впереди исчезло, но появилось ощущение, будто Степана кто-то преследует. Обернется – никого! Однако это ощущение было до того явственным, что он продолжал то и дело оглядываться.

«Неужто смерть? Не она сейчас мелькнула среди деревьев? Выжидает своего часа, гадина. Не дождешься!»

Временами одолевали слуховые галлюцинации. Степан отчетливо слышал то лай собак, то голоса людей, то колокольный набат. Он уже не сознавал толком, куда и зачем идет. В мозгу пульсировала одна мысль: не останавливайся... не останавливайся... иди...

Наконец в цепочке уже отчетливо видимых гор показался приметный проем со скалой-пальцем. Степан сразу узнал это место – в километрах пяти от него отцово зимовье.

Как я промахнулся? Целил ведь на Петрову избушку. О, Боже! Дай мне силы...

А расстраиваться была причина: от этого места до села намного дальше. К тому же впереди два перевала. Невысоких, но сейчас ему и по ровному-то идти тяжело.

Опять задул, тараня горы серыми и плоскими, как льдины, тучами, северный ветер. Сухая снежная крупа змеистыми ручейками потекла по белому руслу. Ветер напирал, заходя то с одной стороны, то с другой. На прямых участках он разгонялся так, что снег, свиваясь в плотные смерчи, валил с ног. Холодные кристаллы забивали рот, глаза... Каж-

дый шаг давался с все большим трудом, но Степан брел и брел за вновь замаячившим впереди «проводником». Когда силы оставляли его, приваливался, словно умирающий зверь, к дереву и, прикрыв глаза, отдыхал. Не шевелиться было для него самым большим наслаждением. Хотелось, чтобы оно длилось как можно дольше, но затягивать отдых опасно – заснешь и смерть не упустит своего шанса.

Открыв глаза после очередного передыха, Степан обнаружил лежащую у ног куропатку. Она была еще теплая. Охотовед не удивился: он воспринял это за дар лесного духа. Мужики рассказывали и о более удивительных случаях.

Сняв шкурку прямо с перьями, путник, почти не жуя, съел мясистую грудинку и почти сразу ощутил прилив сил. Зашагалось немного бодрее.

Смеркалось, а избушки все не было. И проводник куда-то пропал. Степан растерялся. Он перестал понимать, где он и куда идет. А тьма тем временем сгущалась.

«Придется опять ночевать у костра», – обреченно думал охотовед.

Кое-как свалив несколько сушин, запалил предпоследней спичкой огонь. Ели вокруг стояли разлапистые, и Степан устроил из их ветвей роскошное, пружинящее ложе. Рухнув на него, почти сразу провалился в бездну. Костер прогорел, а измученный путник продолжал спать. Разбудили мягкие и настойчивые толчки в спину. Открыв глаза, огляделся... Никого! Видимо, опять померещилось.

Затянув недогоревшие хвосты сушин на чуть тлеющие угли, дождался, когда огонь охватит их, и опять свернулся на хвойной постели. Мороз под утро совсем озверел. Когда через пару часов Степан вновь попытался освежить костер, ни руки, ни ноги не слушались. Да и дрова кончились.

«Ну вот и все!» – лениво подумал он и закрыл глаза. Но возникшие перед мысленным взором лица жены и дочери пронзили сознание:

– Как же они без меня?! Такое горе им... Нет, сдаваться нельзя!

Перебарывая апатию, Степан завалился набок, затем, с нескольких попыток, лег на живот. Самым трудным оказалось подтянуть под себя одеревеневшие ноги и встать на колени. Когда это удалось, принялся, опираясь на посох, по частям поднимать тело.

Перед тем как сделать первый шаг, долго стоял, шатаясь и дрожа от непрекращающегося озноба. На него в эти минуты страшно было смотреть. Глаза глубоко запали, почерневшая, потрескавшаяся от мороза кожа на лбу и остро выступающих скулах свисала струпами. Зубы стучали, сотрясая подбородок и спутавшуюся бороду.

«Куда идти? Ах, да! Вон проводник... Вперед! За ним!» – скомандовал сам себе Степан. Но, провалившись в снег, сообразил, что не надел снегоступы. Один нашел сразу – лежал у края лапника, а от второго остался лишь покоробленный кусок ремня – остальное сгорело в костре. Видимо, пока спал, нечаянно столкнул ногами.

Снежный покров в горах заметно глубже и рыхлей. Поэтому каждый шаг требует немалых усилий. Что делать? Степан, не долго думая, переломил несколько густых ветвей ели пополам и, положив их

друг на друга, притянул остатком ремня к подошве унта. Получилась широкая, надежная площадка. Опираясь на нее, можно было худо-бедно передвигаться. Правда, через час кровь с такой силой запульсировала в голове, что, казалось, вот-вот разорвет черепную коробку. Слуховые галлюцинации обострились, глаза заволочла белая муть с плавающими в ней огненными кругами. Возникая ниоткуда, они наплывали один на другой, переплетались в цветистый клубок, после чего разбегались, чтобы вновь соединиться.

Все вокруг теряло очертания. Степан теперь различал лишь контуры ближних деревьев. Цветные, мерцающие круги вертелись все быстрее и быстрее. В голове стал нарастать противный гул, опять забухали колокола. Неожиданно все пропало – путник потерял сознание.

Глава 44 Урок

– Ермилыч!.. Ермилыч! Ты меня слышишь?

Степан с усилием открыл залепленные оледеневшими ресницами глаза и промычал что-то нечленораздельное.

Чья-то сильная рука приподняла ему голову и поднесла кружку с горячим чаем. После нескольких глотков живительного напитка взгляд охотоведа стал осмысленным. Он огляделся. Напротив него сидел на корточках Лукьян. Поодаль стоял снегоход. Вокруг тайга.

«Искали! Не бросили!».

Напряжение сразу спало, Степан расслабился и погрузился в целительный сон. Очнувшись почти через сутки уже дома. Здесь было тепло. Пахло дымком самовара, свежесваренным чаем, геранью, стоящей в горшках на подоконниках, и тем духом надежного семейного гнезда, которое свивают любящие супруги годами.

Жена, осторожно смазывая ноги, лицо и руки гусиным жиром, рассказала ему, что, когда верто-

лет не вернулся, командир авиаотряда утром, взяв двоих опытных таежников, вылетел на «аннушке» с лыжными шасси на поиски.

Место крушения нашли, вывезли погибших и груз. По следам поняли, что ты идешь в сторону Верхов. Мужики на лыжах сразу вышли навстречу. А Лукьян на снегоходе только на следующий день – все ремонтировал свою тарактелку. Он и отыскал тебя. Фельдшер – отец Сергей – сказал, что чуть припоздай, сердце от мороза встало бы.

Вечером, узнав, что Степану получило, к нему заглянул и сам батюшка.

– Как он?

– Слава Богу, ожил.

Следом ввалились соседские мужики. От радостного возбуждения они то и дело поглаживали товарища по плечу: как бы убеждались, что живой.

– Спасибо, ребята! Спасибо!.. Большое спасибо! – только и бормотал растроганный Степан. – А вам, Лукьян Митрофаныч, отдельная благодарность!

– Ты не меня благодарить должен, а росомаху. То бишь Топа. Я его по белой отметине на груди узнал. Он к тебе и привел. Так бы не сыскал – всего замело. Дикий зверь, а с понятием. Честно скажу, подумал: вот бы стрелнуть на шапку. Но Господь отвел от греха – ружья-то не взял. Топ сразу понял, что я не опасен. Подбежал, глянул на меня и в ельник, а сам все оглядывается, как бы зовет. Я за ним. На прогалине он встал. В снегу порылся и отбежал. Я к раскопу. Гляжу – из снега бушлат торчит. Вот такая, брат, история.

– Ну и дела! Фантастика! А я никак в толк не мог взять, кто впереди меня идет. Оказывается, Топ... Какой умница!.. А где он?

– Как увидел, что тебя откопал, ушел в горы. Представляешь, даже не обернулся. Вроде как обидели его чем.

Степан потупил взор и чуть слышно прошептал:

– Так оно и есть, обидели... Сильно обидели...

Рисунки Андрея Чушкина

¹ Выкунять – сменить летний мех на зимний, при этом мездра (шкура) становится толстой и белой.

² Половая зрелость у росомах наступает, как правило, после двух полных лет жизни.

³ В предыдущий год во время гона росомаха не обзавелась кавалером. Оставшись пустой, ходила с детенышем предыдущего помета.

⁴ Самцов лосей (быков), поскольку их рога похожи на обыкновенную соху, нередко называют сохатыми.

⁵ Главная причина осенней миграции северных оленей на юг, в леса в том, что на открытых пространствах тундры снеговой покров под воздействием ветров сильно уплотняется и делает невозможным добывание корма.

Виктор ЕГОРОВ – художник, скульптор, лауреат премии Василия Митты и премии имени И.Я. Яковлева, дипломант Международного фестиваля резчиков по дереву «Поющее дерево».

ПЕВЕЦ ВОЛЖСКИХ ЗОРЬ

Художник Виктор Пятницкий

Виктор Пятницкий
(1908 – 1972)

Этой публикацией хотелось бы дать представление о почти забытом художнике, о его нелегкой судьбе и творческом наследии. Здесь впервые представлены изображения ранее не публиковавшихся работ из частных коллекций и материалы из архивных фондов.

«Все равно меня после смерти долго будут помнить, взглянут на картину и вспомнят...» – эти слова художника Виктора Алексеевича Пятницкого приводит сенгилеевский краевед и публицист Валентин Алексеевич Рябов (1923 – 1999). Его можно назвать единственным биографом художника В.А. Пятницкого. Те немногие публикации, которые появляются в печати и в сети Интернет, это в основном переложение, а иногда и прямое заимствование текста статьи В. Рябова «Горькая судьба». Статья сначала была напечатана в районной газете «Путь Ленина» в 1999 году, а затем перепечатана в 3 выпуске альманаха Сенгилеевского краеведческого музея им. А.И. Солуянова в 2013 году.

Если кто-то забредет в этот небольшой музей на улице Ленина в Сенгилее, может увидеть несколько небольших пейзажей художника Виктора Пятницкого и рисунки художника. Наиболее любопытным могут показать альбом с набросками, переданный в музей после смерти художника.

Работал В. Пятницкий довольно плодотворно, хотя мог неделями не прикасаться к кисти... В Сенгилее, где он провел свои последние почти два десятка лет, его картинами и росписями стен были украшены интерьеры и педагогического училища, и универмага, и ресторана, и вокзала. Много работ разошлось

по частным коллекциям. В лихие 90-е, когда в стране каждый тащил все что можно, появился интерес и к объектам реалистической живописи. И в этот волжский городок тоже зачастили «ценители» со всех столиц. Правдами и неправдами из города в неизвестном направлении исчезли многие картины В.А. Пятницкого. По тем работам, которые остались в фондах Сенгилеевского краеведческого музея им. А. Солуянова трудно составить полное представление о творчестве художника. Знающие толк в изобразительном искусстве, конечно же, понимали истинный уровень мастерства этого художника, но, к сожалению, в Ульяновском областном художественном музее нет ни одной работы В.А. Пятницкого, как нет, видимо, и в других музеях. Причина, конечно же, не в некомпетентности искусствоведов, а в политических мотивах. В биографии художника был факт, который ему ставили в вину. На нем висело клеймо врага народа.

Сенгилей – порт пяти морей

Сенгилей – районный центр в Ульяновской области. Расположенный в долине двух небольших речушек, впадающих в Волгу, с двух сторон укрыт холмами. Сам город утопает в садах, особенно живописны окрестности Сенгилея.

Пристань на Волге

Именно сюда из другого города Симбирской губернии – Алатыря, занесло в 1896 году отставного артиллерийского поручика Алексея Алексеевича Пятницкого. Женится отставной военный на Александре Михайловне Введенской, одной из дочерей настоятеля Покровской приходской церкви.

В записях метрических книг Николаевской церкви есть данные о рождении сына Алексея 25 ноября 1898 года и сына Петра, 24 июня 1901 года. Сведений о старшем из сыновей – Михаиле (упоминаемом В. Рябовым) в этих записях нет. Нет и записей о венчании Пятницких. Скорее всего, бракосочетание проходило в другой – Покровской церкви, которая была намного величавее, кроме того, отец невесты служил там.

Покровская церковь

По записям метрических книг Николаевской церкви, жена коллежского асессора А.А. Пятницкого – Александра Михайловна умерла от отека легких 20 марта 1903 года в возрасте 29 лет. (В статье В. Рябова ошибочно указано, что Александра Пятницкая скончалась в ночь под новый 1906 год.)

В 1907 году женился вторично, на молодой местной красотке – Татьяне Алексеевне Плехановой. Первенец в этом браке – сын Виктор родился 16 февраля 1908 года. (После реформы календаря свой день рождения Виктору Пятницкому приходилось справлять раз в четыре года – 29 февраля.) Был у Виктора и младший на три года брат Владимир.

Для своей молодой жены Алексей Пятницкий ничего не жалел, одевал ее как куклу, заказывая наряды у губернских мастеров. И немудрено, что она приглянулась заезжему комиссару, и вскоре в свои 28 лет с детьми сбежала с ним из уютного, но провинциального Сенгилея. Однако старшей из сыновей – Виктор не уехал с матерью, ему удалось вернуться с пристани домой...

В поисках жены и матери Пятницкие вскоре поехали в Москву, а затем и в Петроград. Найти беглянку им не удалось. Но так судьба забросила их в город на Неве. Здесь Виктор и увлекся рисованием. Известно, что в судьбе будущего художника принял участие и Сергей Миронович Киров. На одной из выставок учеников художественных школ на рисунки молодого Виктора Пятницкого обратили внимание и рекомендовали способствовать его дальнейшему обучению. Через год поступил в художественное училище, окончив его, следуя за своей возлюбленной поступил на факультет зодчества Академии художеств. Женится. Казалось бы, было все хорошо...

*Портрет матери. 1962 г.
Частная коллекция*

Однако, его не покидала мысль найти свою мать. Поиски привели его на Северный Кавказ. Дальнейшая судьба художника более-менее известна и описана. Встреча с матерью летом 1932 года. Работа в артели художников в Кисловодске. Лагерь – за лишнее слово о Сталине. Жизнь в условиях оккупации. Портрет Гитлера под угрозой расстрела. В книге памяти Ставропольского края имя Пятницкого

В.А. значится как «жертва политического террора», дата ареста – 11 марта 1943 года и новый приговор – 10 лет лагерей.

Художник продолжал боготворить свою мать. Писал по памяти ее портреты. Портрет, написанный в 1962 году, оправлен в круг. Осознанно делает это художник или нет, но круг со времен архаичного искусства является символом совершенства, гармоничного, божественного. Возможно, один из вариантов он отправил матери в подарок в Эссендуки летом 1968 года. Вот как о встрече с матерью художника вспоминает побывавший у нее В.А. Рябов: «Несмотря на свои 77, выглядела она неплохо, пожалуй, даже привлекательно. Развернула упакованные в бумагу картины. На одной был волжский пейзаж, на второй – озорно и лукаво улыбалась молодая женщи-

на ослепительной красоте. «Он с ума сошел! Меня такой писали, когда мне было девятнадцать. Нашел что прислать...». И ни одного вопроса о сыне, которого не видела 35 лет. ...«Всю жизнь он нам изломал». И стала прощаться».

«Можно предположить, что прадед В.А. Пятницкого был священником: отец, будучи офицером, вряд ли учился в семинарии, а значит, фамилию получил, по крайней мере дед, по своему отцу, священнику церкви». (Наталья Кольцова, Олег Николаев. «Виктор Пятницкий из города Сенгилея: между Сталиным и Гитлером», ж-л «Русский мир» №4, 2010. С. 74 - 82)

По сведениям Центра генеалогических исследований, фамилия Пятницких из рода дворян, внесенных во 2-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии по определению Казанского дворянского депутатского собрания от 1828.01.19. Среди представителей этой фамилии, действительно, достаточно много священнослужителей.

В городе Алатырь (город Симбирской губернии, с 1924 года – в составе Чувашской Республики), откуда в Сенгилей приехал отставной поручик Алексей Пятницкий, и вправду имеется Пятницкая церковь, сохранившаяся до наших дней.

– Пятницкая церковь? – переспросил один из монахов мужского монастыря в Алатыре. – Это, должно быть, Казанской Божией матери... Пятницкой ее называли, потому что службы там шли по пятницам...

Надо отметить, что в Алатыре много церквей, и старых, и новых.

Комплекс зданий Пятницкой церкви горожане на протяжении многих десятков лет считали символом своего города. Ныне церковь Казанской иконы Божией Матери с приделом Параскевы Пятницы, построенная еще в 1779 году, находится в стадии реставрационных работ и скоро уже примет своих прихожан.

По сообщению научного сотрудника Алатырского краеведческого музея Н. Головченко в Алатырской газете «Путь Революции» от 26 февраля 1919 года есть статья-вспоминание о борьбе с белыми под Оренбургом «Из дневника красноармейца» за подписью Алексея Пятницкого, красноармейца 215-го стрелкового полка 24-й Железной дивизии. Учитывая, что Железная дивизия формировалась в Симбирской губернии, в том числе и в Сенгилее, скорее всего, что это брат Виктора от первого брака отца. Возможно, после смерти матери они жили и у родственников в Алатыре.

По свидетельству В. Рябова, младший брат Владимир был лейтенантом и командовал ротой, погиб в 1942 году при обороне Сталинграда. Однако в электронных базах «Память народа» и «Подвиг народа» такого имени нет. Возможно, он погиб, как многие, не успев удостоиться какой-нибудь награ-

ды. Нет упоминания и о старшем брате – Николае Алексеевиче. Младшему из братьев от первого брака Петру было суждено погибнуть от случайного выстрела еще в детстве.

Ко времени освобождения В. Пятницкого один из братьев жил в Киеве, а другой в Челябинске. Ни к ним, ни к матери, ни к жене в Ленинград (к тому же жена давно отеклась от «врага народа») он не мог поехать, с таким «волчьим билетом» путь ему был закрыт. Как ни вспомнить слова художника Михаила Ларионова, хорошо знавшего, что значит скитаться:

«Зачем упрямитесь?

Повсюду найдешь –

Печаль, работу и любовь».

Вернулся в родной Сенгилей и продолжил свое любимое дело – занятие живописью. В этом городе он хоть и родился, никого из родных к этому времени уже не осталось. Он отбыл два срока лагерей, пережил оккупацию, и в нем, несмотря ни на что, осталась жажда настоящей жизни, неистребимое желание творить.

Меняются вожди и политический строй. На гребне волны оказываются то одни, то другие. Неизменной остается лишь окружающая нас природа. Счастье видеть эту красоту, радоваться каждому рассвету, провожать закат с надеждой, что завтрашний день снова принесет радость общения с ней, делиться этой красотой с другими, не это ли счастье для художника?

Виктор Пятницкий на этюдах

Работает в области пейзажа

Хотя печать неблагонадежности омрачала жизнь Пятницкого, полностью игнорировать его работы не могли. Его картины появлялись на областных выставках, продавались в художественном салоне. На областной выставке художников Ульяновской области, посвященной 40-летию юбилею Октябрьской революции (в октябре 1957 года) в художественном музее были представлены две его работы: пейзаж «Зима на Волге» (х.м. 64x95) и «Этюд» (к.м. 30x52.) Работы художника представлены в рамках отделения Художественного фонда. В каталоге выставки отмечено:

ПЯТНИЦКИЙ ВИКТОР АЛЕКСЕЕВИЧ

Родился в 1908 году в городе Сенгилее Ульяновской области. Живописью стал заниматься с 1931 года. Закончил 1 курс Академии художеств. Работает в области пейзажа. Пятницкий является постоянным участником выставок художников Ульяновской области.

О вступлении в Союз художников не могло быть и речи. Хотя в областном отделении художников чувствовалась острая нехватка кадров. Ульяновский союз советских художников, в 50-60 годы насчитывающий всего 7-8 художников, по малочисленности

не имел права на существование. В Ульяновск, на родину В.И. Ленина, «для усиления и сохранения Союза» присылались художники из других регионов и выпускники художественных вузов. Необходимо отметить, что в те советские времена, когда и художники вместе со всем народом строили коммунизм, требования к ним были высокие, работы не выставку отбирались специальным выставкомом.

После выставок, как обычно, проводились «разборы полетов». На одной из таких конференций, посвященных выставке к 40-летию ВЛКСМ от 18 декабря 1958 года среди присутствовавших есть и фамилия Пятницкого В.А. Имя художника упоминается и в ходе обсуждения по итогам выставки. А.Ф. Сергачев, критикуя работы многих художников, в том числе упоминает и нашего героя: «По работе Пятницкого В.А. В его работах не чувствуется рисунка, вся работа вялая, монохромная».

Пейзажи Пятницкого действительно не были красочными и вряд ли добавляли оптимизма в веру неизбежности победы коммунизма.

Весьма показательна в этом плане речь одного из партийных функционеров по поводу работы художников: «Основная тема – борьба за победу коммунизма не отражена. Навязывать тему художнику нельзя. Есть голоса художников – оставьте нас в покое. Нужно ценить художественность и индивидуальность. Ленин говорил: «В искусстве администрировать нельзя». Забывают товарищи, что мы – коммунисты и не можем представить стихии развиваться куда она хочет. Директировать, администрировать, навязывать тему нельзя, но, если представит художников самим себе, они обязательно скатятся к искусству безыдейному, ненужному народу».

С художниками нужно вести работу, чтобы дорожке партии им ничего не было, эта работа проводится плохо.

Как нужно помогать художникам? Нужно, чтобы партийная организация повседневно вела политмассовую работу. Нужно иметь связи с передовыми людьми промышленности и сельского хозяйства...».

В. Пятницкий за работой. Из архива СКМ

Пятницкому также предлагали идеи для работы. В. Рябов в своих воспоминаниях отмечает: «Предложение написать картину на тему колхозной деревни он отверг категорически, заявив, что, если напишет, как в действительности живет деревня, его снова посадят».

Видимо, после этих слов, его работы перестали принимать не только на областные выставки, а даже и в художественный салон. «Однажды, доставив туда десятка два прекрасно выполненных этюдов, он услышал, что пока от него ничего больше принимать не будут. Рассерженный художник вышел, расставил свои работы у цоколя здания салона и пустил их по червонцу за штуку. Больше он туда не ездил».

Политики в его жизни хватило. Силой своего карандаша и кисти он сумел передать свое отношение к тем историческим событиям, в круговороте которых оказывался сам.

Отбывая второй срок, написал большую картину «Пленные немцы под Москвой». В Сенгилеевском музее

хранятся некоторые карандашные и акварельные эскизы этого масштабного полотна.

Виктор Пятницкий, конечно же, прежде всего, художник-пейзажист. Хотя в его творчестве встречаются и жанровые работы, и портреты. Если судить по эскизам его последних работ, хранящихся в коллекции Сенгилеевского краеведческого музея, его можно было назвать и художником-плакатином. Плакаты, надо полагать, – это его работа, а не творчество. Числясь в разных местах то токарем, то еще кем, он, конечно же, не стоял у станка, а трудился художником-оформителем, чтобы прокормить семью. Можно было бы назвать его и маринистом, Волгу он писал много раз. Только чаще река на его картинах замерзшая. Известна фотография, где художник пишет картину «Заготовка льда на Волге». Неизвестно, где находится подлинник картины (судя по фотографии: не менее 110x70 см). Известен небольшой этюд к этой картине из коллекции М. Зимняковой. Хочется подробнее рассказать о некоторых картинах.

Сквозь вьюгу

Одинокая женская фигура с кузовком в руке пробирается сквозь вьюгу. Другой рукой путница закрывает лицо, стараясь укрыться от окутывающего зимнего вихря. Вокруг никого, только деревья и кусты... Погода, что называется, такая, что «хороший хозяин и собаки не выгонит». Тем не менее женщина, не сдаваясь, упорно протаптывает занесенную тропинку, неся свою поклажу. Что там, в этом кузовке? Кому она несет все это в такую метель? Сквозь пелену метели на уровне линии горизонта угадывается розоватое пятно зимнего солнца. Восход? Закат? Как бы там ни было, зимний день недолог, скоро и этот свет погаснет... Спешит путница, видимо, к кому-то очень дорогому, близкому и идет не с пустыми руками... Несет кузовок. Ждут ли ее там, в конце пути? Дождутся ли?

В. Пятницкий очень любил слушать музыку. Как отмечают очевидцы, особенно Мусоргского и Глинку. Возможно, ему была известна и «Песня любви» А. Островского в исполнении Муслима Магомаева на стихи Льва Ошанина:

*Вьюга смешала землю с небом,
Серое небо с белым снегом.*

*Шел я сквозь вьюгу, шел сквозь небо,
Но я тебя отыщу все равно. Все равно.*

Однако, не о любви написана эта работа.

Кроме женской фигуры на картине изображен и силуэт большой темной птицы, летящей за ней. Почему птица не укрылась в такую погоду? И что это за птица? Ворон? Коршун? Может это аллегория хищной птицы, жаждущей скорой добычи? Не только метель, кажется и сама смерть кружит вокруг одинокой фигуры.

Нет никакого сомнения в том, что художник уже чувствовал, как смерть уже буквально дышит в спину. На оборотной стороне картона дата: январь 1972 г. Жить ему оставалось несколько месяцев...

Жена с детьми на прогулке

После освобождения из лагеря В.А. Пятницкий приехал в Сенгилей и женился на разведенной женщине с ребенком – Кадыровой Нине Семеновне (в девичестве Неклюдова), уроженке Сенгилея. Она была моложе Виктора Алексеевича на 14 лет. Вскоре у них родился сын – Владимир. Это был единственный ребенок в их браке. Нина Семеновна пережила своего супруга на 13 лет и умерла в 1985 году в возрасте 63 лет.

На картине на переднем плане изображена женщина в светлом платье и двое детишек в траве, возможно, собирающих клубнику. Можно предположить, что первоначально этих фигур не было на пейзаже. На оборотной стороне картона имеется несколько надписей. На первоначальное наклеено новое название, выполненное рукой самого художника: В.А. Пятницкий «Жена с детьми на прогулке», картон-масло, 1957 г. Ранняя запись заканчивается на слово «...горы», возможно, «Сенгилеевские горы»? И виден один из размеров: х35. Позднее название продублировано в обычной для художника манере – масляными красками по картону. Реальные размеры сохранившейся работы 24х33 см.

Хорошо прописанный средний план и воздушная перспектива гор на горизонте позволяют

сделать предположение, что главными персонажами на картине были именно эти овражки и исчезающие в синеве горы. Фигуры на переднем плане могли появиться позже, и написаны по памяти как своеобразная дань семейству. Сыну в год написания картины было четыре года, скорее всего, это самый маленький из этой троицы...

Конец старому Сенгилею

Непривычный для Пятницкого почти индустриальный пейзаж. Мощный экскаватор, трактора, большой грузовик меняют очертания привычного берега. Видимо, техника расширяет и углубляет русло речки Тушонки под будущий уровень водохранилища. Часть старого города с резными наличниками и каменными церквями ушла в небытие. По некоторым сведениям, до 80% старого Сенгилея ушло под воды нового водохранилища. Мощь техники несколько не воодушевляет художника, гораздо с большей любовью он рисует дома и контуры гор. Однако пейзажи города Сенгилея и окраин могут измениться в ближайшее время до неузнаваемости. Известно, что так называемая Бутырская гора (та самая «горбатая» линия горизонта на заднем плане) продана для добычи цементного сырья. Долго ли удастся сенгилеевцам отстаивать свое право любоваться природными линиями, видимо, только вопрос времени... Вскоре и здесь могут появиться мощные экскаваторы с грузовиками...

В окрестностях Сенгилея

Название картины условное. На оригинале нет авторского обозначения названия. Опушка затенена стеной невидимого для нас леса. На краю опушки, у самого поля невысокая сосна, ярко освещенная солнцем. Нет, Виктор Пятницкий не идеализировал природу, он просто любовался ей, писал ее красоту, находя удачные ракурсы, любясь игрой света и тени. Рядом с сосной на картине засохшее дерево, без единого листочка и мелких веточек, с уже сброшенной корой. Казалось бы, на пейзаже можно обойтись и без изображения сухостойных деревьев. Правда заключается и в том, что в реальной жизни сухостой такая же действительность, как и цветущее дерево. Несомненно, в работе чувствуется рука художника, продолжающего традиции реалистической живописи.

...Возможно, нам этот незавершенный этюд чем-то напомнит сельские пасторали Камиля Кора.

Волжский берег

Этюд написан еще на старой Волге, до поднятия уровня воды. Невысокий волжский берег. Широкая береговая линия. Правый берег в районе Сенгилея сложен очень интересными геологическими породами мезозойского периода. Здесь и меловые отложения, и различные глины. ...Почти на линии горизонта вниз по Волге белеет буксир. Хорошо читается противоположный песчаный берег Белого Яра... Береговая линия всегда манила и продолжает манить к себе романтиков, если они еще не ушли в горы... Что их манит на берег? Может, то, что берег всегда меняется? Может, то, что здесь встречаются стихии зыби и тверди? Кто-то ищет на берегу замысловатый камушек, кого-то привлекают обработанные

временем и волнами коряги, кто-то черпает в этой стихии вдохновение... Художника привлекает этот молчаливый и естественный процесс превращения горы в мелкие береговые камни и песок. Совсем недавно это была глыба, а сегодня прибрежный песок... Прекрасна природа в Сенгилее.

На тех же Сенгилеевских горах сохранилось немало растений – эндемиков. Сами горы, сложенные туфом. Поляны, благоухающие душицей и черемшой. Холмы, покрытые ковылем. Мичуринская смородина, синеголовник и экстравагантный кермек... Отпечатки аммонитов и конкреции пиритов. Орлан-белохвост, золотистая щурка и сурок-байбак, затаившаяся на полянке косуля...

Возможно, с организацией национального парка эти красоты останутся доступными и для наших потомков. И, конечно же, среди них обязательно найдутся те, кто отправится в горы встречать рассвет, любоваться закатом, кто с мольбертом или с фотоаппаратом будет фиксировать этот чудесный край, живописные холмы, многоцветье трав, красочные восходы и закаты.

Последние работы В. Пятницкого, доступные для обозрения: два этюда, выполненных на Белом Яре 18 июня 1972 года. Ширина Волги между Белым Яром и Сенгилеем около восьми километров. В те годы жизнь на Волге кипела довольно интенсивно. Добраться до другого берега можно было за считанные минуты. Между Сенгилеем и Белым Яром ходили суда на подводных крыльях типа «Метеор». В здании речного порта красовалась картина В. Пятницкого с изображением этой чудо-техники.

В коллекции Ю.А. Неклюдовой изображена Волга с видом заросшего левого берега. Там, на другой стороне, между холмами родной Сенгилей. Там же недалеко и поселок Цемзавод. Вид на него закрыт деревьями. Это расстояние между Сенгилеем и Цемзаводом пробуждало самые тяжелые детские воспоминания художника. Сперва июньской грозовой ночью за руку с матерью на пристань, а потом бегом обратно, обливаясь потом и слезами, с вестью, что родная мама уплыла неизвестно куда...

Как знать, как бы сложилась судьба Виктора Алексеевича, если бы не суждено было ему в поисках матери очутиться в Ленинграде, если бы... Однако жизнь сложилась так, а не иначе.

На другом незавершенном этюде изображен небольшой заливчик, укромный домик на берегу. Художник, видимо, уже чувствовал, что дни его сочтены. До последнего он воспевал природу Средней Волги, своей малой родины – Сенгилея, который подарил ему первые минуты жизни и принял его последний вздох.

Отраженные в воде деревья. Кому не нравится любоваться этой обратной симметрией, особенно в тихую и ясную погоду, когда, как в зеркале отражаются и небо, и деревья. Как будто природа сама любит себя в своем отражении. Ни к чему поправлять макияж, ибо в каждом своем листочком, каждым кусточком она неповторима и уникальна. Этюд написан на негрунтованном картоне. Этюд написан тонкими мазками, будто художник экономит каждую каплю... Этюд не окончен, может, художнику не хватило времени? Может, у него кончились краски? Кажется, отражение прописано даже больше.

Пользуясь альбомом с рисунками, хранящимся в Сенгилеевском краеведческом музее, мы можем заглянуть и в «мастерскую» художника. Проследить за этапами рождения картины.

Работать на пленэре получалось не всегда. Во время прогулок делал наброски в альбом. Часто на рисунке подписывал оттенки красок приглянувшегося пейзажа.

Надежный карандаш и бумага особенно выручали зимой. А зимних пейзажей в творчестве В. Пятницкого немало.

Вмерзшая в лед деревянная лодка... Плыть бы ей по глади Волги... но прикована льдами к берегу, не двинуться...

Надежда, что льды растают и лодке еще получится прогуляться по волнам, еще остается, вера в силу света и тепла еще не иссякла. Наверное, художник видит в этой лодке образ, делает несколько набросков, ищет, пробует...

Наконец, находит и переносит эскиз на большой формат. Прием масштабирования в клеточку известен с незапамятных времен...

Известно также несколько живописных вариантов этого сюжета с вмерзшей лодкой. На варианте из коллекции охотхозяйства зима еще в разгаре. На авторском повторе из коллекции В.Г. Кутумовой, кажется, что воздух больше наполнен приближающейся весной. Перед лодкой видим крепкий кол, это на случай весеннего половодья, чтобы лодку не унесло случайной весенней волной.

И оттаявшая лодка снова поплывет по просторам реки, нагоняя на берега легкую волну, навстречу новым зорям...

Весна на картинах В. Пятницкого представлена двумя работами из коллекции Сенгилеевского краеведческого музея.

На работах чувствуется уверенная рука автора, с любовью и воодушевлением изображающего не столько пробуждение природы, а скорее отступление студеной зимы. Наступающая распутица принесет с собой затопленные дороги и вышедшие из берегов реки. Эту природную стихию необходимо переждать, ибо день весенний, теплый уже не за горами.

Эпилогом к рассказу о художнике могли бы послужить строки Льва Ошанина из «Песни о тревожной молодости», написанные размашистым почерком на маленьком клочке бумаги рукой самого В.А. Пятницкого. Песня эта на музыку Александры Пахмутовой звучала из всех репродукторов, особенно на праздничных мероприятиях. Слова этой песни, видимо, находили резонанс и в душе художника:

Пускай нам с тобой обоим беда грозит за бедою,
Но дружбу мою с тобою одна только смерть
возьмет.

Сердце художника Виктора Алексеевича Пятницкого перестало биться 13 сентября 1972 года. Умер он, прожив 64 года, от рака желудка. На местном кладбище установлен крест, выполненный по эскизам самого художника. На металлической палитре с кисточками указаны даты его жизни: 1908 – 1972. Рядом в Сенгилеевской земле покоятся его жена Кадырова Нина Семеновна (1922 – 1985) и сын Владимир Викторович (1953 – 2001).

КАРТИНЫ ВИКТОРА ПЯТНИЦКОГО

Сергей ОСИПОВ

ПЕВЕЦ ВОЛЖСКИХ ЗОРЬ

В.А. Пятницкому

Ты знаешь бури и морозы,
И ночи мрак и ветра вой,
Но через тучи и сквозь грозы
Светилось солнце над тобой.

В тревоге дней оно не меркло,
И ты, влюбленный в его свет,
Брал Левитана с этажерки
И загорался, как поэт.

Глаза светились жаждой дела,
Тянулись руки к полотну.
Изба крестьянская светлена
В лучах, хранящих тишину.

Меняла Волга одеянье,
Но под искусною рукой
Всегда в предутреннем сиянье
Она вставала пред тобой.

Послушно краски пробуждали
И волжский плес, и даль реки,
Где волны кружевом играли
Неторопливы и легки.

Закончен труд, живет картина
С улыбкой зорь в домах людей.
В ней теплота зари не стынет:
Большое сердце бьется в ней.

На берегу озера

В окрестностях Сенгилея

После дождя

Этюд «После дождя» написан летом 1957 года и чем-то ассоциативно напоминает картину нидерландского художника Винсента Ван Гога «Пейзаж в Овере после дождя» (1890, Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина). Такие же убегающие вдаль поля... Картина очень гармонична и по композиции, и по колориту. Женщина в шляпке и со свернутым зонтиком неторопливо шагает по полевой дороге, любуясь придорожными цветами. Белая шляпка с коричневой ленточкой хорошо гармонирует не только с цветом волос, но и с окружающей природой, с выступами меловых гор, и с легко узнаваемым силуэтом Гранного Уха. Вид на эту гору – наивысшую точку Сенгилеевских гор – часто встречается на работах В. Пятницкого. Цвет зонтика гармонирует с придорожными цветами, а платье весьма гармонично вписывается в этот ландшафт. Здесь уместно вспомнить слова самого

После дождя

Виктора Пятницкого: «Художественно то, что искрится живым выражением, что подано образно-поэтически».

На оборотной стороне картона надпись, сделанная рукой художника: В.А. Пятницкий «После

дождя», 1957. Позировала жена брата, вдали Белый ключ, картон, масло, 40х30. Это одна из немногих работ, доступных для обозрения, где художник поставил свой автограф на самой картине, в правом нижнем углу.

Конец старому Сенгилею

Туристы

Герои картины – молодые романтики, способные отправиться в путь «за туманом и за запахом тайги». Девушка, кажется, уже предвкушает новый маршрут, рядом ее спутник, присевший отдохнуть. Фотоаппарат и небольшой рюкзачок – вся поклажа этих туристов. Художник сумел передать восторг девушки, и сам с таким же восторгом пишет окружающий пейзаж. Это целая энциклопедия для начинающих художников и блаженство для зрителя: трава на переднем плане и облака, растворяющиеся в голубизне неба. По Волге, обгоняя друг друга, плывут пароходы, берега исчезают вдали... Взгляду открывается родной простор.

Туристы

Жена с детьми на прогулке

Зимний пейзаж

Силуэт горы Гранное ухо на дальнем плане в розовом цвете угасающего дня... Кажется, наконец-то наступила тишина и покой. Оттенки любимого художником серо-голубого создают глубину занесенного снегом небольшого овражка и неба, где наступающая тьма борется с последними сполохами света. Оттенки коричневого от черного до рыжего рисуют нам засыпающий до весны лес. Первые дни зимы, березка и молодой дуб еще не успели сбросить всю листву. Художник спешит нам передать эту красоту начала зимы, когда свеженький снежок временным покрывалом припорошил истерзанную землю... Влюбленному в красоту природы художнику дорог каждый миг, и он готов пройти немало километров, чтобы найти удачный ракурс и донести

Зимний пейзаж

до нас любованье этим чудом. В жизни каждый миг неповторим. Вспоминаются строки из М. Лермонтова:

Зима. Из глубины снегов
торчат, чернея, пни дерев».

Или из Г. Айги:

«Чисто. Далеко. Безлюдно».

Привычные окрестности иногда заново открываются нам только благодаря зоркому глазу и верной руке художника.

Комментарии Виктора Егорова

Метель. Сквозь вьюгу. 1972

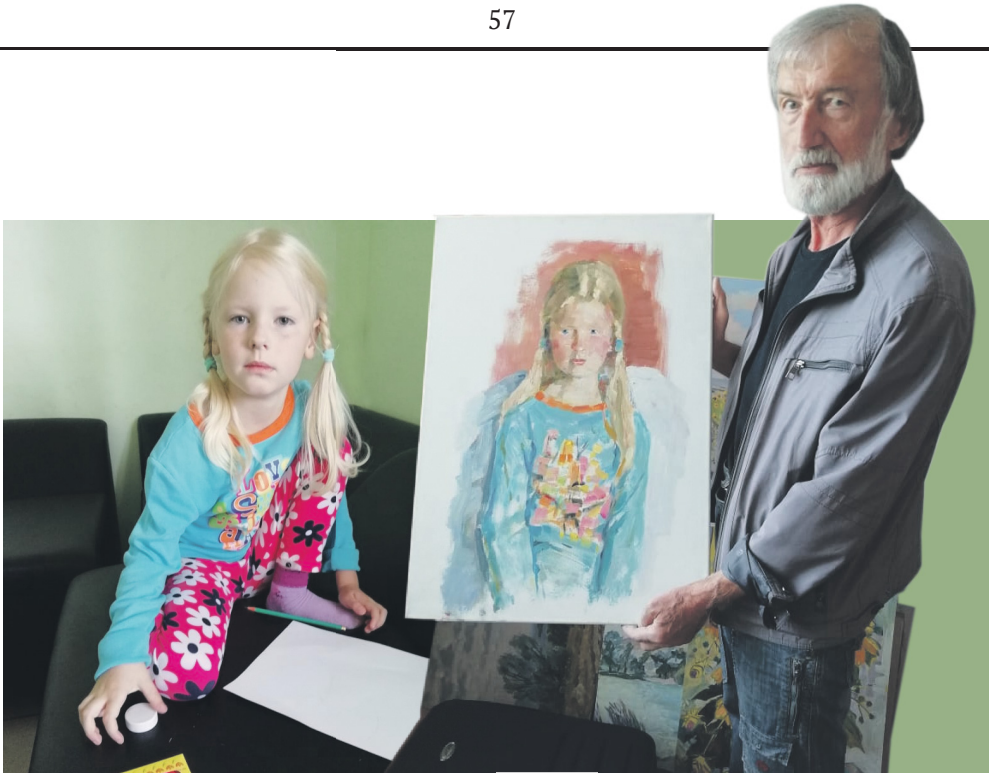
СЕНГИЛЕЕВСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Всероссийская передвижная творческая школа – пленэр
«КИСЕЛЕВСКИЕ ЗОРИ. СОХРАНЯЯ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ» –
в фотографиях. (Сенгилей, август 2018 года)

«ВСЕХ ЦВЕТОВ ПЕРЕЛИВЫ...»

18 сентября 2018 года в пресс-центре Издательского дома «Ульяновская правда» состоялось открытие художественной выставки по итогам пленэра «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие».

Всероссийская передвижная творческая школа - пленэр «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие» проходила с 17 - 26 августа в городе Сенгилее. Пленэр проводился в седьмой раз и был посвящен 125-летию со дня рождения народного художника СССР Аркадия Пластова и 110-летию со дня рождения сенгилеевского художника Виктора Пятницкого.

Первый пленэр проходил семь лет назад в Майнском районе недалеко от с. Комаровка – родины художника Виктора Киселева (друга А.А. Пластова). И потому родилось название «Киселевские зори». Организатор проведения такого творческого слета молодых и именитых художников – Людмила Юрьевна Слесарская. (При поддержке Ульяновского отделения Союза художников России.) Пленэр со временем стал «передвижным».

Каждый год участников ждут в разных уголках нашего края. По замыслу организаторов участники пленэра в ходе работы узнают о жизни и творчестве художников (знаменитых и малоизвестных), родившихся в Ульяновской области. По традиции пленэр проводится летом, и на новом месте встречи участники знакомятся с культурой края, людьми, населяющими эту местность, с народными традициями и фольклором. В этом году сенгилеевцы с большим гостеприимством и душевной щедростью встретили гостей. Творческая школа «Киселевские зори» приобрела статус всероссийской. В ходе пленэра-2018 мастер-классы провели Чеканцев Пётр Афанасьевич (Москва), Виктория Станиславовна Сахарова (г. Великий Новгород), Виктор Александрович Углич, Ирек Харисович Нуртдинов, Станислав Петрович Слесарский, а также

преподаватели ДШИ Ульяновска, Сенгилея, Димитровграда.

Выставка в пресс-центре стала творческим отчетом по итогам пленэра. На открытии присутствовали ульяновские художники, журналисты, музыканты. Выступил руководитель Ульяновского отделения Союза художников Н. Чернов, о работе пленэра подробно рассказала Л.Ю. Слесарская. Участники вокальной группы из детской школы искусств №2 украсили встречу акапельным пением. Художники и гости, пришедшие на выставку, были едины во мнении, что традицию «Киселевских зорь» надо продолжать и развивать.

Наша справка:

Людмила Юрьевна Слесарская – член Союза художников России и творческого Союза художников России, преподаватель детской школы искусств №2, организатор пленэра «Киселевские зори. Сохраняя культурное наследие».

Выставка в пресс-центре ИД «Ульяновская правда»
(ул. Пушкинская, 11)
будет работать до 18 ноября 2018 года.

К 70-летию писателя Владимира Дворянского

Владимир ДВОРЯНСКОВ, поэт, прозаик.

Родился 15 ноября 1948 года в деревне Екатериновка Сенгилеевского района Ульяновской области, умер 4 октября 2016 года в Ульяновске, похоронен на родине. Член Союза писателей СССР (с 1978 года). Автор книг «Осенние костры», «Водополь», «Летние часы», «Нужны ромашки для души», «Репетиция весны», «Чистота и радость света», «Поклонение родникам» и других. Много страниц своего творчества писатель посвятил родной Сенгилеевской земле.

ДВЕ ВЕРСИИ, ИЛИ СЕНГИЛЕЕВСКИЕ ГОРЫ

Я часто размышлял над этим, но все же долгое время не мог понять: почему Сенгилеевская земля так богата творческими людьми.

Маленький городок, притулившийся у волжской воды, рождает сам и притягивает, как магнитом, из других краев литераторов, художников, музыкантов, – талантливых, самобытных людей. Подвижников. Их всегда здесь больше, чем в других районных селеньях.

Появлялись всевозможные версии. Среди них и такая: мол, это земля своей живописностью и плодородием привлекает к себе одаренные красотой души.

И на самом деле, если посмотреть вокруг, краше мест в области не отыщешь. (Недаром же здесь планируется создать национальный парк «Сенгилеевские горы».) Волга подошла прямо к узорчатым крыльцам. И в тихие летние дни прибрежные дома глядятся в гладь залива, словно в зеркало.

Не в палисадниках и садах – а прямо вдоль улиц и тротуаров растут яблони и вишни. А какие вокруг богатые леса, где июньские поляны красны от густых россыпей земляники. А грибов – и подавно: хоть косой коси.

Именно в Сенгилеевском районе заканчиваются отроги Жигулей. На одной из вершин, по преданию, Степан Разин припрятал свои несметные богатства.

Вот поэтому и думалось, что жить в таком крае и не быть поэтом, художником почти невозможно...

Но недавно пришла новая версия. Правда, она больше не научная, а поэтическая. Но ведь и речь идет о поэзии...

Известно, что Александр Сергеевич Пушкин, собирая материал о Пугачевском восстании, побывал в Симбирске. А потом продолжил свой путь в Оренбург по правому берегу Волги. Сейчас основная дорога на Сенгилей идет по маршруту: Белый Ключ, Большие Ключищи, потом перпендикулярно поворачивает влево, проходит мимо лесного поселка Мелзавод, не доезжая до Красного Гуляя, еще раз перпендикулярно отворачивает влево, спускается в долину, где меж двух студеных речек расположи-

лось большое селенье Тушна, затем поднявшись в гору, ныряет в лес. И выныривает из него у начала полей, которые подступают вплотную с обеих сторон. И уже бежит до самого селенья на открытом просторе.

Нынешнюю дорогу с той, старой, и сравнить нельзя. Сейчас от Ульяновска до самого уездного городка – асфальтовая лента. К тому же крутизна гор скрыта: спуски-подъемы стали хоть и длиннее, но отложе. Но главное в том, что в самом начале дорога и вовсе проходила по другому маршруту. Дорожное грунтовое полотно не удалялось далеко от волжского берега, а тянулось почти по самой прибрежной кромке. Это, видимо, еще объяснялось и тем, что зимой тракт полностью перебирался на скованное льдами речное русло.

А в самом начале старая грунтовая дорога, выбравшись из Симбирска, шла не к Большим Ключищам, а брала направление на Кременки, потом выходила к Панской Слободе; под шум свежей волны добиралась до Криуш и здесь впервые уходила от волжской воды вправо, к Тушне. Это, видимо, объяснялось тем, что как раз у Криуш возвышались высокие, непроходимые горы. И уж от этого старинного селенья шла до Сенгилея.

Именно по Симбирско-Самарскому почтовому тракту (после краткого пребывания в Симбирске) и выехал Александр Сергеевич Пушкин.

Стояла осень. И потому дороги (хотя в России они всегда плохие) были малопроезжими. Но это для поэта не являлось помехой в его путешествии. Миновал Кременки, Панскую Слободу, от Криуш он свернул к Тушне. Проехал мимо слияния лесных студеных речек. Именно по тому месту, где сейчас находится моя деревня Екатериновка.

Уверен в этом потому, что объехать его стороной невозможно, так как это – точно между двумя большими селеньями. Дорога становилась все труднее. После Тушны начались горы да леса. К тому же на одном из лесных поворотов наперерез лошадям бросился заяц. А Пушкин, говорят, как и все творческие люди, был суеверен. И потому стопроцентно верил, что дальнейший путь обещает неудачу. Хотя

дело здесь даже не в индивидуальных особенностях поэта. В то время в народе существовали приметы, игнорировать которые считалось безрассудством.

Некоторые из них связаны с поездками. К примеру, негласным, но категорическим запретом было пускаться в дорогу в понедельник. Не менее опасным считалось продолжение пути, если дорогу перебежал заяц. (Не серая кошка, не черный кот, а именно заяц... Сколько же было тогда зайцев, если это вошло в примету?!)

Доехав до Сенгилея, он вынужден был вернуться в Симбирск. Вот как сам поэт писал жене Наталье Николаевне Пушкиной 14 сентября 1833 года (по старому стилю) об этой поездке:

«Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне ее. На третьей станции (это и был Сенгилей. – В.Д.) стали закладывать мне лошадей – гляжу, нет ямщиков – один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно – я заснул – просыпаюсь утром – что же? Не отъехал я и пяти верст. Гора – лошади не везут – около меня человек 20 мужиков. Черт знает, как Бог помог – наконец взъехали мы, и я возвратился в Симбирск...».

Вот такие дорожные приключения пришлось испытать великому русскому поэту на сенгилеевской дороге. А гора, действительно, крутая и опасная. Хотя сейчас ее значительно срыли, сделали доступнее. А в недавние времена именно здесь происходили то и дело аварии. Переворачивались машины, погибали люди. Я был еще мал, но хорошо помню, как в 50-х годах моя мать попала здесь в автопроисшествие. Грузовик ЗИС-5, груженный меш-

ками с мукой, шел из райцентра. И на этих мешках восседала мать, возвращаясь из командировки. В самом крутом, почти отвесном месте водитель не справился с управлением. И грузовик перевернулся. Пассажирка наверняка бы погибла, если бы не счастливая случайность: мешок с мукой застрял между кузовом и грунтом. И потому ее не придавило бортом. Отделалась лишь переломом ноги.

В общем, насчет опасной горы Пушкин несколько не преувеличивал.

А вообще, к Оренбургу лежало три дороги: первая – почтовая, о которой я уже рассказывал: через Кременки, Сенгилей, Русскую Бектяшку и т.д. Вторая, губернская, которая шла на Сызрань. И третья, самая ездая. Потому что знаю: по ней приезжали из Оренбуржья в Симбирск Аксаковы. Но по правому берегу (сенгилеевская дорога) была короче. И, видимо, Пушкин хотел сэкономить время, а вышло наоборот.

...И все же в жизни ничего не бывает случайно. По-видимому, это – Божий промысел, по которому поэт должен был побывать в Сенгилее. (Ведь получилось именно так: доехав до небольшого волжского селенья, он вернулся в губернский город и уже направился по другой дороге. Как будто именно это и нужно было ему совершить.)

В общем, вольно или невольно Александр Сергеевич своим присутствием благословил эту землю на творчество. И что любопытно: примерно с этого времени Сенгилей и на самом деле становится одним из главных культурных центров края. И остается им до сих пор. ...Две версии. Какая из них точнее? Не знаю. Наверное, обе верны. И лишь дополняют друг друга. Хотя и не претендуют на сугубо научную достоверность.

Сенгилеевские горы

«ВЕРЛИБР ЕСТЬ ОТРАЖЕНИЕ ДУШИ»

Вера ЛИПАТОВА (псевдоним – ВЕРОЧКА ВЕРБИНА) родилась в городе Нижняя Тура Свердловской области. Окончила филологический факультет УлГПУ, в 1993-м – аспирантуру при МПУ (МОПИ), в 2006-м – докторантуру при МПГУ. Доктор педагогических наук. Профессор кафедры риторики и культуры речи МПГУ. Член Российской Ассоциации исследователей и преподавателей риторики. Автор более 60 опубликованных работ в области риторики, неориторики, психолингвистики, методике преподавания речеведческих дисциплин. Постоянный участник Международного фестиваля верлибра. Публиковалась в альманахах «Самое выгодное занятие» и «По непрочному воздуху». Автор книг «Восемь лирических героинь», 2004 г.; «Диалоги богов», 2008 г.

Живет в Москве и Ульяновске.

– Вера Юльевна, вначале хотелось бы поговорить о вашей педагогической деятельности. Вы преподаете в МПГУ риторiku. Можете рассказать немного об этом?

– В самом Московском педагогическом государственном университете (МПГУ) я преподаю уже 14 лет, а до этого преподавала в УлГПУ, где тоже читала лекции и по риторике, и по культуре речи. Риторика – новая дисциплина.

В кавычках новая, потому что она всегда была в классическом образовании, но временно, к сожалению, в СССР, в России ее не было... И буквально последнюю четверть века эта дисциплина восстанавливается, ее ведут под разными названиями – «ораторское искусство» или «риторика» - практически во всех вузах. Риторика можно рассматривать и с античной точки зрения, где мы увидим много советов, которые не потеряли актуальности до наших дней. Еще тогда Аристотель сформулировал принципы, в своем фундаментальном труде «Риторика», которые лежат в основе всех успешных коммуникаций. И сам предмет интересный и нужный для студентов. Многие наши студенты пишут в отзывах, что им очень помог этот предмет. И я бы хотела сказать о том, что у риторики, или как говорят, у «старушки риторики» – большое будущее.

– Как научиться искусству красноречия? Вы знаете, быть может, какой-то секрет?

– Да, секретов очень много. Суть в том, что тут не один секрет, а очень много секретов. И как говорил Квинтилиан – римский ритор, философ и писатель: «...все начинается с языка няньки». Раньше детей из богатых семей отдавали нянькам, и Квинтилиан считал, что необходимо хорошо подбирать нянечку своему ребенку, чтобы у нее был красивый язык, пусть он будет народный, но именно этот язык воспитывает вкус в ребенке, начиная с младенческого возраста. Сегодня мы говорим, что мама должна быть культурная, вежливая, с плавной красивой речью – с этого нужно начинать. Так говорил Квинтилиан, но это только один из секретов. Однако и для взрослого человека тоже существуют возможности быть риторичным или становиться риторичным. И это умение отслеживать свою речь, то есть рефлексировать над своей речью до того, как мы произнесли ее. Допустим, мы идем на какую-то встречу, нам нужно ее выиграть, и, если мы наметим хотя бы план, продумаем аргументы, тогда наша речь будет успешнее. Это называется предрефлексия, антиципация. Во время самой речи, когда мы говорим – мы продумываем то, что говорим, отслеживаем реакцию собеседника – как он на нас реагирует: соглашается или не соглашается и так далее. И когда мы контролируем свою речь – мы владеем своей речью и можем выиграть ситуацию. Это называется рефлексия во время речи – параллельная рефлексия. Существует еще пострефлексия – когда мы приходим домой и обдумываем, что было удачным, что было

неудачным на этой встрече. Это первый секрет хорошей речи. Первый. Без него все синекдохи, градации, метафоры будут выглядеть натужными. Еще есть второй, связанный как раз с этими выразительными средствами – наблюдать в речи других людей. Мы смотрим телевизор или беседуем со своими друзьями... И услышали интересную мысль, интересную метафору – мы можем ее запомнить, потом применить в своей речи, переработав под свою. Это второй секрет. И этих секретов сотни и сотни.

– Вера Юльевна, расскажите, пожалуйста, а когда вы увлеклись литературной деятельностью? Как это произошло?

– Когда я училась в аспирантуре в Москве, моя подруга привела меня на литературный вечер, где читали свободные стихи, стихи без рифмы и без определенного ритма. Был ритм, но не такой, как в традиционных стихах. Тогда на меня это произвело глубочайшее впечатление, и вдруг я почувствовала, что свои ощущения могу выражать вот этой формой. Свободный стих или по-французски «верлибр». Я почувствовала, что это та форма, в которую могут вылиться мои переживания.

– А вы можете пояснить, что такое «верлибр»?

– Как уже ранее я сказала, перевод этого слова на русский язык – свободный стих... Верлибр подразумевает по собой определенное поэтическое настроение: оно примерно такое же, как в традиционной поэзии, то есть человек радуется или грустит, или хочет выразить свое горе... Свободный стих приводит слушателя в определенное состояние духа: на что-то его настраивает, может полностью поменять его состояние. Верлибр попадает прямо в душу слушателя... В диссертации я занималась как раз исследованием внутренних процессов нашего сознания и хочу сказать, что мысли не текут прямо... Они текут отрывисто, без рифмы... Рифма может появиться, но это бывает редко. Без ритма они текут каким-то рваным дискурсом... И вот этот рваный дискурс фиксируется поэтом и попадает в сознание слушателей. Правильно, хорошо, красиво, интересно написанный свободный стих моментально воздействует на слушателей, моментально!

– В 2008 году вы выпустили книгу «Диалоги Богов» совместно с Александром Четверкиным. При чтении этой книги мне показалось, что порой это монологи, а не диалоги. Герои, кажется, иногда не слышат друг друга...

– Изначально стихи писались отдельно... Я писала отдельно, Александр писал свои стихи отдельно, и только потом книга создавалась как диалог. Они не всегда являются ответом одного стихотворения на другое, а иногда, изредка, являются ответом. Это и была цель показать, что мы не слышим друг друга, и даже, находясь в состоянии определенного расположения к человеку, определенной настроенности, мы не всегда слышим собеседника.

– Как я знаю, вы являетесь постоянным участником Международного фестиваля верлибра. А существуют ли какие-то традиции на этом фестивале?

– Этот фестиваль проводился этой весной уже

25-й раз. Его организовал профессор Юрий Орлицкий – он же является бессменным руководителем фестиваля верлибра. Фестиваль складывается из трех частей и проводится в два дня: сначала – в первой половине первого дня – доклады о поэтах-верлибристах, доклады о самом верлибре. Это всегда очень интересно, там выступают интересные люди... Вторая часть первого дня – чтение стихов. На чтения приезжают со всех концов России, приходит много народу, иногда до ста человек. В основном фестиваль проводится в Москве, но иногда в Санкт-Петербурге, по одному разу проводился в Нижнем Новгороде и Твери. Эти фестивальные чтения стихов собирают очень много людей. Чтения проходят в тишине. Там могут быть разные поэты, разные стихи, но когда попадают жемчужины, мы аплодируем стоя. Писать верлибром трудно. Это такой ритм, который связан не с музыкальным ритмом, а с ритмом мысли человека. И если вдруг этот ритм (другого автора) попадает, допустим, в мой ритм, у меня просто открытие происходит внутри. Поэтому это и сложный жанр, и в то же время интересный.

На второй день фестиваля по заведенному порядку с утра идут переводы – народу там бывает не очень много, переводчики и их поклонники. На этой встрече верлибры переводят с других языков, в основном – переводы американской и западной поэзии. Много переводчиков выступают со своими переводами: с русского на французский, английский или, наоборот. Вторая часть второго дня – фестивальные чтения стихов.

– Вашим наставником является поэт и философ Владимир Микушевич? Расскажите, пожалуйста, об этом. Как вы познакомились?

– Когда я училась в аспирантуре, то ходила не только на лекции в свой вуз, но и посещала литературные вечера в Москве. И тогда мне удалось даже попасть на лекции на филологическом факультете МГУ к профессору Юрию Рождественскому. И как-то раз он читал лекцию «Современное понимание риторики»... Там я познакомилась с интересным поэтом – Виктором Коллигорским. Мы потом стали ходить на разные литературные вечера. И Коллигорский же пригласил меня в Литературный институт им. Горького на лекции к Владимиру Микушевичу. На меня эта встреча произвела сильнейшее впечатление. Это замечательный поэт, философ, мыслитель, переводчик. Эрудиция у него просто бесконечная, ассоциативные ряды Микушевич может выстраивать часами. Он начинает с одного поэта, переходит к другому, третьему, цитирует, и это все связано очень логически. Сначала я ходила слушать его лекции в Литературный институт, потом он перешел работать в Институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ), я продолжила ходить туда к нему на лекции, и он даже позже разобрал наши стихи – мои, Коллигорского и других наших коллег. Поэтому могу его назвать наставником. И когда в Ульяновске мы проводили вечер, посвященный выходу книги «Диалоги богов», я привезла запись, где Микушевич характеризует книгу и дает пожелания мне и ульяновским поэтам. Мы до сих пор с ним общаемся, он приглашает на вечера.

Это поистине удивительный человек. И несмотря на свой возраст (поэт родился в 1936 году), он не только сохранил ясность ума и живость эмоционального отклика, но по-прежнему является высоким примером поэта и духовного наставника. Интеллект, эмоции, желание узнать что-то новое – всё при нем!

– Вера Юльевна, а можете прочитать свое любимое стихотворение? Как я знаю, стихи, особенно – верлибры, лучше слушать, причем в авторском исполнении.

*Как тяжело любить филологию
ты написал любовную записку
с нарушением правил риторики
прочла несколько раз
мысленно сделала поправку
после этого успокоилась
и простила тебе
твою нериторичную любовь*

– Вера Юльевна, а есть ли у вас какие-то творческие планы на будущее относительно Ульяновска?

– Да, если в Москве и Петербурге постоянно проводятся вечера, на которых читаются верлибры, то в Ульяновске это не так часто бывает... Я вспоминаю, как в 2004 году в Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова мы проводили такой вечер «Весенний вечер верлибра», на который пришло очень много ульяновских поэтов. И все читали верлибре... Этот вечер показал, что мы пишем интересные верлибры, свободные стихи. И хотелось бы этот опыт проведения фестивалей верлибра возобновить. По предложению разных поэтов Ульяновска мы совместно с Еленой Викторовной Кувшинниковой хотим возродить эту традицию и проводить хотя бы раз в год на библиотечной площадке такой вечер верлибра. Мы приглашаем всех ульяновских поэтов, авторов этого жанра, принять участие в этом фестивале. Для этого необходимо набрать на компьютере тексты, прислать их в редакцию литературного журнала «Симбирск» (на электронный адрес karamz_sad@mail.ru) с фамилией и краткой биографией и подать заявку на участие в этом вечере. Подробная информация о времени и месте проведения зимнего фестиваля верлибра будет размещена на сайте журнала «Симбирск». Будем благодарны всем заинтересованным авторам за помощь в подготовке и проведении этого литературного события.

– Спасибо большое за интервью. Вы – желанный гость «Симбирска». В заключение скажите несколько слов читателям журнала.

– Я хочу начать свое пожелание с маленького стишка:

*моя жизнь оказалась
холщовой тканью
надо
как вплести в нее
золотые нити
хочу*

Я хочу пожелать читателям вплетать золотые нити *хочу* в свою жизнь!

*Беседовала Кристина Романчева
Фотографии из архива Веры Липатовой*

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Алексей ЛАНЦОВ – поэт русского зарубежья, художник, литературовед.

Родился в пос. Нижняя Пойма Нижнеингашского р-на Красноярского края 26 октября 1972 года. С 1983 года жил в Ульяновске. Окончил филологический факультет Ульяновского педагогического университета им. И.Н. Ульянова. С 1997 по 2006 гг. преподавал в ульяновских вузах культурологию, историю культуры, введение в литературоведение и т.д.

Как поэт дебютировал в 1988 – 1989 гг. Стихи печатались во многих периодических изданиях Ульяновска («Симбирскъ», «Мономах», «Стрежень», «Карамзинский сад», «Северный царь» и др.). Входил в городские литературные объединения «Парус» и «Стрежень», недолго – в «Надежду».

С 2006 года живет в Финляндии. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии.

Стихи, переводы, эссе публиковались в журналах «Иные берега Vieraat rannat», «Mosaiikki/Мозаика», «Северный благовест», «LiteraruS-Литературное слово» (Финляндия); журналах «Партнер», «Новый Ренессанс», альманахе «Созвучье муз» (Германия); альманахах «Русский миръ», «Литературные знакомства», «Белый ворон», «Невском альманахе», журналах «Северная Аврора», «Аврора», «Вокзал», «Берега Тавриды», «Сетевая словесность», «Гвидеон», газете «Литературные известия», «Литературной газете», литературном приложении к «Независимой газете» «НГ-Ех Libris» (Россия); интернет-газете «Северная широта» (Финляндия) и других изданиях.

Автор книги стихов «Русская тоска» (Ульяновск, 2003) и монографии ««Будут все как дети Божи...»: Традиции житийной литературы в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (СПб., 2011).

В 1989 – 1990 гг. учился в Заочном народном университете искусств в Москве. Как художник отдает предпочтение абстрактной живописи. Участвовал в коллективных художественных выставках в Финляндии в 2007, 2010, 2013 гг. Персональные выставки: 2008 г. (Сало, Финляндия), 2015 г. (Хельсинки), 2015 – 2016 гг. (Иматра, Финляндия).

В 2018 году вышел сборник стихов Алексея Ланцова «Бесстрашные глаза». Презентация книги состоялась в Доме Булгаковых в Москве.

ПРЕЗЕНТАЦИЯ КНИГИ АЛЕКСЕЯ ЛАНЦОВА

В жаркий московский день 28 июня 2018 года в музее-театре «Булгаковский дом», что на Большой Садовой, прошло очередное заседание Литературной гостиной Лолы Звонаревой, на котором выступили поэт Алексей Ланцов и прозаик Надежда Середина.

Алексей Ланцов представил слушателям свою новую книгу стихов под названием «Бесстрашные глаза». Прекрасно оформленная книга издана в Санкт-Петербурге в 2018 году в издательстве «Юолукка» (в переводе с финского «голубика») и включает произведения, написанные в 2003 – 2017 годах. Основу поэтической книги составили раздумья поэта о Родине, эмиграции, поэтическом призвании, истории и современности. На сцене Булгаковского дома Алексей предстал как поэт, который «увлеченно всматривается не только в звездную

бездну над головой, но и в закорючки своих поэтических черновики», у которого «азарт работы вытеснил страх» и его «глаза стали бесстрашными». А поэт ощущает, «что и он – только строчка сочинителя бытия».

Финский поэт русского происхождения читал России о России для России... А как же иначе?

В конце своего выступления Алексей Ланцов любезно пригласил слушателей в год, объявленный «Годом русской поэзии за пределами России», на фестиваль «Эмигрантская лира в Москве», который пройдет в декабре с широким участием поэтов и любителей русской поэзии как из русского зарубежья, так и из России (основная площадка – Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына).

Вера Липатова,

поэт, член Союза литераторов России

Алексей ЛАНЦОВ

ПОЭТ

В.А. Масюкову

«Среди миров, в мерцании светил...», –
Писал поэт, взор обращая к небу.
«О чем, о ком и почему грустил
Небес избранник – это ли не ребус?» –

Шептала чернь, и пред ее толпой
С очами ввысь, без всякого ответа
Стоял поэт, пусть, может, не святой,
Но воплощавший в слове силу Света.

2004

ДВА В ОДНОМ

I
Потому что тишина
Здесь в листву превращена,
Смолкло птичье караоке –
Тишиной пестрят дороги.

Воду снегом подсолив,
Небо смотрится в залив.
Чтобы веслами грести,
Весла в воду опусти.

Тишиной пестрит дорога
Под ботинками Ван Гога.
Упекут меня в закут,
Сумасшедшим нарекут.

Кто ботинки не рисует,
Тот, конечно, не рискует.

II
Видишь: саженцы-слова.
Видишь: вскопана строфа.
Видишь: звездный макияж.
Видишь: домик. Видишь: пляж.
Дальше, видишь: быт советский.
Дальше – лагерь Соловецкий.
Дальше – вечность. Дальше там

Ничего нет, только храм.
В храме этом, видишь, нет
Узнаваемых примет.
Купол – небо голубое.
В этом храме только трое:
Мать с Сыном на иконе,
Третий ты – поэт в законе.

2010

КТО МЫ?

Кто мы?
Фантомы?
Безработные стрелки сломанных часов?
Железнодорожные пути, зарастающие травой?
Дребезги?
Или просто поэты эпохи Вздорожания?
Горькие кофепийцы?

2010

* * *

*Письма листопада
Р. Винонен*

То не сон, не бравада
И не кадры кино –
Письмена листопада
Ветер бросил в окно

Словно весточки рая.
...День сегодня таков,
Что стихи прибывают
Наводнением слов.

Записать, не замешкав,
Я и трети не смог.
...Даже в старый скворечник
Ветер бросил письмо.

Воздух осени свежий
Вслед за листьями в дом
Залетает и нежит
Этим солнечным днем.

Закопная осень
Словно главный почтамп.
Ветер листья разносит –
Почтальон-дилетант.

Растворимое время
Дарит письмам цветным
Быстротечность паренья,
Бесшабашный экстрим.

...Я скажу, не скрывая,
Что под видом стихов
Мы на ветер бросаем
Одиночество слов,

Но из каждого слова,
Непричастного лжи,
Вырастает основа
Совершенства души.

И поэты – поверь мне –
Тем одним велики,
Что они, точно двери,
В мир впускают стихи.

...Звезды вышли как знаки
Водянистые на
Той воздушной бумаге,
Где печатью луна.

Засыпая, ты видишь,
Как за окнами дождь
Опустился как Китеж
И пропал – не найдешь.

Если будет отыскан
Этот град, этот люд,
Пожелтевшие письма
Адресатов найдут.

...Ночью сердце накрылось
Мышеловкою строк,
Стих родился и вырос,
И шагнул за порог.

2011

МОЙ СОСЕД

Мой сосед, Тоссавайнен, домой приезжает под утро.
Спят в окопах друзья, и невеста уснула в авто.
Всполошив не на шутку на речке ночующих уток,
Мерс под окна подгонит и долго не глушит мотор.

Над Суоми большая луна строит кислую мину,
Еще час-полтора – и начнет просыпаться народ.
Столько русских вокруг,
что невольно сочувствуешь финнам,
По ошибке звонишь не туда – трубку русский берет.

Привыкаешь к стране, где тебе улыбаются люди,
Облеченные властью (но не отягченные мздой),
Где над площадью главной высится
столбиком ртути
Просвещенный монарх –
русский царь Александр Второй.

С постамента царя –
этой гордой и властной фигуры –
Не снесли даже после проигранной Зимней войны.
Он стоит как фиксатор приемлемой температуры
Отношения к русским
в большом организме страны.

Побываешь в столице –
заполнишь до самых подкорок
Впечатленьями мозг, чтобы дома, уже поостыв,
Вспомнить гладкие руки дорог, обнимающих город,
Дом-кроссворд, что на солнце блестел клеткой
окон пустых,

Или Финский залив. В нем теперь и твое отраженье
Где-то в складках волны... Или чайка его унесла?
Возвращения вечного нет, это миф – возвращенье,
Затемняющий суть: жизнь не круг,
не спираль, но стрела.

А мишень у стрелы за пределами этого мира –
Край, куда эмигрируют все и уже навсегда.
Может, там по-другому поет просветленная лира
И стихи «Калевалы» озерная шепчет вода...

Взглядом праздным блуждаю средь облачных серых
развалин,
Там зависла луна и мерцает, что твой монитор.
Возвращение – блеф,
возвращается лишь Тоссавайнен –
Вновь приехал под утро и долго не глушит мотор.

2009

* * *

Небо в звездах, как в дырах от пуль,
И деревьев стволы – точно в дыме.
Дом Ипатьева. Полночь. Июль.
Упокоил Господь со святыми.

Повторяется в каждой луне
Та, бродившая в сумерках дома,
Оставлявшая свет на окне,
На полу, на стене, где икона.

Лето щедро на россыпи звезд,
На поляны в лесах с земляникой.
Птичий клир, аналои берез
На погостах державы великой.

Лето буйствует здесь по утрам.
Солнце вставшее высушит травы.
Дом снесут, позже выстроят храм,
Лишь не выстроить больше державы.

Поклонившейся сатане
Гольтьбой в комиссарских сутанах
Был расстрелян в Советской стране
Русский царь-страстотерпец Романов.

2007

* * *

А где-то на дальних просторах
Листва золотая лежит.
Лежит, как упавшие шторы,
Как сброшенные паранджи.

Тропинка протоптана кем-то
В лесном, непролазном краю.
Качаются листья под ветром –
На ветки осевший салют.

Осенним смывается ливнем
Последняя лега краса.
– Смой все – только листья продли мне!
Но ливень не слышит – азарт.

Деревья стоят, как под душем,
И кажется, в забытьи,
О будущем или минувшем
Ткут долгие думы свои.

И кажется слишком наивным
Сочувствие этим стволам –
Широким, могучим и сильным,
Которых нельзя – пополам,

Которые сами диктуют,
Быть может, порядок вещей,
Чтоб выбрать и осень такую,
Которая им по душе...

* * *

В осенней памяти моей
Ограда – красоте высокой,
Там пара снежных лебедей,
Пруд, зарастающий осокой.

Мещанство это или нет –
Я не могу сказать наверно,
Ведь есть Чайковского балет
И лебедь Пушкина – царевна.

Проходит время через нас
И возвращается как память.
Придет, и уж в который раз
Во мне пылает, словно пламя.

И не уменьшить его пыл,
Оно накатит, опрокинет...
Чтоб я, беспечный, не остыл
К тому, чего уж нет в помине.

1999

Стихотворение к картине Магнуса Энкеля «Мальчик с черепом»

...И разве мог кто-то понять –
родители, родственники, учителя –
по какой причине он выбрал в друзья череп?

Его отец после работы сидел всегда
на скамейке, что рядом с домом,
курил, смотрел лениво по сторонам.
Ничего интересного в их
захолустном городке,
разве что старинное кладбище.

Кто изучал историю, не может не быть
пессимистом: основное содержание
мировой истории заключается в том,

кто кого захватит, – мы их или они нас?
Кто кого уничтожит: наша страна их страну
или их страна нашу?

Атилла шел завоевывать Запад.
Наполеон шел завоевывать Восток.

– Эй, ты что – нашел череп Атиллы? – смеялся
над мальчиком отец.

Мальчику нравился череп. Он закрывал глаза
и представлял, что у него
не один, а много-много черепов.
Они белели, блестели, оскалившиеся, перед
его мысленным взором.

Так кончался XIX век.

В XX веке мальчик вырос. Он прошел несколько
войн. Он видел столько костей
и черепов, что повредился умом. Он вернулся в
родной город и по вечерам, выпучив глаза
и по-идиотски открыв рот, топтался на том са-
мом месте, где когда-то сидел
на скамейке его отец.

2002

Но здесь Магнус Энкель передает эстафету Эд-
варду Мунку. Великие художники
велики прежде всего тем, что знают о жизни
все. И с этим как-то живут.

2017

* * *

Хоть я городской и тепличный,
Но все-таки не устаю
В сезон землянично-черничный
Бродить в этом тихом краю.

Взял правило: меньше фейсбука
В такие походные дни.
И даже мобильник без звука,
Когда я ныряю как щука
В черничные поляны.

А лес? Я к гиперболе строгий,
Но хочется граждан спросить:
Вы видели лес синеокий?
А нет – посмотрите под ноги –
Глядит на вас взглядом глубоким
Черники зазывная синь.

Казалось бы: в этом ли редком
И столь неказистом леске
Ломиться от ягоды веткам,
Что просится по тарелкам,
О сахарном грезит песке?

В черничные вторгшись угожья,
Нарушив их сладкие сны,
Я самый счастливый сегодня,
С какой ни взгляни стороны.

И я до скончания века
Гулял бы по этой глуши,
Вдали от новинок хай-тека,

Борьбы за права человека
И радужных флагов меньшинств.

Но Запад (такой уж он – Запад)
Внушает отечески нам:
Будь другом, дорвавшись до ягод,
Оставь хоть немного зверям.

Ведро донесу до машины,
Прощаясь, взгляну на лесок:
Всех благ, дороге вершины,
Черничный родной уголок!

* * *

Войдешь в сентябрь, точно в Инстаграм,
Где знаешь всю листву по именам
И каждого растенья видишь профиль,
Где, дабы до чужих добратся неб,
Слетелись птицы, смотрят Гугл мэп –
Беспроводного Интернета профи.

И муравьиный малый Хуавей
Несет на черной спинке муравей,
А прежде он соломинки таскал там.
Не видно муравейников вообще –
Их заменяет «интернет вещей»
(Я сброшу ссылки всем интересантам).

Сентябрь разорил цветочный рай,
И клумбы, источавшие вайфай,
Почти увяли, прекратив услугу.
И мимо пробегающий жучок
Напрасно тычет лапкой в гаджечок,
Скучая по заветному Фейсбуку.

Наш город ныне в Облаке хранят...
Там есть собор на сотню гигабайт,
И если ты скачаешь приложенье,
Над ним увидишь ангелов полет,
Такой красивый, что, помилуй бот,
Он превзойдет твое воображенье.

2018

2018

ЖИЗНЬ ПОЭТА

Над судьбою поэта размыслить –
Был и нет, но остались стихи.
А в стихах его бездны и выси,
И обыкновенные лопухи,

И дороги, и ветры, и вера,
И любовь – безразмерную жизнь
В борозду стихотворных размеров
Он старательно уложил.

Он стихи пролагал, точно кабель,
В мягком грунте читательских душ,
Но не бил себя в грудь: «Я – писатель!»,
Похвальбы органически чужд.

Он-то знал, что задача поэта,
Да, важна, только все же не он
Генератор чудесного света,
Что по кабелю им подведен.

Он и сам был порой обесточен.
И, уйдя в это время в себя,
Ощущал, что и он – только строчка
Сочинителя бытия.

Оттого и не рвал он рубаху,
И, когда отпускало чуть-чуть,
Отдыхал от стихов, точно пахарь,
Что у пашни присел отдохнуть.

Жизнь прошла. За смирения доблесть
Осенила его благодать.
В первый раз то, чем был он сподоблен,
Он не стал никому отдавать.

Отпеванье пред Пасхою было.
Гроб закрыли, как томик стихов.
Воскресения слава и сила
В основании всех его слов!

И когда этих слов вереница
Пробежит по душе словно ток,
Начинаешь невольно молиться
И ощупываешь страницы,
И влагаешь персты между строк.

Татьяна ТОЛОКОННИКОВА, член Российского союза профессиональных литераторов, руководитель «Клуба поэтов».

Татьяна Борисовна Толоконникова в содружестве с Лилит Николаевной Козловой много лет объединяют одаренных людей, способствуют их самовыражению и творческому общению. Минувшим летом в сквере Карамзина работала поэтическая площадка. Каждый воскресный вечер над Волгой звучали стихи.

«ОСЕННИМ ВЗГЛЯДОМ ПРОВОЖАЯ ЛЕТО...»

Это было замечательное лето, наполненное нежной лирикой, оно дарило прекрасное настроение, питало душу теплыми лучами добра и света! Начиная с 1 и 9-го мая и каждое воскресенье лета в сквере Карамзина с 17 до 20 часов вечера был установлен открытый микрофон. Вот уже 20 лет в Ульяновске существует «Клуб поэтов» при Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова. И последние 8 лет члены «Клуба поэтов» каждое летнее воскресенье выступают в Карамзинском сквере на поэтической площадке в «Городе счастливых встреч». Темы очень разнообразны. Множество прекрасных стихотворений прозвучало о Родине, о любимом городе, о семейных ценностях, о любви, о святынях нашего края. Нежные строчки о Волге слышны были у самого берега реки! Чтение стихотворений чередовалось с вокальным исполнением.

Почти каждый вечер можно было услышать новые песни барда Валерия Ветрова в авторском исполнении. Елена Иванова очаровывала своим прекрасным голосом. Очень проникновенно звучали стихи о любви Татьяны Мельник. Замечательная мама талантливой поэтессы Елены Токарчук – Любовь Токарчук знакомила слушателей с чудесными стихотворениями своей безвременно ушедшей дочери. Надежда Никищенко выступала с искренним воодушевлением. Уникальной памятью во время художественного чтения восхищала Маргарита Фадеева. Звучали светлые стихотворения Ларисы Кочуровой и ее добрые песни, посвященные детям. С чувством юмора, ярко выступал Алексей Захаров. Душевным светом делилась, выступая, Ирина Ротова. А Алла Имукова (стихи в прозе) передавала свое мироощущение, делилась радостью. Петр Салмин – патриот,

Ульяновский городской Клуб поэтов
встречает осень у открытого микрофона 2.09.2018 г.

ветеран труда, читал не только «злободневные стихи», но и лирические, где воспевал образ прекрасной дамы.

Сложился свой круг слушателей, любителей поэзии. Благодарные зрители помнят имена всех авторов, чьи стихотворения и песни звучали в «Городе счастливых встреч»! Это – Лилит Козлова, Татьяна Толоконникова, Борис Блохин, Сергей Кочетков, Александр Потехин, Александр Тимаков, Виктор Малахов, Петр Шушков, Вячеслав Садковский, Елена Иванова, Тамара Грачева, Людмила Серзина, Анна Ларина, Нина Егорова, Нина Дубовик, Елена Ньюкало, Резеда Кафидова, Лариса Семенова, Евгений Бодунов, Любовь Белянина, Валерий Калошин, Татьяна Лотоцкая и другие. А этим летом украсили наши воскресные вечера поэты молодежного клуба «Симбирлит», солисты вокально-академического ансамбля «Родные просторы», солисты коллектива художественной самодеятельности Всероссийского Центра общества слепых. Порадовали песнями в стиле ретро солистки Валентина Ильичева и Ирина

Пронина. В этом году гостями поэтической площадки стали Вера Липатова (Москва) и Алексей Ланцов (Финляндия). Алексей представил новую книгу и прочел экспромт: «Да, наступили времена – /Я на земле симбирской снова. /И памятник Карамзина/ Ждет поэтического слова!» Да, поэтическое слово звучало в сквере, Муза Клио благосклонно внимала стихам.

Последняя в этом сезоне встреча состоялась в сентябре и была посвящена Дню города. В этот вечер зрители тепло встречали руководителя Российского союза профессиональных литераторов г. Ульяновска, поэта, профессора Лилит Николаевну Козлову.

*«Здесь воскресное солнце светило
с особой любовью,*

*Здесь витала приветливо Муза, лелеяла слух,
И душа наполнялась неведомой светлою новью,
И взмывал, словно голубь, Великой поэзии дух!»*

(Светлана Нефёдова).

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Стихи участников совещания
молодых писателей (Ульяновск, июнь 2018)

ЭТО ОСЕНИ ВДОХНОВЕНЬЕ

Светлана АЛЬКИНА (Ульяновск)

В МАРШРУТКАХ

Люди в маршрутках недоброжелательные,
Неблагодарные, недружелюбные.
Люди мечтающие, привлекательные
В пуховиках и в норковых шубах.

Люди с работы домой возвращаются,
Музыку слушают, спорят, смеются.
Кто-то читает, кто-то прощается,
Кто-то боится с начальством столкнуться.

Люди в маршрутках с угрюмыми лицами,
Слишком болтливые и молчаливые,
Парни, девчонки с большими ресницами,
Бабушки, дедушки, мамы счастливые.

Кто-то уснул, кто замёрз, кто-то жмётся,
Чей-то ребёнок болтает ногами,
В верности кто-то любимой клянётся...
Люди в маршрутках — это мы с вами.

МУЗУ ЗОВУ

В комнате тихо торшер зажгу,
Музу зову. Полистаю книжки.
Сладко уснул мой родной сынишка.
Кофе закончится к четвергу.

Наедине бы с собой побыть.
Кажется, этого мне не хватает.
Сахар, как снег, в белой чашке тает.
Тёплый напиток успел остыть.

Слабость – минута, и грусть пройдёт,
Я прогоню дребезжащей ложкой.
По голове проведу ладошкой.
Муза стихи черкнёт.

Максим БЕССОНОВ (Белгород)

* * *

на входе в парк стою, как часовой.
ни денег, ни черта, ни фиги даже.
и громкоговоритель за спиной,
и Ленин – всё на грани эпатажа.

а может быть, не этот вовсе парк.
вполне возможно, это парк победы.
над грязной речкой поднимался пар,
и ничего не задали на среду.

и в целом жизнь понятна и легка, –
пусть осень за окном в начале мая.
а в небе птицы режут облака,
ни крошек, ни следов не оставляя.

* * *

вот жучок-паучок, вот коровка,
то ли божья, а то ли ничья.
восхищают талант и сноровка
неприметного, в общем, ручья;

раззадорилась певчая дворяня
накануне морозного дня.
жизнь хитрее меня, и проворней,
и гораздо сложнее меня.

у подножия чёрного леса,
я стою, зачарованный днём.
и молчу, и ещё неизвестно,
чем аукнется жизнь. подождём.

Мария БОГДАН (Ульяновск)

* * *

Все оставят. А ты останешься
Навсегда. До конца, до конца.
Не обманешь и не обманешься
Тихим светом родного лица.

Перекрестки стальными спицами
Вновь закроют полоску огня.
Улетим за последними птицами!
Нас не будет: тебя и меня.
Сединою дома затуманятся.
Будет видно лишь серую муть.
Нас не будет. Но где-то останется
Переулков заснеженный путь.

Мы не сгинем, не потеряемся,
Пусть уже не найти следа...
Нас не будет. Но мы останемся
До конца. Навсегда, навсегда.

* * *

Небеса, словно чаша мёда,
цвета хрупкого янтаря.
И деревья под небосводом
на закатном костре горят.

То не сказка, не сновиденье,
не отрывок немого кино.
Это осени вдохновенье,
золотое ее вино.

Разливается по предплечьям,
по ладоням, по волосам...
Позволительно слово «Вечность»
заколдованным этим часам.

И в каком-то волшебном танце
закружилось всё, будто в снах...
Запах меда на тонких пальцах,
привкус осени на губах.

Максим ВАСИЛЬЕВ (Уфа)

МИДНАЙТ

Разливается ночь, в полумраке потолок.
Время неспящих больных голов,
Цени, если вдруг тебе повезло -
Быть среди них.
Завтра снова будут заботы, дела.
И так просто забыть о нехватке тепла,
Среди радостей будничных, будничных бед,
Среди серой тоски и печали -
Для того, чтоб не гаснуть, тебе нужен свет,
И ты ищешь его ночами.
На конце самокрутки взрывается джаз,
Не важно, который уже идет час,
Свет во всех окнах напротив погас,
Но зажегся в тебе.

REPEAT UNTIL

Повторения, цепи, циклы, кольца.
Зеркала отражают спектр эмоций
И от ударов не бьются.
В венах находится место для пульса.
Задаром себя всему свету по унции,
По блюдцу из мыслей
Мечется воспаленный нейрон,
Спотыкаясь о каждую из прощенных вин.
Не-ро-вен час, а порой и секунды изогнуты.
Если дети Вселенной, то беспризорники.
Без надзора, без смысла, прописки и здания,
Но
С всепрощающим всепониманием главного:
Кажется, живы, и ладно бы.
Живы.
Разве так важно, куда твои тянутся жилы?
Разве так важно?
Разве кто спросит?
Неутолимая жажда
как единственный остолюбимый способ
Существования.

Повторения, вены, секунды изогнуты,
Воспаленный нейрон, беспризорники мы!
Повторения, циклы, неутолимая жажда.
Кольца и цепи - будут разорваны?

Жанна КОБЗЕВА, Ульяновская обл., г. Димитровград

РОСТОК ПОЯВИЛСЯ ПОД НЕБОМ

* * *

Холодно. Снежно. Бабушка все про смерть.
Кофе и пледы. Девочки про любовь.
Хочется ластиком взять и вокруг стереть
Белый от нечисти тлена защитный круг.

Холодно. Снежно. Хочется пометчать.
Чтобы не нужно было идти в туман.
Чтобы забиться в угол и почитать.
Больше не слышать горе-стенаний шум.

Холодно. Снежно. Девочки все про смерть.
Кофе и пледы. Бабушка про любовь.
Хочешь не хочешь, но дальше давай терпеть
Замкнутый зимний беспечный круг.

* * *

Тень сидит у стены... И. Тени. Терять. Нечего.
И сползать по стене, кажется, в целом незачем.
И вопросов много и писем... на них не отвечено
Ни единым. Обрывчатым. Покалеченным.

Тень ни разу не мудрая, не познавшая,
не открывшая,
Только все больше от света себя сокрывшая,
Тень пытается сделать
в жизни своей единственной
Дело важное, дело верное, дело тихое.

Ничего. Никому. Никогда – не сказав нового.
Ни себе. Ни другим. Ни добру и ни злу на сторону.
Тень сидит и молчит, и движение ей знакомое
От окна не идет ни в одну, ни в другую сторону.

* * *

Во мне не осталось ни капли любви
и ни капли боли,
Только глубже и глубже растущий корень:
В землю, в камни, к подземным водам,
к земной стихии.
И росток появился под небом, пока что хилый.

Он растет, зеленеет, стремится к небу,
Он стремится стать небывалым, каким он не был,
Он растет, извивается под огромным,
Необъятным проходим, что топчет травы.

Даже втоптаный, вдавленный зеленеет.
Нет ни боли, ни горечи в его жизни.
Небо желтое, небо красное, день темнеет,
Корень глубже уходит в воды, чтоб стать сильнее.

* * *

В какой-то момент кончаются все слова,
Что раньше из сердца и глотки рвались с запалом.
И больше не колет, не режет,
на многое не хватает воли...
Ни новое, ни великое – не колышет.

Ты снова идешь по городу тихо, старо,
Ты отмер, нет шума, и чувства – и это роскошь.
Ты больше не кто-то, не что-то и не зачем-то,
Ты – тихо, ты – страшно и ты – блаженно.

Ты отмер, ты слился, ты стал безликим.
Ты – дерево, ты – озера, ты – леса.
Нет голоса в горле, и в мыслях рифмы –
Ты растворился, вдыхая землю и небеса.

Сергей СКУРАТОВСКИЙ (Нижний Новгород)

ИЗ НЕМОТЫ – В СТИХИ

* * *

Разбитое окно – запасный, быстрый выход
В сырую плоть небес, из немоты в стихи,
В разлитую сирень, где слово – это выпад,
En garde, моя весна! Не так уж и плохи
Дни каменной тоски, где вечность так гранитна,
Где лишь прямая речь, как комариный звон,
Зависла над свечой. С трудом, но было видно,
Сквозь ребра, сквозь бетон единственный закон,
Что бьется против тьмы.

Примерный ритм ноль восемь.
Империя проста, ее кумир – число.
Сквозь восемь раз по семь весна постигнет осень.
Так думал Велимир. Я – меряю веслом
Сегодняшний разлив. И птичий крик тревожит
Озоновую ночь, просодию корней.
Слова ведь не сторгят, когда я буду прожит,
Они растут в земле, они парят над ней.

* * *

Гора молчалива и велика.
Некто опять приходит к ее подножью,
Маленький мальчик осматривает облака,
Обиженно, жалобно.

Со странной внутренней дрожью
Переводит взгляд вниз, на испачканную ладонь.
Делает вывод: раньше не было этих линий.
Шорох камней по склону:

«Отче, избави, не тронь!»

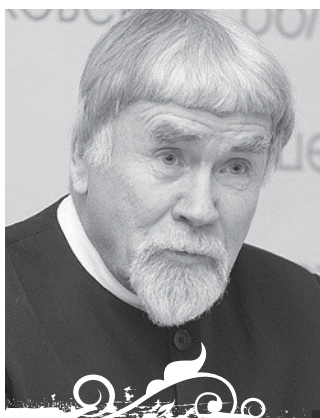
С земли небесная твердь кажется слишком синей.
«Я вчера лишь упал, коленка сильно кровит.
Пап, я присыпал пылью, так будет легче?»
Вдалеке пошел дождь. «Смочи, от пыли горит».
Сзади, по камешкам, девочка:

«Идем купаться под вечер?»

Я игру придумала нам. Она называется «прятки».
Это не страшно, весело. Давай, догоняй, Адам!»
Адам изгибается,
чтобы достать колючку из пятки.
Дети заходят в еще не названный Иордан.

ДОРОГА К ХРАМУ

Валентин КУРБАТОВ родился 29 сентября 1939 года в семье путевых рабочих в селе Старый Салаван Мелекесского района Куйбышевской области (ныне поселок Новочеремшанск Новомалыклинского района Ульяновской области). После войны переехал в город Чусовой Пермской области, где окончил школу. С 1962 года живет в Пскове. Работал грузчиком, корректором и литературным сотрудником в местных газетах. Окончил факультет киноведения ВГИКа (1972). Литературный критик, литературовед, прозаик, академик Академии российской словесности (с 1997). Автор книг «Виктор Астафьев» (1977), «Миг и вечность» (1983), «Михаил Пришвин» (1986), «Валентин Распутин» (1992), «Крест бесконечный» (2003), «Уходящие острова» (2005), «Подорожник» (2006), «Батюшки мои» (2013) и многих других. Член Союза писателей СССР (с 1978). Секретарь Союза писателей (1994 – 1999) и член правления Союза писателей России (с 1999). Член редколлегии журналов «Литературная учеба», «Русская провинция», «Роман-газета» и др. Лауреат многих литературных премий, в т.ч. имени Л.Н. Толстого (2000), имени Павла Бажова (2007), Горьковской (2009) и Новой Пушкинской (2010).

НАШЕ НЕБЕСНОЕ ОТЕЧЕСТВО

Продолжение.

Начало в журналах «Симбирскъ» №5,6,7,8 – 2018 год.

Утро

А февраль все-таки сказывается. Утром трава седеет, но уже часам к десяти от заморозков ни следа. Солнышко греет, как у нас в конце мая, а то и в июне. Мы едем в Патару, но по дороге как-то грех не навестить малые античные города Ликии, знавшей по очереди власть хеттов, персов, Александра

Великого и Рима. Каждая культура торопилась заселить эту землю своими богами, которые разошлись теперь по музеям и с грустью вспоминают ночами дни своей власти и всемогущества. А тут уж остаются одни «оседлые» камни.

Первым по дороге будет Тлос. Русский путешественник вздохнет, что «единственным доказательством существования города являются образцы

клинописи и монет, обнаруженные при раскопках». Не верьте, потому что первым доказательством существования города будет сам город. Вот он – акрополь, высящийся над неизменными, (уже хочется сказать «типовыми», как хрущевские дома) ликийскими гробницами. Вырастающий из них, словно население гробниц и есть воинство, власть, торговля, жизнь и молитва акрополя. Отведут дневную службу и вниз – «по домам». И вот он длинный, непривычный нашему зрению, с еще целыми рядами скамей стадион у подножья акрополя, где носись квадриги местных аполлонов и состязались богоравные атлеты под взглядами «лилейнораменных» дев, каких мы уже чуть можем представить ослабленным зрением по стремительным фигурам краснофигурных ваз и кратеров. Только теперь крестьяне предприимчиво засеяли его ячменем – не пропадать же такой прекрасной полосе земли, отнятой у повсеместного здесь камня, раз уж Зевс-громовержец, и Феб, и Афина Паллада остались только в камнях соседнего театра.

Земля, однажды вздохнув, тяжело приподняла театр и осыпала часть рядов и сцену с ее орлами и крылатыми героями, но на большее ее силы не хватило – слишком велики камни, слишком могутчи арки входов. Но что непосильно землетрясению, подвластно времени и забвению. Пасутся на арене овцы и козы, козлята по-ребячьи бегают по поверженным колоннам, да точит камень говорливый ручей, сверкающий под стенами театра весело-живой и легкий посреди смерти и тяжести. От «нашей» церкви уже одни чуть читающиеся стены дикие заросли – не продрасться. Зато термы в слоновьем шаге арок, в шестии сводов, в незаблемой толщине стен все хранят ужасное величие Рима, как поступь неостановимых когорт под водительством закованных в бронзу стратигов и комитов. По одним этим подавляющим руинам видно, что такое была Римская империя, что вообще такое империя в своем расцвете и торжестве, способная остановить солнце. Арки обнимают горы, далекие поля и деревни внизу, облака и птиц, как подвластное «имущество». Не термы, а тюрьмы все того же не оставляющего нас Пиранези, в которые заточено само подавленное, лишенное власти время.

А указатель у входа в акрополь искушает гробницей Беллерофонта. Вот, значит, где лежит этот победитель Химеры, заточенной в Олимпосе, вот где он оставил своего крылатого Пегаса и сошел «под вечны своды». Однако, приглядевшись к барельефам – этим каменным иллюстрациям к нынешним путеводителям, – не найдешь ни крылатого коня, ни бедной Химеры с телом козы, головой льва и хвостом дракона, а только как крепкие мужики бьются с другими крепкими мужиками в крике короткой злой схватки. Видно, Беллерофонт предпочел продолжить свой полет на Пегасе в родной мифологии, оставив Глосу право заманивать туристов своим именем, чтобы жить с процентов олимпийского бессмертия, оживляя потерявшие историю руины. А лежит тут какой-нибудь храбрый вояка из квесторов и легатов Рима, захотевший оставить потомкам каменную «фотографию» своих побед.

Так с улыбкой и ехалось до а самого Летоона, где, как опять обманывает путеводитель, богиня

Лето родила от Зевса близнецов Артемиду и Аполлона, бежав от гнева законной супруги Зевса Геры. Да только мы ведь «наверное знаем», что родила она своих детей на острове Делос. И уж разве потом прибежала сюда купать ребятишек в реке бессмертия Ксанф, которая и теперь бодро бежит через город, побуждая и нас контрабандно одолжить бессмертием, сполоснувшись в этой летучей воде. Но, видно, Гера и здесь «доставала» бедную Лето и робкие жители городка просили молодую мать от греха подальше оставить их город, потому что Гера не слабее Зевса управлялась с громами и могла принести послушникам много горя. Лето уйти-то ушла, но от гнева и досады обратила всех жителей в черепак. И теперь они ползают тут по камням храмов Артемиды и Аполлона, толкутся на тропах, бодаемые козами, и заползают и в христианский храм, стоящий позади античного храма с лицом, повернутым на восток, в отличие от храма Лето, который все смотрит домой, на Грецию. Какая-то добрая душа поставила в нашем алтаре на место престола часть ионической колонны хорошего ордера. И пока наш Никола стоит на ней, благословляя храм и день, я успеваю подумать о нечаянной символике этого мгновения.

Мы помним из «Жития», что Никола разрушил в родных Мирах «до основания» один из красивейших в Ликии храмов Артемиды. А вот теперь стоит на колонне ее храма посреди православной церкви и смотрит на тихий городок, на воскрешаемые языческие храмы и нет в его лице ни гнева, ни смущения. Словно они не примирились, а что-то поняли друг в друге за полторы тысячи лет. И додумать бы, но еще надо успеть в царственный Ксанф или Ксантос, из которого ликийские войска уходили на Трою («Рать ликийян Сарпедон и блистательный Главк предводили, живших далеко в Ликии при Ксанфе глубокопучинном»). Только «пучины» реки обмелели со времен Сарпедона и Главка. А город еще величав на закате со своими великолепными гробницами, которые кичатся одна перед другой высотой и щеголяют рельефами. Хотя это уже только копии, которыми Британский музей утешил город. Оригиналы увезены из сухого Ксантоса в сырую Англию вместе с чудесным храмом Нерейд, от которого остались фундамент да фотографии, говорящие о такой красоте, что ее уже было и опасно подвергать случайностям времени и человеческого своеволия.

А мы со Святителем ищем свое – малый храм за огромным театром. Театры уж так привычны, что ни в Летооне, ни в Ксантосе на них и не смотришь – подумаешь, сверстники Колизея! От храма уже только план да две колонны. Но зато «Большая церковь» искупает все. Опять, конечно, вздохнешь: ну что это за имя – Большая? Как было не сохранить небесного покровительства. Но вспомнишь, что храм по хроникам умер рано под арабской рукой, веке в восьмом, когда еще Византия была в расцвете, и заторопишься, поперек всем запретам, перелезть через все колючие проволоки, ограждающие дивные, словно вечера, положенные тысячелетние мозаики полов, чтобы со Святителем постоять перед алтарем, помянуть дни древние и времена славы Христовой на этой земле.

Будь с нами священник, как хорошо служилось

бы здесь, в этом подлинно царскими размерами храме, под стать храму Девы Марии в Эфесе. Как жадно и благодарно слушали бы молитву и этот вечер, и мирный Ксантос, и горы, и театры, палестры, гробницы, потому что они некогда слышали ее здесь и теперь вспоминали бы словно из давнего сна. Что-то (не одни полы и мощные пилоны притвора) подсказывают, что и эта Большая церковь, как эфесская церковь Девы Марии была в свой час рождена, как Афина из головы Зевса, из другого, языческого храма, сменив здесь Артемиду или Аполлона. Как некогда в Антиохии Писидийской из храма Кибелы рос храм Марка Аврелия (когда императоры бесстрашно вставали в ряд Богов меду Зевсом и Посейдоном), чтобы потом стать храмом апостола Павла. И вот здесь мимолетная-то мысль о Николе на ионической колонне и проясняется.

Святитель еще разрушал языческие храмы, потому что слово Господне горело в нем. И с этим Словом в сердце он «ни во что вменял» хотя бы и совершенные камни, дивные статуи и гордую красоту архитектуры, которые заслоняли для него сияющий идеал бедности и правды. Но, очевидно, уже следующее поколение отцов понимало, что камни можно «перевоспитать», что Слово властно и над ними. Надо только вывести мраморное человечество статуй из храмов, снять яростные или соблазнительные барельефы, прописав их по ведомству уходящего детства и пустив резвиться в светских стенах музеев. А сам храм повернуть лицом к востоку, если он раньше не смотрел на него. А чаще все-таки смотрел, потому что глядел на солнце, еще не зная, что оно только дитя Солнца Правды. А всего-то вернее, как в Сардах – оставить гордую Артемиду доживать свой век, а свой малый храм поставить рядом, не оскорбляя Слова соперничеством, потому что Слово победит само. Но это теперь, из дали опыта, а тогда – вон! как торговцев из храма.

Вот и Большая церковь служила по их изгнанию единственно истинному Творцу всяческих. Человечество повзрослело, узнав Бога, но оно уже не могло и не должно было забывать свое детство, как не может забыть его любой из нас, ибо оно не отменяется, а только сменяется взрослостью, а там и старостью. Мы словно матрешки сохраним в себе все возрасты. И можем покаяться в неразумии детства или беспамятстве юности, но не можем сделать их небывшими. Здесь в соседстве христианских и языческих храмов особенно очевидно, что античность не заблуждение, не злое язычество, подлежащее истреблению, а только человеческое утро, резвая младость, остаться в которой – значит в безумии пытаться остановить время. Но и отринуть которую, не повредив душе, тоже нельзя, потому что и в красоте юности, тоже ведь созданной и посланной Богом, потому что его противник ничего сам сотворить не может, тоже есть назидание и подсказка, что красота – родная сестра Истины и условие ее понимания. Этот скоро пролетевший день был тому хорошим подтверждением.

«Стена и заступление»

А рядом-то с Ксантосом – Пинара! Имя этого города ничего не говорит православному сердцу,

пока оно не обратится к комментированному «Житию» св. Николая и не столкнется с проблемой, которая начиная с XVII века при каждом очередном издании «Жития» вынуждает агиографов оговариваться. Оказывается, святых Николаев было два в одной Ликии. Только «наш» жил при Константине Великом и гонителе Диолектиане в IV веке, а другой при Юстиниане Великом в VI веке. И жития их так соединились в трудах переписчиков и народной памяти, что они стали одним человеком и одним Святителем и Чудотворцем. И хоть теперь и предпринимаются попытки разделить их и написать каждому отдельное житие, попытки эти важны науке, но совершенно напрасны для христианского сердца, которое живет не наукой, а преданием. Оно оказывается правее науки, потому что лучше слышит голос Бога, говорящего на языке, на котором знание лишь часть истины, и не самая определяющая.

И мы не станем делить Святителей, а только обрадуемся этому новому знанию, как дару, как подтверждению мысли, что святые подлинно не умирают. И что столетие за столетием идет по земле Святитель Николай, меняя имена и «прописки» (Пинарский, Можайский, Великорецкий), но это все один – тот, первый, вышедший в дорогу в Мирах Ликийских и теперь уже не знающий остановки (как русский старик в «Отчине» Л.Ф. Зурова спокойно и твердо говорит: «Его нельзя положить в землю. Он что сутки, то сапоги снашивает. Миколай все исполняет по молитве»). Не зря по одному из «Хождений» он проповедовал в Кесари Филипповой, просвещал Армению, исцелял бесноватых в Апамии Сирийской и прокаженных на Кипре, в Риме встретил беса и победил его, молился в Александрии Египетской и только потом возвратился в Миры.

Вот мы и ехали навестить его в Пинаре, не обращая внимания на путеводитель, соблазнявший нас хорошо сохранившимся театром и руинами бань и одеона на акрополе, но ни словом не упоминавший о пинарском Святителе, который ходил в Миры собирать память о своем предшественнике по ликийской кафедре, а потом щедро делился с ним своим паломничеством в Иерусалим, своими плаваниями и чудесами, ибо они делали одно Христово дело.

Город умер. Добираться надо по осыпям, хватываясь за кусты и с криком отдергивая руки, потому что кусты из одних шипов, нет-нет увешанных ключьями шерсти пасущихся здесь овец и коз. Они здесь везде и на любой высоте. Агнцы «без порока» вертятся вокруг матерей, иногда, как в Летооне или Ксантосе, привязанных к капителям и обелискам аполлоновой поры. И здесь так хорошо слышно имя Христа как «доброего пастыря» и неоднократный призыв Спасителя к Петру «Паси овец Моих», потому что словесные «овцы» нуждаются в пастыре больше бессловесных, иначе их начинают пасти жезлом железным и на месте храмов остаются мертвые камни и колючие кустарники в ключьях шерсти.

Мы насилу находим остатки апсид на дикой высоте над ущельем и можем только представить, как реяли здесь эти храмы, собирая весь город и таинственно сопрягая и на редкость сохранную чашу театра у подножия, и термитник могил в отвесной скале за спиной храмов – страшные соты, которые

запечатывает трудолюбивая смерть. А как их вырубали в отвесной скале сосланные сюда из переполненного Ксантоса старики (молодая жизнь не хотела видеть во что она превратится и построила для стариков свой город, тем более им все равно пора было поближе к небу), как доставляли в скалу мертвых «жилецов» никакое воображение подсказать не может.

Но зато хорошо слышно слово Святителя, ободряющего доживающих век греков и ликийцев, не нужных родному Ксантосу высоким словом о радости воскресения и о мире, где нет старости и смерти. Наш образ постоял и здесь, чтобы забвение не торопилось праздновать окончательную победу. А пока спускаешься к дороге, все не можешь оторвать глаз от неохватных, истерзанных возрастом, извитых жилами старых олив, которые для бывавших в Иерусалиме тотчас напомнят оливы Гефсиманского сада и молитву о Чаше и сердце невольно поклонится этим сверстницам Гефсимании, а литературная мысль готовно подскажет, что, может быть, Святитель и привез их оттуда после Иерусалимского паломничества, чтобы не забывать главного условия спасения: «Не Моя, но Твоя воля да будет».

И хоть реальная наша поездка шла другим порядком, но у воспоминания свои законы, своя карта и свои дороги. Мы все-таки едем в Патару, куда собирались накануне. И скоро улыбаемся тому, как жизнь заботится о чистоте сюжета. Едва успеваем добраться до нее, поселиться в одном из пансионатов и спуститься к чаю, как после двух-трех слов выясняется, что брат хозяйки нашего пансионата – мухтар этого города. Это не имя и не кличка, а название чиновничьей должности вроде по нашего мэра. И он ревнует к Мирам, что памятник Святителю стоит у них, тогда как родина его в Патаре, и лучше, чтобы он стоял здесь. Мой соавтор, глава нашей экспедиции и Фонда «Синергия» Борис Иванович Царев тотчас загорается подарить городу другой вариант памятника, который стоит сейчас в Фонде, в Москве. И только невозможность связаться с мухтаром тотчас охлаждает порыв. Да, может, укол горечи при воспоминании о том, как обошлись с памятником Миры.

Мы забираемся узкой тесной улицей повыше, чтобы оглядеть город сверху. Зрелище печально – рассыпанные руины там и тут погибают без всякой связи в кустарнике, песках, тростнике наступающего залива. И посреди этой гибели особенно странный крепкий театр времен Адриана, с детства знакомый Святителю, и тоже виденная им триумфальная арка, рожденная в сотом году по рождестве Христове при деятельном Траяне, при котором Эпиктет проповедовал добродетель без воскресения, Тацит писал царственную историю, а Плиний основывал общественные библиотеки и Бог христиан был им странен и чужд.

Как они считались там, на греческом Олимпе и римском форуме – боги и императоры, как чертили генеалогические деревья? Город, по свидетельству Плиния, был основан Патаром – сыном уже такого привычного нам в этой земле, так коротко знакомого нам Аполлона. Значит, внуком Зевса-Юпитера. А Адриан звал себя сыном Юпитера и, видно, не смущался, что внук опережал его на столетия. Только достраивал город как свой. И Траян оглядывался на

Юпитера вполне по-родственному, и арка вон стоит как вчерашняя, и старик турок ведет через нее на длинных веревках овец пастись на соседнем пустыре, не поднимая глаз на торжественное шествие этого свидетельства бывших триумфов. И гранариум того же Адриана и той же руки, что в Андрияке, еще читается в обступающих камышах. А вот византийская церковь, в которой мы еще пели с отцом Валентином тропарь Святителю в 2000 году (и отец Валентин уверенно поставил здесь Святителя во чтеца волей его дяди епископа, хотя епископом будет дядя Никола Пинарского) уже недоступна – заросла совсем. Как скрылась в камышах и воде еще несколько лет назад ясно читаемая и открытая церковь, поставленная на месте родительского дома Святителя. Мы сумеем протиснуться к ней и по камням пойти в алтарь, почти упираясь лицом в стену апсиды, и на минуту поставим образ там, где, может быть, стояла колыбель мальчика, а теперь чуть угадывается престол храма его имени. И будет трудно сдержать острое волнение на минуту вернувшейся жизни, порвавшейся нити времени. Да и пространства тоже. Слово и не было никаких столетий, империй, войн, побед, поражений, страданий, а только вчера прошла эта прекрасная, благородная, пламенная, любящая жизнь, перечеркнутая границу между земным и небесным.

И опять видишь бедную относительность наших мер и установлений. Стоят толстые бегемотовы стены терм Веспасиана и скамьи театра и одеона, высятся, рождаясь из скалы, камни величавого патарского маяка и Траянова гранариума, а наши духом стоявшие стены вот-вот станут землей, из которой рождены. Но мир живет и держится не циклопической гордостью, которая тешит одно эстетическое чувство, а святой, теряющей стены, но не теряющей силы бедностью и любовью. И она будет сиять над этим городам, даже когда падут и последние камни величия.

А со скамей театра город, куда не видишь кустарника и камышей, еще кажется велик, и слепит под солнцем мрамором руин, и торопится напомнить, что он святилище Аполлона, что он не забыл теней Александра Македонского и Птолемея Филладельфа, который, пленившись красотой города, торопился назвать его именем своей жены Арсиной. Любили императоры дарить чужое своим возлюбленным. Этот подносит город. Антоний дарит своей, как с веселым хохотом открыли недавно археологи, беззубой Клеопатре Пергамскую библиотеку. Роскошна и страшна в пороке и тлении (даже при благородстве побуждений) была эта сверкающая жизнь, собиравшаяся быть вечной. Тем чудеснее, что в этом мире, где, как говорили умные родители Николая, «живя среди смолы, нельзя было не запачкаться», вырос этот святой мальчик, юноша без пятна, пресвитер, спасающий от почти неизбежного здесь бесчестия трех дочерей обнищавшего старика, за что мир отблагодарил его репутацией Санта Клауса, переведя в сказку, чтобы не учиться у него главному – подвигу самоотречения и любви. Но во всяком случае, пока жива матушка Русь, город будет стоять не Дедушкой Морозом, а Святителем, о чем, слава Богу, уже думает здешний мухтар, готовя городское сознание к патарскому возвращению своего бессмертного земляка.

Крест и полумесяц

В Каше, древнем Антифеллосе, наша церковь ушла под мечеть, еще сохраняя план. Так что, несмотря на минарет, перемену окон и купола ее еще вполне можно узнать и, перекрестившись, поклониться ее прежней жизни. Как некогда кланялись мы такой мечети в Дидиме, где эта малая церковь, не страшась, вставала рядом с храмом Аполлона такого размаха, что хоть глаза закрывай, чтобы не задавил. Как кланялся св. Софии под крик муэдзина с ее минарета отец Сергей Булгаков. Он звал это преемство «местоблюстительством». Ладно, пусть будет так. Может быть, так церкви лучше услышат друг друга.

Говорят, при тихой погоде в Антифеллосе, если сесть в древнем театре, глядящем на греческий остров с городком Кастеллоризо на нем, можно услышать, как тамошние колокола сзывают православных к вечерне. И, значит, там слышат, как здесь муэдзин зовет к намазу. Нам очень хотелось услышать этот диалог, понять, как живет сердце, что оно слышит в этом взаимном приветии. Вопрос? Противостояние? Но вечер выпал ветреный – не слышать. А чтобы сердце не размягчалось и не обманывало себя возможностью не мешающей друг другу молитвы соседних народов, пока мы говорили об этом, вошел на рейд и встал между греческим островом и Антифеллосом серый военный корабль – такой враждебный белизне гриновского города, синеющей тишине острова и ясности вечеряющего неба. Мы договорили, и он ушел, словно только для того и вставал, чтобы мы не забывали, что между колоколом и муэдзином стоит не Бог, а сила, приглядывающая за тем, чтобы однажды они не запели вместе. Потому что тогда силе не останется в мире места, которого она так просто не отдаст.

А вечером Нихат, не слышавший нашего разговора, вдруг пересказал какой-то сериал здешнего телевидения, в котором на похожий остров одновременно приезжали имам и священник в греческий и мусульманский кварталы и служили своим общинам, не ссорясь, пока у них не выросли дети и не полюбили друг друга. И старики должны были рассказать им и друг другу о своей вере. И священник вырезал из бумаги крест, как корабль и якорь спасения, и положил его перед имамом, а тот собрал обрезки бумаги и сложил из них слово «аллах». Наш молодой мусульманский друг не вывел из своего рассказа никакой морали, ему только хотелось зачем-то рассказать это нам. И мы обняли его.

А на другой день, пока мы собирались, я успел пройти по городу, взглянуть на чудную старую ликийскую гробницу в центре города, которую обнимал двухсотлетний платан, переживший, судя по ранам, не меньше, чем гробница за тысячелетия и уже неотделимый от нее. И вдруг увидел в тимпане гробницы ясно читаемое «Благовещение» – крылатого юношу и сидящую Деву (а гробница-то третьего тысячелетия до Рождества Христова) и в который раз за все поездки понял, как надо быть осмотрительным в заключениях, в особенности о разбитых камнях, утративших контексты (а здесь таких половина). Нашел бы обломок тимпана подле других руин и чего-чего не надумал.

Конечно, помчался показывать «открытие» своим товарищам. А когда спустились к порту, Борис Иванович, глядя на не дающий ему покоя остров, спросил: а нельзя как-нибудь попасть туда, чтобы увидеть тамошние церкви – «Благовещение» разогрело в нем желание поскорее увидеть родное. И оказалось, что именно в этот день и, возможно, для какой-то группы англичан, отправляющейся туда на три часа, к которым мы тотчас и примкнули, чтобы побыть греками и православными.

И уже через час хода под неожиданно холодным от воды среди жаркого дня ветром входили в покойную, замечательно уютную бухту, которую городок обступил с какой-то венецианской любовью к диалогу воды и камня. И капитан уже спускал на мачте турецкий флаг, чтобы на три часа поднять греческий с вписанным в него крестом, который сразу откликнется кресту флага на акрополе и крестам там и там радостно сбегающих под взгляд церквей, словно и они соскучились тут и ждали православного приветия русских паломников.

Но что такое три часа? Мы метались от церкви к церкви – закрыта, закрыта, закрыта. И не сегодня, а давно и непоправимо. Оказалось, что после войны уставший от бомбежек, тесноты и опасности город снялся и тоже перебрался поближе к родному континенту. А тут из двух десятков тысяч населения осталось семей триста, которые и берегут этот, наверное, только на лето съезжающийся нарядный город, удивительно отличный от своего турецкого соседа (всего-то расстояния километра три-четыре) каждым камнем, архитектурой, ритмом, воздухом и речью. Хотя, как мы потом увидим в музее, остров тоже принадлежал Ликии.

Жители рыбачат, ловят крабов, торгуют с частыми турецкими или редкими, как сейчас, английскими и русскими туристами. И, слава Богу, церкви, наконец, с именами – Константина и Елены (с их образом над входом, хотя тут давно какое-то представительство), св. Пантелеимона и, конечно, Николы. И лодки у причалов – те же «Николы» и «св. Георгии». И на главном храме Девы Марии на набережной с тайной провинциальной оглядкой в архитектуре на венецианского св. Марка – византийский флаг рядом с греческим напоминает о былом величии: грозные орлы по золоту поля, убедившиеся, что смотреть в разные стороны – значит однажды потерять единое тело. Собор тоже необратимо закрыт, и уже отчаявшись увидеть островок живой веры, мы натолкнулись в тесной, сбегавшей к набережной улочке, малую не часовню даже, а бедный, хоть и просторный киот на каменном «аналоге», за стеклом которого горели две лампы и стояли с уличной простотой без всякого порядка, словно на минуту остановившись в нечаянной встрече Спаситель и Дева Мария, Федор Тирон и св. Пантелеимон, св. Екатерина и Иоанн Предтеча. И бедно писанные, и печатные. И было в этом киоте что-то старинно родное, деревенское, забытое, из поры, когда православие было «незаметно», ибо естественно и повседневно.

Мы поставили Николу на минуту побыть в доме родной веры после стольких скитаний по печальным местам забвения и помолились с ним о милой Греции, о нашем далеком доме, о себе самих, чтобы

Господь вразумил нас, о его Патаре и Мирах, чтобы они были памятьливее. И о том, чтобы военные корабли не вставали между мечетью и храмом и между сердцем и сердцем. И насилу успели на свой корабль, где капитан уже готовил к подъему турецкий флаг, а англичане весело попивали греческое вино и с вожделием поглядывали на купленную здесь свинину (найди-ка ее в Турции), предчувствуя, как они управятся с ней по возвращении в Антифеллос. Все-таки все мы немного дети...

Мы еще успеем в этот день в не раз навещающую прежде Симену (бывший Теймиусос), где мы когда-то «прели о вере» и отшатывались от Ренана с бывшим болгарским коммунистом высшего эшелона, а теперь протестантским пастором Илией, чью неграмотную бабушку Пену во сне научил читать Господь, и она с той поры не расставалась с Писанием. Прошлый раз мы только и видели здесь крепость на горе и затонувшую Кекову – город ушедший с землетрясением в море (по гневному слову отца Валентина – за исповедание язычества). А теперь вдруг совсем рядом с причалом, где мы высаживались тогда, в первый раз отправляясь в Патару, – родная христианская церковь. Она явилась неожиданно, когда тот же мэр, что убирал в Мирах нашего Святителя, снес здесь какой-то незаконный отель. И она вышла на свет с чудом таившихся в саду апсиды и алтаря, с уже едва проступающими камнями стен и сразу переменяла мир вокруг. Ее хотелось тотчас обласкать, очистить от земли, утвердить, не дать скрыться снова. И мы под взглядом Святителя возились на этом нечаянном субботнике и ликовали, словно открыли эту церковь сами. И только тут я как-то разом вдруг увидел весь ряд этих алтарных апсид, которые открывались нам день за днем на острове св. Николая, в Летооне и Ксантосе, Пинаре и Патаре, и вот теперь в Симене, словно они ждали какой-то догадки. Стены уходили, а они держались. Падали колонны, купола, своды, а апсиды, алтари и горние места восставали и восставали из обвалов, из терновника, песков и камышей, чтобы память могла скорее узнать их, не спутать в руинах с палестрами и гимназиями, банями и языческими святилищами. Словно их держала высокая сила звучавшей здесь молитвы, память бескровной жертвы, немолчный хор незримой Литургии. Время набрасывалось на них во всеоружии истории и беспамятства, но словно ангел с «мечом обращающимся» в последнюю минуту закрывал апсиду, ослепляя разрушителей. Значит, когда мы слабели и изменяли делу веры, молитва предшественников держала их до поры, когда мы вспомним себя и опять пойдем дорогой отцов, которая всегда вперед.

К ночи, когда уже проступили неожиданно стоящая на ручке Большая Медведица и чуть не в центре небосвода пылающий «Орион и все украшение небесное», которые славил пророк Исайя и с «лишними», не видными у нас звездами, мы были в Мирах.

В соседстве небес

А утром в горы. Дорога идет вдоль долины пересохшего Мироса – белой галечной реки с редкими озерами воды. Солнце сверкает в них, как в зер-

калах, а потом бросает их осколки, чтобы разлиться в океане теплиц, которые сверху так естественно переходят в жемчужный свет моря, что теряешь границу. И все чаще заставляют радостно вздохнуть розовые облака цветущих персиков и белые – абрикосов. Села так покойны, как может быть покойна только правильная, своим порядком идущая жизнь, не знающая произвола государства, а только закон земли, указания времен года и установления утра и вечера. В некоторых из них по случаю воскресения – ярмарки, и горят апельсины, алеют помидоры, блеют овцы, орут петухи, мычат коровы. Мы смотрим на это с завистливой тоской, вспоминая нашу несчастную деревню, и стараемся проехать быстрее.

Горы обступают теснее. Просвеченные солнцем рощи пиний остаются внизу и все чаще сходятся к дороге «дубравы», которые я принужден взять в кавычки, потому что у нас это мощь, простор, свет и воля, а здесь жестокая теснота, тонкие истерзанные камнем стволы, мелкие острые листья, шипы во все стороны. И только желуди были бы похожи, когда бы и они не носили толстых мохнатых шляпок. Села редеют и как будто сквозят – все труднее отнимать у камня землю. Но вон в селе Белорен опять апсида, опять одна от поверженного храма, прекрасный серый парус, наполненный солнцем и ветром. Мы со Святителем бежим к нему через поле, через собирающиеся к стенам прекрасные камни и останавливаемся под сводом, потрясенные безупречной чистотой формы этого полого каменного яйца с поясом каменной резьбы на переходе стены к конхе. Пояс совершенен и цел, не поврежден ни в одном звене, словно надет вчера. Мы уже избалованы здесь резьбой и знаем, как может быть послушен древним мастерам камень, но этот и на высоком фоне первый – летучее кружево тоньше нитяных чудес наших бабушек. Машина сигналит – чего застряли? А уйти нельзя. Почему-то думаешь, что и молитва здесь была той же строгой чистоты и ясности, и пытаешься расслышать ее и в самом поясе, и в камне поверженных стен, хранящих след того же резца и в обломке капители, охваченной и поглощенной деревом, как Иона китом. Пасутся на святых камнях мулы, как на поле покоя. Минаретик торчит карандашиком на другом конце села. Некому собрать камни, еще не использованные в оградах садов и колодцев, и хоть очертить несдающийся храм под прекрасным парусом – человечество все не хочет услышать, что оно – семья, дети одного Бога.

А дорога выше, выше, уже и вершины рядом, воздух остро свежее, натягивает холодом, молодые облака и птицы внизу. Теперь надо только пешком, сначала по дороге, натопанной мулами и пастухами, а там все тесней, уже, где одни козы, а там и все по голому камню в редких кустах, пока там, где ты, кажется, касаешься головой неба вырастает из камней Сионский монастырь, построенный дядей Николая Пинарского – тоже Николаем.

Бывают мгновения, когда ты не знаешь, как реагировать. Задохнешься и ждешь, пока смятение пройдет, и ты вздохнешь или кинешься к кому-то (хорошо чтобы в такое мгновение этот кто-то был рядом), чтобы тебе разделить это смятение и восторг, потому что один ты его не выдержишь. Так вот, значит, что такое Сион в его последнем мета-

физическом значении – этот небесный Иерусалим, куда устремляется всякая христианская душа! Вот какие храмы проводят тебя туда, где «ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная!» Здесь небо так близко, что привстань на цыпочки и коснешься его и поймешь ликование панихиды, которое так умели передавать старые казачьи церковные хоры, когда не гроб сходил в землю, а летела в небо, опережая птиц, душа в радостном предчувствии встречи со Спасителем мира. Это и влекло строителя в такую высь, это и помогало архитектору и рабочим вынуть это чудо из серой скалы и протянуть Богу в торжественной красоте апсид и музыки окон, в шелковой легкости словно и не высекаемых а самим камнем рожденных как морозный узор на стекле «наличников» и «подзоров», в опоясанных крестами гробницах, которые и извлечены из скалы, и оставлены в ней, отдавая человека Богу и оставляя земле.

Землетрясения и время повергли врата и стены, жертвенники и баптистерии, купола и кресты, но ничего не смогли сделать с красотой, которая и в руине, и в малом обломке так же полна, как в целом храме, как оставшееся от Литургии одно «Господи, помилуй!», которое в живом искреннем сердце всеильно и спасительно, как весь свод служб. Вот где учился мастер из села Белорен или сам тут и работал, потому что узоры резьбы там и там можно «связать» без усилия и никто не найдет «шва». Наверно, эти стены никогда не белили, не одевали фресками, потому что они ненаглядны и так, эта каменная молитва достигает тебя без поддерживающей красоты.

Помните, Григорий Богослов, слагая стихи, говорил, что немощной душе иногда необходимы подпорки красоты? Но когда она возрастет в должную меру, эти подпорки можно будет вынуть. Здесь они вынуты. Здесь молится сам камень. Тяжкий и легкий, грузный и невесомый, властно имперский и смиренно христианский. И в который раз на этой земле дивисься, как они восходили сюда полтора тысячелетия назад в соседство небес, без дорог, оставляя внизу орлов, отшельники, складывающие эти каменные акафисты, отнятые у скал каноны и гимны (даже не отнятые, а отданные самим скалами, как их собственное слово в общей молитве). Зачем апостолы и святители уходили из благословенных долин и какими чудесами техники воздвигали это славословие небу?

Они были римляне и греки в чувстве красоты. И они были дети Христовы в послушании и отвержении мира. Оказывается, такие сочетания в поздний час Рима и молодые дни Византии были возможны. Мы видели в Анталийском музее клад здешнего монастыря – тарели, потиры и диски, которые, если бы даже и не знать, что они из Сиона, сами сказали бы свой «адрес» – так они царственно просты и вместе так мощны, так «железны», что и сама жертва на них должна быть солдатски тверда и пряма, как перед военным походом. Да это и был ежедневный поход. Один из исследователей упомянутого мною «Хождения», в котором Святитель успевает в Армению и Египет, Рим и Антиохию, так передает повседневную жизнь в Сионе, круг монастырских обязанностей: «исцеление бесноватых, борьба с искушениями и завистью братии, видение ангела,

чудесное умножение хлебов и так далее». Мне нравится это «и так далее» в рассуждении светского ума о необыкновенной жизни, где все единственно, где нет времени и, следовательно, нет «и так далее».

Среди этой строгой и властной красоты в соседстве с небом лучше понимаешь, откуда брался пламень Святителя Николая Мирликийского, который приходил сюда, чтобы собирать силы для новых трудов и еще более твердого стояния за веру. И вернее слышишь сердце Святителя Николая Пинарского, ставшего по смерти дяди настоятелем этого монастыря, который принимал здесь своего товарища через два столетия, когда усталость от человеческих грехов, искушение славой, заставлявшей уходить из мира, чтобы не давать людям «отделяться» от святых и их требовательной жизни воздаянием им почестей, сводила их здесь в согласии и молитве. И они, верно, не могли наслушаться друг друга и наговориться, как Сергей Радонежский и Стефан Пермский, слышавшие друг друга сердцем, даже когда были разделены снегами и верстами. Наши преподобные были сверстники по времени, а эти – по любви и бессмертию, и расстояния и века были им не помеха. И камни в их неустанном строительстве были послушны им как дети, потому что они оба строили не стены, а человеческое сердце, молитву и Слово, которое было вначале и которое помогало им отменить земное притяжение и время. И, расставаясь с монастырем, я вспоминаю в такой же час вырвавшееся у Марселя Пруста восклицание: «Любите то, что нигде не встретите дважды!» и так и ухожу, спускаюсь с горы к дороге, с головой, повернутой назад, любя и прощаясь.

Пора было ехать, потому что непременно хотелось осмотреть всю митрополию Святителя. Теперь мы спускались вниз. Дорога каждый метр ломалась пополам, так что из окна машины, кажется, можешь увидеть свой багажник за поворотом. А жара, а солнце, а облака абрикосов, а ослики по дворам, а сияние неба и снега! Так и тянет сказать «горячим, солнечным, летним февральским днем» и не найти в этой противоречия. Под эту вертящуюся на языке фразу, пару раз спросив дорогу, мы и въехали по уже тесной, грязной, совершенно нашей разбитой деревенской улице в крошечное село Дергинлер и уткнулись в руины огромной, прямо столичной церкви с окликом Константинопольской Софии, за рухнувшей апсидой которой горят снега вершин и блестит пересохший Мирос. Нет апсиды, но зато подпружные арки летят на высоте птиц, ротонды часовен подхватывают ритм арок, колоннады паперти чеканят строевой шаг. Все выдает руку редкую, высокую, столичную, не без явного честолюбия, потому что для кого была выставлена эта «одна к радости», этот «гром победы», если вокруг ни тени города. Значит, так уже было сильно христианство и так велика его воля к жизни, что оно и в поле не роняло своей царственности, или город умудрился уйти бесследно, уполномочив церковь напоминать о своем прошлом размахе.

Дети на краю села – такие «маковские» (из наших передвижников), такие крестьянски «всеобщие», как все деревенские дети мира, жадно глядят на нас, на другой, редко заглядывающий сюда мир, стыдясь, краснея и все-таки не умея оторвать глаз.

И нам остается только снимать и снимать их с умилением и близкими слезами и вспоминать своих до самой античной Арикадны, которая встречала нас раскопками, неизменным театром, гимнасием, византийским храмом (опять крошечным, как в Сардах, словно только-только разрешенным малой общине и еще не верящим в эту разрешенность). Он успел пасть при землетрясении в IV-м веке и воскреснуть в V-м – уже побольше, так что (спасибо археологии) по остаткам того и этого видно, как возросла община, всегда умножающаяся после столкновения с мощью природы и беспомощностью человека.

А в имперском некрополе, где опять кричат о себе префекты, преторы и магистры царских щедрот повсеместных здесь Траяна и Адриана на одной из гробниц твердо и уверенно бесстрашным острием начертано IC XC NIKA. Какие усыпальницы не воздвигай, а победит не камень в полмира, а вот это начертанное на стене IC XC NIKA – горькое и грозное напоминание Траяну о том, как вспыхнула эта анаграмма на окровавленном сердце разорванного зверями Игнатия Богоносца, чтобы уже не погаснуть в мире.

Раскопан тут и сам город – тесный, толкучий, с улицами в метр шириной. Таков верно и был, как это видно и по жилым кварталам Эфеса и Пергама, – отдавал все театрам и термам, Юпитерам, Митрам, Сераписам и Изидам, своим Августам и Домицианам, гордости своей имперской, а себе оставлял муравейник, считая это естественным и при нужде уступая державному требованию и свой последний метр.

И опять горы – не описать. И села! И небо! Счастье не кричит о себе и не сознает себя таковым, но со стороны ты видишь только его – простое чудо повседневной жизни, где все на месте, где нет «сквозняков» и «ветров перемен», где все стоит как сто лет назад и человек знает свое место в мире, и что на его место никто не посягнет: живи, работай, радуйся плодам своих трудов, своему Богу.

Я уже знаю, что не запомню, не остановлю, и все-таки впиваюсь глазами в каждый поворот и каждый провожаю с печалью – мы не увидимся. И как-то особенно больно гляжу на милые детские лица, которых как гальки на берегу, на взрослых и старых людей, которые как будто все на улице и у всех все хорошо. И оттого их так тянет посидеть с другими счастливыми людьми и поговорить ни о чем, какой разговор всегда слаще всяких осмысленностей и тонкостей, потому что он и есть счастье, ибо «не виден» и «не слышен», как мы не видим солнца, неба, полдня, моря и мира. И была еще после Арикадны Лимира с тенью Перикла, который, говорят, лежит здесь, с театром, который родня театру в Мирах, потому что ставлен после землетрясения в одно время и на деньги одного состоятельного человека по имени Опрамоас. И с водой, которая протачивает город и заливает нашу церковь, так что только чуть поднимаются над водой остаток апсиды и синхронно, становясь запрудой, которую вода легко и весело обегает, не видя преграды. Только пол каменный отмыт, чист и почти радуется воде. Святителя и поставить негде. Стоим на камне притвора и мысли невеселы. Как недавно думалось, что по уходе

«словесного стада» на его место приходят обычные стада и занимают под овечьи загоны руины храмов, как в Гераклее, Диокесарии, как в только оставленном храме в Дергинлере, так по уходе живой воды веры, вступает во владение храмом простая река и ждет, когда мы поймем ее урок – и начнем сначала. А там и любимая Финикия, которая так потрясла в первую поездку и первой напомнила печального Грина с лесом мачт, розовеющими горами, садящимся солнцем. И опять головокружительная (ни минуя прямой) дорога в Миры – под восходящим месяцем, аистами из Михайловского в деревнях, утками из Псковского озера в заливах – домой, домой (как уже без улыбки зовешь) в Миры!

Имя на каждый час

А утром мы прощаемся со Святителем. Не поднимая на Санта Клауса глаз, минуем площадь, – лавки с Николами уже открыты, солнце обходит их одну за другой, одевая светом лик за ликом. «Никола – имя знаменито, победе тезоименито, побеждает агаряны, утешает христиань». Бог даст и «агарян» будет утешать, коли подольше тут постоит. И мы в таком трудном диалоге церковью поймем мудрость русской поговорки: «Лучше брани – Никола с нами». Подлинно лучше, а уж он-то, в отличие от нас, неразумных, нас не оставит.

Заемжем в театр, в котором, верно, Святитель и не был ни разу. Зная еще по Патаре, какие там разыгрываются мистерии, сколько в них плоти и похоти, раз и не самый целомудренный римский закон уравнивал профессию актрисы и блудницы. Отчего бедная жена Юстиниана Великого Феодора, начинавшая с этой профессии, потом долго изгоняла этот факт своей биографии из народной памяти, предпочитая зваться дочерью «смотрителя медведей из партии зеленых» (сегодня это звучит так актуально, что царицу можно было сделать покровительницей «Гринписа»). И Юстиниану потребны были «кротость Давида, терпение Моисея и благодать ангелов», чтобы не видеть народных улыбок при их появлении в царской ложе ипподрома.

И нам уже никогда не почувствовать себя в этих театрах светло и спокойно. И они никогда уже не будут соразмерны нашему сердцу. И не только из-за угрожающего величия (а величие всегда кому-то угрожает), а потому что до всех пышностей, до всей плоти, до всех имитаций морских побед, которые тоже представлялись в театрах, возжигая в римлянах веру в бессмертие империи, мы прежде всего будем вспоминать в них мучеников веры. Вот и тут, в месте менее кровавом, чем театры Рима, Пергама и Эфеса, мы тоже сразу вспомним, что в похвальном слове Святителю Николаю Андрей, Пастырь Критский, чей Канон наша Церковь читает Великим постом («Откуда начну плакати окаянного моего жития недостойный»), уподобил Святителя Николая здешним мученикам Крискенту и Диоскору.

Мы помним, что Святитель был заточен и жестоко пытан при Диоклетиане в тот час, когда на другом конце страны, в Никомидии, обезглавливали стратига Зинова, сжигали, засыпали землей, бросали в море Дорофея, Петра, Феофила, ввергали в расплавное олово Ермолая и отсекали голову дру-

гому любимому русским народом мученику Пантелеимону. А здесь предшественником Святителя на царском пути страданий были Крискент, замученный при Валериане, и истерзанные в этом театре при Декии Дискорид и Фемистокл. Они не поклонились лжи, как до них не поклонились ей Игнатий Богоносец, Поликарп Смирнский и сотни других срастотерпцев. Их хотели вернуть к поклонению Юпитерам и Аполлонам, Серапионам и Митрам, Озирисам и Изидам, которых Рим дипломатически включал в свой Пантеон для покоя и блага империи, расчетливо отождествляя Митру с Аполлоном, а Изиду с Герой, Деметрой и Кибелой, чтобы не уязвлять сердца сограждан, а на деле, не ведая того, готовя почву равнодушия к этим теряющим лицо «богам».

И, может быть, еще и поэтому в праведном гневе, когда придет час силы, Святитель повалит в Мирах славный своей красотой во всей Ликии храм – «кумирницу Артемиды», – как пишет «Житие», – «сладкое жилище бесов, превелико украшенную». А его последователи – такие же «превелико украшенные» храмы по другим землям, так что уже к 391 году, по свидетельству Моммзена, будут закрыты все языческие храмы. Христиане видели на их царственных колоннах и на нежных мраморах статуи кровь своих учителей и забывали о красоте. Мы глядим на косо поваленные колонны за сценой театра и вспоминаем, как низвергается под рукой Святителя на клеймах русских икон, так же роняя колонны, здешняя Артемиды. И потом уже во всякой кричащей маске на фризах театра и на собираемых и нумеруемых камнях за театром слышим крик Артемиды, но уже не страдаем театральному, не оплаченному страданием крику. (Я слышу противоречие своей мысли о детстве язычества, но не зачеркиваю ее, потому что душа живет разумом и может в разный час испытывать противоречивые чувства.)

Последний раз я прихожу в храм Святителя с его образом, обхожу все приделы, кланяюсь престолу и опять не могу уйти. Теперь, когда мы прошли и малые храмы, и большие монастыри митрополии Святителя, оглянулись на разные часы его служения и жизни, мы увидели, как от деяния к деянию, от храма к храму, он как благодатные цветы собирает имена, которыми патриарх Исидор, составивший Акафист Святителю, не сам, не своей волей называет Николая Чудотворца, а подслушивает их из разных уст, разных времен и у разных народов, и, записывая, чувствует неисчерпаемость этой великой жизни, которая и после смерти – жизнь, едва ли не более богатая чудесами. И тоже не может остановиться. И мы сейчас так же любяще, с чувством разделенной в дороге страдающей мысли и молитвы, складываем этот цветник народных определений к престолу его храма и слышим их полно и ясно, словно они говорятся сегодня впервые: «свете златозарный и непорочный, избавление от печали, стена и заступление, озарение трисолнечного света, богатство нетленное, правовеяние проповедник, громе, устрашающий соблазняющие». Как будто мы видели его за эти дни в разные часы, и каждое определение для каждого часа находим сами. Затягиваются землей и терновником его храмы, обступаются водой и камышом места проповеди, умирает зерно,

но восходит и восходит по Руси и, значит, Мирликийская кафедра все стоит, поминаемая нами за каждой Литургией, все вершит свою строительную работу. И Святитель нам все «стена и заступление», все «денница незаходимого солнца», все «рода христианского возвышение». И молитва его всесильна.

Отпуст

Мы оставляли Ликию с любовью и печалью. Пока в туристических заботах она, торопясь, воскрешает безопасное язычество. Мир и сам ищет язычества, безглазой мраморной красоты, на которую можно смотреть со снисходительной улыбкой, как на игры детей и не думать об ответственности, налагаемой христианством. Но я слышу несколько раз в день призыв к намазу, пока мы весело перекликаемся со ступеней амфитеатров Аспендоса и Иераполиса, купаемся над развалинами Кековы и снимаемся на фоне гробниц Пинары или храма Богини Лето, и вижу, что дух беспечности писан здесь не для всех. Хотелось, чтобы мы скорее услышали это и увидели свои храмы, все пока поднятые паруса апсид и все плывущие в небеса, хотя и чуть читающиеся алтари, чьи горние места расходятся как волны и не торопятся умереть окончательно, утешившись прорастанием в другой стране. Они все напоминают, что они наши предки, родители нашего воскресения и все – храмы, в своих камнях обращающие к нам послание, прочитав которое мы станем взрослее и мужественнее. И, кажется, надеются, что веселье русские голоса зазвучат здесь не только в отелях и на пляжах, а что хоть день русские туристы (теперь все с крестами на груди) отдадут своим храмам, освободив их из плена наступающего забвения и на минуту вспомнив, какая великая и поучительная даль стоит за нашей церковью, которая и здесь, в этих руинах – все наша, как и дожидаящийся нас на этих камнях, вложивший в них свою милосердную душу Святитель.

...Миры долго не отпускали нас, открываясь за каждым поворотом только все дальше, дальше. Так же тянулась вдоль шоссе пониже над морем тропа, которую хотелось считать древней и видеть на ней апостола Павла, его друга и спутника Варнаву с молодым племянником Марком, который подарит нам первой Евангелие, и, конечно, Святителя Николая – вечных и неутомимых, как это море и все не оставляющих своей дороги и спасительного труда. А мы вот отчетливо устали и были рады, что скоро домой. Но раз уж ехали мимо Олимposa, как было не заглянуть. Тем более, что по дороге был еще пропущенный нами прежде Адрасан – городок, давно разжалованный в село над прекрасной бухтой, где, бывало, озоровали измучившие эту страну пираты. И на высоченной горе высилась над селом старая крепость, видно, как раз от этого беспокойного народа. Мы уже по привычке не можем не вскарабкаться туда сначала террасами крестьянских полей, а там опять козьими тропами и как попало.

Зато вознаграждены и здесь глядящей на дальнюю бухту апсидой христианской церкви. Крепость уже вся одни камни, почти уж и плана не прочитаешь из-за вечного движения этой все никак не могущей улететь земли. А она вот, матушка, стоит,

глядит алтарным окном на нежное море – духовная твердыня оказавшаяся покрепче военной, потому что всеисильные над плотью землетрясения как-то назидательно бессильны перед духом. Святитель не поднимается с нами – это уже кафедра другого епископа.

И в Олимпосе, где воздух как мед, где вода зелена от соли, где века недвижны, как мощи героев и императоров (Адриан почтил этого город во время своего царствования именем Адрианополя), мы в соседстве с самым бедным и уже вот-вот обреченным театром натываемся в лавровой тайге (иначе не назовешь – так непроходим благоуханный лес лавра, переломанный недавней бурей) на прежде неизвестный нам дом епископа с домашней церковью. И в развалинах он чист пропорциями и празднично яркок мозаиками полов, где греческие меандры мешаются с египетскими свастиками и византийскими пеликанами. Верно, ставлен в пору уже торжествующей церкви, когда по слову блаженного Иеронима, за место епископов бились до кулаков. Так что здешний насельник уже поди и не помнил или старался забыть своего предшественника – епископа Олимпийского Мефодия, который кончил мучеником при Максимиане, когда звание епископа не то, что не защищало, а сулило последнюю бедность и подвергало смертельной опасности.

Мы поклонимся этому мученику в его храме, там, где заточенная Беллерофонтом Химера все напоминает о себе нестрашными, вполне домашними огнями. Этот храм еще доживает свой век среди языческих огней и, может быть, в не читаемых уже остатках фресок еще хранит житие мученика, потому что единственное, что еще можно различить – это крестчатые ризы епископа, усвоенные и нашему Святителю Николаю. Последний раз в уже почти полной тьме, когда образ освещается только огнями Химеры, я, как умею, пою тропарь Святителю, не страшась подставить множественное число и объединить Мефодия и Николая, потому что оба они были высоки только смирением, а богаты – бедностью. И вот светят миру, когда от тех, дравшихся за место епископа на кулаках, не осталось и следа.

Ликия окончательно остается позади и теперь уже будет приходить только в снах да всякий раз тонко задевать сердце на отпусе Литургии при поминании Святителя Николая – такая теперь навсегда родная и таинственно русская.

Мир и меч

А уж напоследок, для отдыха – в которой руке? предлагает Борис Иванович: уже виденный, любимый Клеопатрой Сиде – юг, море, счастье, храмы Афины, Аполлона, Тихе, или неведомый Сагалассос – горы, холод, снега, неизвестность. Хотя мог бы и не спрашивать – русское сердце всегда выбирает, где коня потерять или голову сложить. И мы за Ликией оставляем Памфилию и Писидию и едем в Ликаонию. И все дальше и выше забираемся в уже наши климатом и снегами горы, где снег языками стекает на дорогу и уже надо красться по самому обрыву, чтобы не испытывать Тихе (богиню Судьбы), въезжая его ненадежность. И уж когда приезжаем в Сагалассос, привычный холод прохватывает насквозь, но жалеть уже поздно.

Ни души, одна собака долго и лениво лает на нас, пока из дома зрителя неохотно выбирается человек, чтобы известить нас о выходном. Но нас уже этим не возьмешь. Какие выходные в городах, рассыпанных по голым, заснеженным скалам? И он сдастся и даже открывает нам недавно раскопанную бельгийцами, которые «арендовали» этот город, здание библиотеки, с которого мы и начинаем, чтобы отпустить доброго человека в тепло. На месте библиотеки в Пергаме давно свистит ветер в оливах, да несколько колонн напоминают, каковы были эти хранилища еще не книг – папирусов, свитков, пергаментов, хранивших до времени, пока библиотека не вспыхнет в Александрии, историю и мысль молодых веков. Здесь зал невелик, но прекрасен – в неизменных мозаичных полах с отдельным «ковром» в центре, в стройной шеренге ниш на лицевой стороне, над которыми в однообразной торжественности выставлены имена «спонсоров» библиотеки, чьи бюсты, очевидно, и стояли в нишах, безглазо внимательные, как все античные бюсты, приглядывая за теми, кто зачитывается сверх меры.

Как бы мы были мудры и богаты, если бы сохранили не одни стены, а то, что стократ дороже их, – слово, которое жило здесь в беге букв, перемежающемся заставками киновари, чтобы чтение было не только познанием, а и праздником, потому что знание, особенно знание прошлого – это всегда праздник, ибо оно делает человека богаче и увереннее на дорогах мира.

А потом мы уже только бежали, подстегиваемые холодом – к дворцам Адриана и Антония Пия, последних императоров, державших себя в отношении христианства высокомерно и равнодушно, ибо они еще сами были «боги», и мир лобызал их сандалиии, не оставляя времени предположить, что есть сила, перед которой их власть не дольше и не больше, чем звук от удара пастушеского кнута. А потом к храму Артемиды, который и здесь скоро станет христианской церковью, и оба потеряют границы, так что их сейчас «не разнимешь». К булеветерию с эхом заседаний местного сената, где префекты и азиархи клялись «Спасителем Зевсом, Цезарем Августом и нашей Святою Владычицей» (Бог весть, кого они так именовали – императрицу?). А там и к неизменно циклопическим термам, где в роскошных фригидариях, пропнигиях и гипокаустах эти заседания продолжались, прерываемые иногда ножами заговорщиков и топотом центурионов. И уже устав, спешили к Героону, по периметру которого шел хоровод муз в легком танце, где каждая хватывалась за конец шали предшественницы и две или три еще глядели на мир потерянными глазами, страшась непривычных снегов, холода и утраченных лиц товарок. Легко было предположить, как им страшно ночами и как во тьме они кутаются в эти шали, чтобы успеть развернуть и подхватить их по утрам к появлению первого посетителя.

Нимфеум глядел на пустую агору высокими арками в раковинах сводов и тосковал по статуям, которые в этих арках встречали человека, подчеркивая белизной голубизну порфировых колонн. Эти порфиры перекликаются с колоннами греческого источника, предтечи византийских агиасм. Он бежит здесь из своей доновой эры, напоминая, что

время придумано человеком и властно только над ним, не касаясь вод, небес, гор и вот таких источников, которые всегда текут сегодня. И только напоследок мы поднялись в театр, на котором опять расписалось землетрясение. И он так неожиданно для нас, видевших за эти дни не по одному театру в день, оказался засыпан снегом и не знал, как носить его на себе и потому казался ненастоящим.

Облака кралась к нам с соседней вершины серым туманом, стекали тусклым вечером, заливая уступ за уступом и грозя вот-вот занять преждевременными сумерками ряды театра, а там и сам город. Пора было бежать вниз, где длился еще не поздний день. Тем более, что там, внизу, нас ждали мраморные жители Сагалассоса, сбежавшие от холода под заменяющие им солнце музейные лампы и жадные человеческие взгляды, по которым они стосковались в своих земляных могилах, за столетия почти потеряв веру в археологическое воскрешение. И как же этот музей, построенный по всем новейшим технологиям, собравший сокровища двух небольших городов Сагалассоса и соседней Кремны – оказался богат! Он выслал во двор, как нищих на паперть одноногих Гермесов и обезглавленных Нимф и Нереид, царственно ленивых львов, которые разошлись по Риму и Византии, став у входов дворцов и стадионов, взойдя на колонны и триумфальные арки, колеблясь на тяжелых знаменах и обнажая клыки на фибулах плащей и рукоятках мечей. Он отправил в соседство к ним погребальные урны, развеявшие пепел «обитателей», и баптистерии, чью крещальную купель охраняли те же львы с их тяжелыми лапами. Это было не жалко оставить под дождем и солнцем. Потому что надо было сохранить место для богов и героев, для мраморной антологии греческой славы, для «выездного» Олимпа.

Одних львиноголовых Зевсов здесь было девять человек, хотя и один составил бы славу любому музею. Девять с пятачок земли в квадратный километр! Сколько же их населяло Грецию и Римскую империю! Подлинно – народ, который мог составить независимое мраморное государство, в котором было бы кому править и кому поклоняться, кому воевать и кому работать, на кого охотиться и кого пасти и даже что возделывать и чему цвести.

Я гляжу здесь на мраморную Геру в ее покойной власти и понимаю бедную Лето, которая и здесь бежит от нее. И по оставшемуся летучему торсу и стремительному движению вспоминаю как раз перед поездкой виденный римский вариант, где она в том же движении и с тем же полетом складок уносит в руках маленьких Аполлона и Артемиду. А оттого, что здесь слепков не держат, а все оригиналы, нетрудно заключить, что и мраморные боги выходили из мастерских древних скульпторов, как у нас в семнадцатом веке иконы из иконных мастерских. Кузьмы и Демьяны, Николы и Георгии десятками крепкой руки, хорошей школы и одного канона, чтобы заказчик мог купить в точности то, что высмотрел у соседа. Вот и здесь рука могла быть похуже или лучше, а Аполлон все натягивал лук, Орфей возлагал руку на лиру, а Лето все бежала, спасая детей.

Тут бы и заключить, что значит не счастье было ремесленников и копиистов. А вот отчего-то не заключается. Во всяком случае, по этому музею. Так

они все прекрасны и единственны. А тут одних Дионисов и Сатиров три пары, Немезиды две, два Асклепия. И всякий похож да неповторим. И, конечно, Афины, Афродиты, Кибелы. И в каждой так пленявшие Джона Рескина в античной скульптуре «нежность и правда». Они вспыхивают перед тобой под автоматическим освещением в сиянии наготы или легчайшей тяжести складок – каждая в этом театре света на мгновение единственна и каждая эту единственность явственно сознает, поднимая на тебя глаза или опуская их, гордясь или смущаясь. И ты уйдешь к римским надгробиям с возлежащими уже на брачном пире смерти супругами или к гладиаторским фризам, где слышны лязг мечей, тяжелое дыхание боя, треск переломленных копьев, вязкая возня закованных в совершенно инопланетные по нашим ассоциациям доспехи (найди где-нибудь у ацтеков и тотчас определишь в обитатели «тарелок»). А потом все-таки бросишь их и опять к Аполлонам и Гераклам, Артемидам и Тихе, будто все хочешь что-то отгадать, получше понять что-то так и не дающее покоя.

Опять думаешь, как горело Слово в Святителе, когда он уничтожал эту вызывающую смятение красоту. Может быть, они, тогдашние воины Христовы (но ведь, опять повторю, и греки и римляне окружением и традицией) истребляли эту красоту не в мире только, а и в себе самих, потому что она обнаруживала свою тщету, уже останавливала жизнь, висела гирей на рвущейся в небо жизни. Мы слишком легко «понимаем» и «прощаем» из высокомерия всего насмотревшейся цивилизации то, что не нуждается в нашем «прощении», что просто лежит в другой плоскости. Эстетическое в нас потеснило религиозное, «чистая» красота отодвинула душу.

Мы все немного Фрадики Мендеша из писем великого нобелевского португальца Эсы де Кейроша, который в конце XIX века, ругая трассировщиков железной дороги от Яффы до Иерусалима, элегически вздыхал, что паровозное чудовище победит, потому что полетит со скоростью 30 километров в час по Саронской долине, где «никогда не увядали анемоны и розы» и где в живописной группе малого городка легко узнать молодого пророка, который идет исцелить Петрову тещу, и в победе своей погубит красоту легенды, которая две тысячи лет врачевала человечество. Вот и мы готовы про «легенду» и про «анемоны и розы». А тут все стоит вопрос о векторе нашего пути, о богах или Боге, о красоте земной или (не «и») небесной. И про «детство-то» я это хорошо – что его нельзя отменить, а только и в том «детстве» была уже и своя старость, требующая преодоления. Или, во всяком случае, ждущая прямого и неуклончивого разговора о самом главном в человеке и мире. И я уже думал, что мы простились со Святителем, а вот он все идет рядом со своими вопросами, глядит вместе со мной на своих давних в молодой красоте восставших противников и спрашивает, спрашивает: согласили ли мы в сердце небо и землю, красоту слова и красоту плоти? Сумели ли преобразить и просветить их друг другом? Поняли ли, что единство и спасение только во все вмещающем и благословляющем Слове, где «мир и меч» неслиянны и нераздельны, как Бог и человек в Троице, и согласимы только в третьем, непостижимом и невообразимом – в Святом духе.

Прощание для встречи

Я останавливаюсь перед этой мыслью со смущением, потому что больше чувствую, о чем говорю, чем могу перевести в осязательно полное слово. Мысль пока слишком связана с самими мраморами и с тем, что они явились мне на фоне руин церквей, которые при жизни, наверно, были так же прекрасны. И оглядываясь на эту и предыдущие поездки, вижу, что уроки этой земли только-только проступают и еще не умеют отвлечься от плоти породившей их земли. Ум ищет прямого названия, а душа подсказывает, что прямо названные они перестают быть уроками, потому что гордость ума мешает нам воспользоваться чужим опытом. И я опять вспоминаю мысль Григория Назианзина, что не надо ездить в Иерусалим, чтобы встретить Господа, и думаю о том, как тут все тонко и трудно. Действительно, если ехать прямо для этой встречи – лучше не надо, ты найдешь только самого себя. Но если ты едешь «просто» коснуться камней, которые помнят пророков и апостолов, пройти их дорогами, не возбуждая себя, а только ощущая босыми ногами жесткую твердость пути, увидеть свет утра, который видели их глаза, вдохнуть соль и зной воздуха, которым дышали они, то ты поймешь и узнаешь больше, чем хотел, выходя в дорогу. Не надо привозить готового знания и искать ему подтверждения – нет ничего более неплодотворного.

Только смотри, не бойся противоречия самому себе и не торопись с заключениями! И тогда откроется, что каждая земля – есть урок, если не для самой себя, то для другого народа. И каждая история (и самая древняя и далекая) происходит для тебя сегодняшнего, чтобы ты понял, что уроки ее просты и отличаются только платьем, на самом деле они все время одни и те же. Они открываются не сразу, потому что мы еще долго носим на сетчатке глаза привычный мир, но раз от разу, город от города, судьба от судьбы ты видишь если не лучше, то правильнее для твоей души, которая всегда видит лучше ума.

И опять повторяешь, как впервые, то, что знал разумом, а теперь навсегда усваиваешь сердцем – что не надо обольщаться величием. И страшно вымолвить для гордого русского слуха – не надо искать империи, потому что все империи после Христа напрасны. Они падут под ударами живой души, которой не надо лишнего, потому что она узнала идеал бедности и правды. Империи кончают руинами не от одних ошибок императоров и всадников, доместиков и нотариев, преторов копья и препозитов опочивальни, а потому, что заражены при рождении. И камни их повергаются в море, как в Мирах камни нашего «миллениума» – двойники нью-йоркских башен, потому что башни, забыв урок Вавилона, хотели достичь неба.

Здесь лучше, чем где бы то ни было, видно, то всякое окно – окно Господня мира и что сегодня оно

чаще выходит не в небо, а во двор, если не в ряды супермаркета. И потому человек садится в самолет, поднимается на палубу корабля, входит в поезд и пытается прорвать границу слепого дня, чтобы, коснувшись осыпей предшествующего исторического «двора» и «супермаркета», научиться, что поражение – лучший учитель победы. Когда видишь пустыню на месте родины своей веры, лучше понимаешь, что устоять можно, только не повторив ее соблазнов, не поверив покою и обманчивому торжеству нынешнего христианства, ибо ты успел по этим камням понять, что торжество – первый шаг к поражению.

На величие камня (и это тоже урок Византии, чьи камни заносчивее камней Рима) можно ответить только величием духа, иначе они раздавят тебя. А величие духа, как мы видели по лучшим детям этой же земли, не в пурпуре императоров, не в порфире и золоте храмов, а в том, чтобы услышать Христово «возьми крест свой и иди» и не свернуть с этой дороги. И здесь особенно наглядно подтверждено безумие и ныне настигающего соблазна механического соединения богов с благой целью всеобщего мира. И даже последнему слепцу видно, что оно приводит только к равнодушию и смерти и самих этих богов, и человека.

А в конце концов все сводится, кажется, к одному и вечному – здесь был рай, и его следы еще очевидны в камнях, и молитве, и мысли этой земли. Здесь торжествовало Господне Слово, была выкована и наименована наша вера, рождены наши Литургии, определены, явлены в иконе и слове небесные пути спасения. Но в гордости и своеволии человек неизбежно сворачивал к Древу Познания, а там и к «человеческому, слишком человеческому», и Господь указывал ему на выход.

Если бы это напоминание было единственным, и оно заслуживало бы, чтобы проделать путь, который мы проделали. Но в днях, проведенных со Святителем на камнях его храмов даже и в пустыне забвения, мы стократ лучше понимали, как узок, но и как необходим душе путь «правила веры» и как грозен урок «воздержания учителя» тем, кто закон этого воздержания преступает.

Двери рая все не заперты. Они только завалены камнями цивилизаций и ждут наших усилий. А вести нас есть кому.

Говорят, когда Московский кремль закрывался на ночь, сторожа перекликались так звонко, что было слышно и за кремлевской стеной. И от Успения несло «Пресвятая Богородица, спаси нас», от Архангельского собора с его великими мощами «Святые мученики Московские, молитесь Бога о нас», а уж дальше непременно следовало «Святителю, отче Николае, моли Христа Бога спастись душам нашим».

Потому что как же Руси без Николы!

Ольга ШЕЙПАК

ПРОЩАНИЕ С ПИСАТЕЛЕМ

16 сентября 2018 года ушел из жизни большой русский писатель, секретарь правления Союза писателей России, председатель Православного общества писателей Санкт-Петербурга Николай Михайлович Коняев.

Всего два года назад он приезжал в Ульяновск на вручение Международной литературной премии имени И.А. Гончарова.

Вручение Гончаровской премии

Трудно поверить, что умный, зоркий, озорной, бесконечно талантливый и живой Николай Коняев покинул этот мир. Почему так рано, так внезапно?

В памяти ульяновцев он навсегда останется улыбочивым и счастливым, озаренным жарким июньским солнцем Винновской рощи, где когда-то великий Гончаров писал свой роман «Обрыв». Во время Гончаровского праздника и юбилея Ульяновской писательской организации, глядя на Коняева со стороны, я подумала: Гончаров жив, его традиции продолжают. В лице Николая Коняева я увидела живого классика.

В тот день, когда пришла печальная весть о кончине писателя, Фонд С. Филатова в Ульяновске открывал 18-й Форум молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Было сказано немало правильных слов о литературе, говорилось о том, как взойти на литературный олимп. Я же, слушая красивые речи, тайком утирала слезы. На олимпе погасла одна из самых ярких звезд, но под вспышками телекамер многие небожители этого не заметили. И только ульяновские литераторы, работники культуры, библиотекари один за другим подходили ко мне

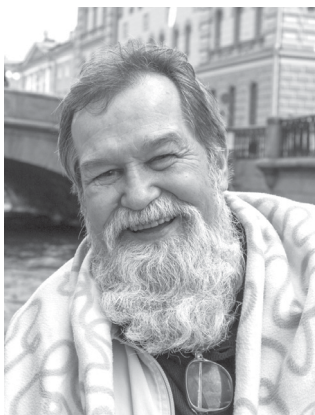
и скорбно шептали: «Коняев... Не может быть... Как же так, на самом подъеме?» Свою скорбь выражали даже те, кто лично не знал писателя.

У меня на столе – книги Николая Коняева, подаренные и подписанные автором. Я часто к ним обращаюсь. Нет, конечно же, настоящие звезды не гаснут на литературном небосклоне. Все истинное – на века. Такова русская классика. Таков Николай Коняев.

Его отпевал в Троицком соборе Александро-Невской Лавры митрополит Петрозаводский и Карельский Константин. После чина отпевания гроб был перенесен на Никольское кладбище, где была совершена лития и прошел траурный митинг, на котором были зачитаны телеграммы соболезнования от губернатора Санкт-Петербурга Георгия Полтавченко и губернатора Ленинградской области Александра Дрозденко. С поминальными речами к собравшимся обратились председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Борис Орлов, наместник Александро-Невской лавры епископ Кронштадтский Назарий, председатель собора православной интеллигенции профессор Валентин Семенов.

Похоронили Николая Михайловича справа от алтаря Никольского собора. С фотографии на нас смотрит добрый, пронизательный, умный друг и наставник, наш современник и классик, русский писатель Николай Коняев.

«...Сейчас тот удивительный момент, когда каждый гражданин нашей Родины может ясно осознать, как соотносятся сугубо частные переживания и те ощущения, что порождены движением истории... Сейчас каждый может почувствовать живительную и вдохновляющую силу времени, когда снова становится реальностью строительство империи, теперь уже очищенной от заложенных в ее проект ошибок, когда снова открылась перед народами нашей страны возможность движения по пути, идти по которому нам предназначено Богом».

Николай Коняев

Интервью Николая Коняева «Литературной газете», 29.10.2014

БЕЗ ЧИТАТЕЛЯ НЕ ОСТАНЕМСЯ

В этом убежден известный питерский писатель Николай Коняев

– Вы сами себя к какому литературному направлению относите?

– Я всегда говорил и говорю, что то, чем я занимаюсь в литературе, точнее всего можно определить как православный реализм.

– А что это такое?

– Мне кажется, что реалистического осмысления событий не может произойти, пока мы замыкаемся в гордыне самодостаточности, пока ищем разрешение проблем, полагаясь лишь на собственные силы.

Эти силы весьма скромны, как бы щедро ни был одарен человек. Они приобретают созидательную мощь только тогда, когда писатель связывает их с самыми главными проблемами, которые занимают его страну, когда воплощает их в светоносной глубине языка, созданного нашим народом за его тысячелетнюю православную историю.

Православная мораль отвергает все варианты неполноты и неисправности служения, независимо от того, в какой области – церковной, государственной, литературной – осуществляется оно, и достижение идеала, попытка идеального осуществления заложенных в человека способностей является тем знаком, по которому определяется правильность избранного пути.

Творчество в православии – это всегда попытка нарисовать и постигнуть созданный Богом мир. Самая важная и самая интересная для писателя тема – тема спасения человеком своей души.

Это и следует назвать православным реализмом – художественным методом, совмещающим познание мира и спасение собственной души. Этим художественным методом и пользовались, порою сами того не сознавая, гениальные русские писатели, в этом методе и достигало их творчество наиболее полного и яркого художественного результата.

И, напротив, если писатель не разделял принципов православного реализма, то в его творчестве всегда обнаружится стремление осмеять Божий мир, попытка разрушения его, сатанинская гордыня таких авторов порою

начинает заслонять и сам от Бога полученный ими дар...

Именно это и произошло с гениальным русским писателем Львом Толстым, когда он попытался переписать Евангелие и переосмыслить догматы православия...

– Раз уж мы коснулись такой острой темы, как Толстой и православие, то хотелось бы поговорить и о другом спорном вопросе: включении в школьную программу «Архипелага ГУЛАГ»

А.И. Солженицына. Нужно ли изучать его в школе? Если нет, то почему?

– Ницше сказал как-то, что совмещение под одним переплетом Нового и Ветхого Заветов является примером высочайшей филологической безвкусицы. Совмещение «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына со школьной программой по литературе является, на мой взгляд, примером еще большей филологической безвкусицы.

Можно по-разному относиться к творчеству Александра Исаевича, по-разному оценивать его роль в истории нашей страны, но, по-моему, и апологетам его творчества должно быть понятно, какое разрушающее воздействие на психику школьника оказывает многотомное повествование об ужасах советских тюрем и лагерей. Речь не о том, чтобы скрывать от ребенка, что существуют жестокость и страдания... Все это присутствует, к примеру, и в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина. Но у Пушкина, кроме картин расправы пугачевцев над дворянами и царских войск над пугачевцами, на первом плане – те высокие человеческие чувства, которые способны победить и ожесточенность Пугачева, и жестокосердие Екатерины II.

К сожалению, в «Архипелаге», написанном с публицистической хлесткостью и переживаниями, ничего этого нет. И если говорить о том, что в школе должно происходить не просто насыщение знаниями будущего труженика какой-нибудь силиконовой долины в штате Калифорния, а образование гражданина России, ее патриота и ее защитника, то, конечно же, школьное изучение «Архипелага» этому способствовать не будет. Тут одно только и успока-

ивает... Очень трудно представить себе школьника, способного осилить труд Александра Исаевича.

Вообще, если уж говорить об изучении Солженицына в школе, то гораздо перспективнее было бы включить в школьную программу его книгу «Бодался теленок с дубом». Там и про лагеря есть, и про многое другое, но есть и повествователь, который оказался способным преодолеть все трудности, человек, которого испытания сделали только более сильным и уверенным в своей правоте.

Когда я сам впервые прочитал эту книгу, мне было ужасно досадно, что она не попала мне раньше. Это наверняка помогло бы избежать некоторых ошибок...

– Куда в литературном смысле думаете двигаться дальше?

– Как раз в эти дни выходит моя новая книга «Храм поэта», а издательство «Центрполиграф» выпустило два толстых тома нашей с Мариной Коняевой книги «Русский хронограф. Одиннадцать веков русской истории». Это новое, значительно расширенное издание.

Когда я был молодым, думал, что дожить до третьего тысячелетия мне никак не суждено. Не потому что я болел тогда, а просто непонятно было, зачем нужно жить так долго. Сейчас, прожив уже четырнадцать лет в новом тысячелетии, непонятно другое: почему так мало живут люди? Замыслов, которые очень хотелось бы осуществить, значительно больше, чем число возможных оставшихся лет...

Беседу вел Владимир Шемшученко

ТРИ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ВОПРОСА ОТ «ЛГ»

– В начале XX века критики наперебой твердили, что писатель измельчал. А что можно сказать о нашем времени?

– Зато в конце XX века подобный вопрос прозвучал бы просто анекдотично. Русская литература XX века – это наша слава и наша гордость. Платонов и Шолохов не мельче, чем Тургенев и Гончаров. Они другие. Литература, не похожая на прежнюю, создается и сейчас. Другое дело, что ее непохожесть и мешает нам зачастую правильно оценить масштаб создаваемых сейчас произведений.

– Почему писатели перестали быть властителями дум? Можете ли вы представить ситуацию «литература без читателя» и будете ли вы продолжать писать, если это станет явью?

– Вообще-то это вопрос, какие писатели и какими своими произведениями становились властителями дум... В XIX веке к числу властителей дум, несомненно, можно причислить Белинского и Добролюбова, Чернышевского и Писарева. Пушкина и Лермонтова зачислить в их число сложнее, хотя бы уже потому, что главные произведения их воздействовали и продолжают воздействовать на читателя, не подчиняя его себе, а очищая его душу, наполняя ее светом. Разумеется, и такие гениальные художники, как Лев Николаевич Толстой, совер-

шали порою эскапады на территорию властителей дум, когда им почему-то становилось невозможно молчать, благополучно написав все свои великие романы.

Сейчас тоже немало кандидатов во властители дум, убеждающих читателя: дескать, не нужно России ни капиталистической, ни социалистической, ни демократической, ни монархической, никакой России не нужно, и не нужно мешать ей спокойно умирать...

И тут еще подумать нужно, может быть, лучше литературе вообще обойтись без владычества над думами читателей, очень уж это нехорошее занятие.

Мы говорим о падении интереса к литературе, принимая за точку отсчета семидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда раскупалась практически вся печатная продукция, независимо от ее качества и тиража. Но мы забываем, что таких пиков книжных продаж в истории России раньше не было и, наверное, не будет. То, что происходило в семидесятые-восьмидесятые годы, было обусловлено особым состоянием советского общества, которое едва ли повторится, и, конечно же, сработал тогда и разросшийся до невероятных размеров фактор «отложенного» чтения, когда книгу покупа-

ли не для чтения, а как бы про запас.

Если учесть эти обстоятельства, то получится, что нынешнее падение интереса к литературе весьма относительно, а если приплюсовать сюда еще и распространение электронных книг... Нет, я уверен, что горевать пока не о чем, и литература точно не останется без читателя.

А писать я, конечно, буду. Во-первых, не писать я просто не могу. А во-вторых, процесс создания литературного произведения не всегда ориентируется на скорейшее продвижение этой книги к читателю. Как-то сложно представить, что, создавая «Мастера и Маргариту», М.А. Булгаков не догадывался, что роман его будет опубликован очень и очень не скоро. Но есть и более поразительные примеры. Одна из самых великих книг русской литературы «Житие протопопа

Кабинет писателя в Санкт-Петербурге

Аввакума», хотя и распространялась активно в староверческом самиздате, но в качестве литературного произведения напечатана была только два с половиной столетия спустя. И, в-третьих, не будем забывать о том, что жизнь литературного произведения не ограничивается жизнью автора и даже самой страны, где эта книга создана. Мы читаем книги, написанные много столетий назад, и иногда эти книги переворачивают нас, воздействуют на нас гораздо сильнее, чем книги, написанные нашими современниками. Без этого будущего читателя литература никогда не останется.

– На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задал?

– Я, как мне кажется, сказал достаточно.

Источник –
«Литературная газета» №42/2014
от 29.10.2014

Нина Маркграф-Орлова

ВОТ И МНЕ...

Николаю Коняеву

Вот и лето уже на исходе.
запоздалые сняли хлеба.
По утрам за холодной дорогой
из тумана выходят стога.

Стало в озере страшно купаться.
Стало гулко на глубине.
Вот и птицам пора собираться.
Вот и мне...

На вручении премии имени святого благоверного князя Александра Невского. Николай Коняев и поэт Нина Маркграф-Орлова.

Николай Коняев в халате Обломова читает Гончарова. Ульяновск, 2016 год.

Наша справка:

Николай Михайлович Коняев родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт имени Горького. Первый рассказ опубликовал в 1974 году. Его произведения переведены на английский, немецкий, французский, китайский и персидский языки. Романы и повести Коняева отмечены литературной премией имени Василия Шукшина, премией имени Андрея Платонова и другими.

В 2016 году Николай Коняев стал лауреатом Гончаровской премии, был гостем Ульяновска, участвовал в Гончаровских торжествах.

Умер 16 сентября 2018 года в Санкт-Петербурге.

РИА Новости
<https://ria.ru/culture/20180917/1528680356.html>

НОЯБРЬ 2018

1 ноября – 195 лет назад родился историк, редактор и публицист Иван Кондратьевич Бабст (1.11.1823, г. Коротояк Воронежской губ. – 18.07.1881, с. Белавино Московской губ.). Автор работ по политэкономии, очерков «От Москвы до Лейпцига» (1859). Посетил Симбирск 12 – 15 июля 1863 года на пароходе «Турист» в свите наследника престола Николая Александровича, сына Александра II. В соавторстве с К.П. Победоносцевым издал «Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (1864).

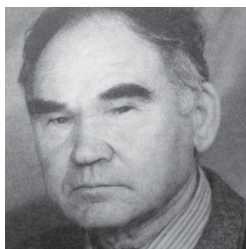
1 ноября – 60-летний юбилей отмечает писательница, литературный переводчик Мария Васильевна Семенова (р. 1.11.1958, г. Ленинград). Автор более 40 книг, в т. ч. исторических романов «Волкодав», «Валькирия», «Братья», энциклопедии «Мы – славяне!». Посетила Ульяновскую область 25 – 27 апреля 2017 года в рамках выставки-ярмарки «Симбирская книга». Провела творческие встречи во Дворце книги и библиотеке №1 «Мир искусств» в Ульяновске, в районном Доме культуры поселка Старая Майна. Живет в Санкт-Петербурге.

3 ноября – 130 лет со дня рождения журналиста, краеведа, историка литературы Николая Александровича Державина (3.11.1888, г. Ардатов Симбирской губ., ныне Республики Мордовия – 16.03.1928, г. Красилон Хмельницкой обл. Украинской ССР). Окончил Симбирскую духовную семинарию. Много лет работал над историей Симбирского театра и словарем деятелей Симбирского края. Автор статей об А. Пушкине, Д. Минаеве, И. Гончарове, Д. Садовникове, легенд и сказов «Озеро Маришка», «Вещий сон Карабая», «Весеннее чудо».

5 ноября – 285 лет назад родился писатель Михаил Матвеевич Херасков (5.11.1733, г. Переяславль, ныне Переяслав-Хмельницкий Киевской обл. Украины – 9.10.1807, г. Москва). В 1767 году в свите Екатерины II совершил плавание по Волге, 5 – 8 июня был в Симбирске. В пути участвовал в переводе на русский язык сочинения Ж.-Ф. Мармонтеля «Велисарий», ряда статей французской энциклопедии. Автор трагедии «Венецианская монахиня» (1758), романа «Нума Помпилий, или Процветающий Рим» (1768), поэмы «Россияда» (1779) и др.

5 ноября – 115 лет назад родился кинорежиссер, сценарист Евгений Степанович Петров-Скиталец (5.11.1903, г. Н. Новгород – 1965, США). Сын писателя С.Г. Петрова-Скитальца. В 1918 – 1921 годах – актер и режиссер любительской драматической студии в Симбирске, окончил здесь пролетарскую школу им. К. Маркса (1922). Автор фильмов «Кто кого» (1925), «Тревога» (1926), «Ледяная судьба» (1928) и др. Во время войны сбежал в США, один из лидеров диссидентской «Кронштадтской группы», написал несколько книг о диктатуре в СССР.

8 ноября – 90 лет со дня рождения писателя Петра Трофимовича Мельникова (8.11.1928, с. Сосновка Чердаклинского р-на Средневолжской, ныне Ульяновской обл. – 11.08.2012, г. Ульяновск). Работал бригадиром плотников в автохозяйствах Ульяновска. Автор книг стихов и прозы «Горькая трава свергузик» (1995), «Песня зеленого луга» (2001), «Столбунцы» (2001), «На дальней кошаре» (2002), «Перевалы судьбы» (2010), «Иван и Надя» (2011) и др. В 2017 году имя П.Т. Мельникова присвоено библиотеке пос. Мирный Чердаклинского района.

10 ноября – 115 лет назад родился прозаик Кузьма Яковлевич Горбунов (10.11.1903, с. Паньшино Сызранского у. Симбирской губ., ныне Радищевского р-на Ульяновской обл. – 22.03.1986, г. Москва). Работал в газетах Самары, Сызрани, Симбирска. В Ульяновске написал роман «Ледолом» (1930). С 1931 года жил в Москве. Был членом оргкомитета I съезда Союза писателей СССР (1934). Автор книг «Шефовы сапоги» (1925), «Чайная «Уют» (1930), «Жалость» (1932), «Подвиг» (1936), «Семья» (1939), «Когда люди не умирают» (1942) и др.

11 ноября – 50 лет со дня рождения поэта Искандера Фяртудиновича Фасхутдинова (11.11.1968, с. Уразгильдино Чердаклинского р-на Ульяновской обл. – 4.10.2018, с. Татарский Калмаюр Чердаклинского р-на). Окончил Ульяновский педагогический университет им. И.Н. Ульянова (2000). Работал директором Мирновской средней школы им. С.Ю. Пядышева Чердаклинского района. Один из авторов «Баллады о родном крае» (2012). Стихи публиковались в журнале «Симбирскъ» (2013), антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2014), на многих сайтах в сети Интернет.

15 ноября – 70 лет со дня рождения поэта Владимира Николаевича Дворянского (15.11.1948, с. Екатериновка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл. – 4.10.2016, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский пединститут. Работал в областных газетах, в детской библиотеке, в журнале «Мономах». Автор многих поэтических сборников, в т. ч. «Осенние костры» (1976), «Водополь» (1978), «Свет июльских полей» (1982), «Ранний снег» (1989), «Летние часы» (1999), «Чистота и радость света» (2007). Член Союза писателей СССР и России (1978).

16 ноября – 45-летний юбилей отмечает поэт и прозаик Сергей Александрович Сумин (р. 16.11.1973, г. Тольятти). Окончил Тольяттинский педагогический институт. Работал в Тольятти учителем, журналистом. Главный редактор альманаха литературы Поволжья «Графит». Публиковался в антологии «Нестолничная литература», журнале «Волга», сборниках «Легко быть искренним» и «Самарский верлибр». Автор нескольких книг прозы. Участвовал 26 августа 2017 года в фестивале «Литературный перфоманс» в Ульяновске.

16 ноября – 35 лет исполняется поэтессе Татьяне Владимировне Рожновой (р. 16.11.1983, г. Ульяновск). Окончила отделение поэзии Литературного института имени А.М. Горького. В 2001 году под псевдонимом Татьяна Линде стала финалисткой

Всероссийской премии «Дебют» в номинации «Поэзия». Стихи публиковались в сборниках «Пачка С», «Анатомия ангела», в журналах «Мы», «Мономах», «Карамзинский сад», «Симбирскъ», в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века». Пишет стихи и прозу. Живет в Ульяновске.

17 ноября – 115 лет назад родился чувашский прозаик и драматург Петр Тихонович Петров, псевдоним – Тихон Педэрки (17.11.1903, с. Кошки-Новотимбаево Буинского у. Симбирской губ., ныне Тетюшского р-на РТ – 26.03.1976, г. Казань). Окончил Ульянов-

ский пединститут (1950). Преподавал в чувашском педтехникуме в Ульяновске (1924 – 1926), работал в Сенгилеевском р-не учителем, зав. районо, преподавателем педучилища (1926 – 1950). Автор книг «Мечта» (1941), «Молния среди ночи» (1964) и др. Член Союза писателей СССР (1965).

19 ноября – 105 лет со дня рождения артиста эстрады, поэта-сатирика Юрия Николаевича Благова (19.11.1913, ? – 2003, Москва). В 1930-х годах жил в Самаре, публиковался в местных газетах, бывал проездом в Ульяновском округе Средне-

вожского края. Окончил Всесоюзную студию эстрадного искусства (1941). Автор сборников стихов «Своими словами» (1954), «Быка за рога» (1962), «Всякое бывало» (1975), «Гимн шутке» (1982), книг о цирке «Юрий Дуров» (1968), «Чудеса на манеже» (1984) и др. Член Союза писателей России.

19 ноября – 50-летний юбилей отмечает прозаик Дмитрий Анатольевич Юдин (р. 19.11.1968, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский государственный педагогический институт имени И.Н. Ульянова по специальности «преподаватель истории» (1993). Сочиняет

преимущественно детские сказки. Автор изданных в Ульяновске книг «Пожарный переулочек» (2010) и «Волшебнику. До востребования» (2013). Публиковался в антологии «Ульяновская словесность: начало XXI века» (2014). Живет и работает в Ульяновске.

21 ноября – 80 лет со дня рождения поэта Геннадия Федоровича Матвеева (21.11.1938, с. Чуфарово Тагайского р-на Куйбышевской обл., ныне Майнского р-на Ульяновской обл. – 5.10.2017, г. Ульяновск). Окончил Ульяновский политехнический институт (1971). Работал директором завода «Автозапчасть» и ОАО «Автодеталь-Сервис» (1979 – 2002). Был депутатом Ульяновской городской думы. Автор поэтических сборников «Дышу строкой, душой согретой» (1994), «Под дымком сигареты» (2001) и др. Член Союза писателей России (2000).

21 ноября – 65-летний юбилей отмечает детский писатель, бард Ирек Ахатович Гатауллин (р. 21.11.1953, г. Казань). Окончил Казанский энергетический институт. С 1979 года живет в Ульяновске, где организовал детско-юношеский клуб самодеятельной песни. Организатор проекта «Детская

поющая республика» на Грушинском фестивале. Автор книг «А зря никто не верил в чудеса!..», «Семь плюс семь», «Одуванчиковое лето», «Дашка – белая ворона», «Венец над Волгой», исторического романа «Век» о событиях в Симбирске.

23 ноября – 80 лет со дня рождения прозаика Ольги Васильевны Крыловой (р. 23.11.1938, с. Ново-Никулино Цильнинского р-на Ульяновской обл.). Окончила Казанский университет. Более 30 лет работала в газете Ульяновского автозавода. Автор книг «Домна Назаровна» (1980), «Красно-

тал» (1993), а также в соавторстве с Н.В. Крыловой – «Ночь на Крутояре» (2002) и «Час между собакой и волком» (2003). Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийского литературного конкурса Союза писателей России «Мастер» в номинации «Проза» за повесть «Утренняя смена» (2010). Живет в городе Красноармейске в Подмосковье.

27 ноября – 65 лет исполняется поэту и рок-музыканту Борису Борисовичу Гребенщикову (р. 27.11.1953, г. Ленинград, ныне С.-Петербург). Основатель рок-группы «Аквариум» (1972). Автор поэтических сборников «Книга песен» (2006), «Трамонтана» (2013), «Серебро Господа моего» (2013)

и др. Написал повесть «Лес» и рассказ «Иван и Данило». Несколько раз выступал в Ульяновске с концертами, в т. ч. в июне 2005-го, а также только для проживающих парк-отеля «Архангельская слобода» в июне 2013 и 2014 годов.

28 ноября – 115 лет назад родился татарский писатель, поэт и драматург Адельша Нурмухаметович Кутуев, творческий псевдоним – Адель Кутуй (28.11.1903, с. Татарский Канадей Саратовской губ., ныне Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 16.06.1945, г. Згеж, Польша). Жил в Самаре и Казани, не раз бывал проездом в Симбирской губернии. Автор пьес «Сестры в законе» (1926), «Котел» (1927), «Ответ» (1929), повести «Неотосланные письма» (1936), романов «День Султана» (1938), «Муки совести» (1939) и др.

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ НОЯБРЯ

Мария СЕМЕНОВА (р. 1958)

ПЕСНЬ ВОЛКА

Одинокая птица над полем кружит.
Догоревшее солнце уходит с небес.
Если шкура сера и клыки, что ножи,
Не чести меня волком, стремящимся в лес.

Лопоухий щенок любит вкус молока,
А не крови, бегущей из порванных жил.
Если вздыблена шерсть, если страшен оскал,
Расспроси-ка сначала меня, как я жил.

Я в кромешной ночи, как в трясине, тонул,
Забывая, каков над землей небосвод.
Там я собственной крови с избытком хлебнул –
До чужой лишь потом докатился черед.

Я сидел на цепи и в капкан попадал,
Но к ярму привыкать не хотел и не мог.
И ошейника нет, чтобы я не сломал,
И цепи, чтобы мой задержала рывок.

Не бывает на свете тропы без конца
И следов, что навеки ушли в темноту.
И еще не бывало, чтоб я стервеца
Не настиг на тропе и не взял на лету.

Я бояться отвык голубого клинка
И стрелы с тетивы за четыре шага.
Я боюсь одного – умереть до прыжка,
Не услышав, как лопнет хребет у врага.

Вот бы где-нибудь в доме светил огонек,
Вот бы кто-нибудь ждал меня там, вдалеке...
Я бы спрятал клыки и улегся у ног,
Я б тихонько притронулся к детской щеке.

Я бы верно служил, и хранил, и берег –
Просто так, за любовь! – улыбнувшихся мне...
...Но не ждут. И попрежнему путь одинок,
И охота завить, вскинув морду к луне.

Михаил ХЕРАСКОВ (1733 – 1807)

ЗНАТНАЯ ПОРОДА

Не славь высокую породу,
Коль нет рассудка, ни наук;
Какая польза в том народу,
Что ты мужей великих внук?

От Рюрика и Ярослава
Ты можешь род свой произвести;
Однако то чужая слава,
Чужие имена и честь.

Их прах теперь в земной утробе,
Бесчувствен тамо прах лежит,
И слава их при темном гробе,
Их слава дремлюща сидит.

Раскличь, раскличь вздремавшу славу,
Свои достоинства трубя;
Когда же то невместно нраву,
То все равно, что нет тебя.

Коль с ними ты себя равняешь
Невежества в своей ночи,
Ты их сиянье заслоняешь,
Как облак солнечны лучи.

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена –
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.

Безумный с мудрым не равняйся
И славных предков позабудь;
Коль разум есть, не величайся,
Заслугой им подобен будь.

Среди огня, в часы кровавы,
Скажи мне: «Так служил мой дед;
Не собственной искал он славы,
Искал Отечеству побед».

Будь мужествен ты в ратном поле,
В дни мирны добрый гражданин;
Не чином украшайся боле,
Собою украшай свой чин.

В суде разумным будь судьейю,
Храни во нравах простоту, –
Пленюся славою твоею
И знатным я тебя почту.

Петр МЕЛЬНИКОВ (1928 – 2012)

МОЙ ГОРОД

Мой город не из древности глубокой,
Но прочно утверждается в веках.
Стоит над Волгой на горе высокой,
На речках, на озерах, родниках.

Не завлекут меня края иные,
Я свой предел покинуть не могу.
Живут мои знакомые, родные
На правом и на левом берегу.

В садах Подгорья перед звездопадом
Услышал я, как яблоки стучат.
С Венца простор оглядывая взглядом,
Взывал я к предкам, но они молчат.

Люблю, когда на город и поселки
Ночных огней прольется красота
И на запястье задремавшей Волги
Браслетами сверкают два моста!

* * *

Стою над Волгой у причала,
Где берег движется чуть-чуть.
И если б все начать сначала,
Я б выбрал тот же самый путь.

На камнях ветер точит грани,
С волны срывает тучи брызг,
И чей-то парус встал в тумане,
Как одинокий обелиск.

О СЕБЕ

Знаешь сам, был ты в жизни печальной
Не из тех, кто твердит: ох да ох!
Что в душе до поры было тайной,
Вырвет с болью прерывистый вздох!

Грустно думать, что ты здесь не вечен,
И конец твоей жизни так прост;
И на небо глядеть в тихий вечер
На изломы таинственных звезд.

С удивительным миром прощаться,
С тем, чем жизнь и была хороша!
Когда с Богом забытым общаться
Начинает в прозренье душа.

Искандер ФАСХУТДИНОВ (1968 – 2018)

БАЛЛАДА О РОДНОМ КРАЕ

Будь гостем желанным озерного края,
Воды родниковой с ладони испей,
И перед тобою, шелками играя,
Раскинется даль чердаклинских степей!
Часовни и храмы, болгарские камни
И рвы Белоярской засечной черты –
Все то, что укрыто семью веками,
Душою и сердцем почувствуешь ты...

1769

ДЕД

Телега тряская... За нею вьется пыль...
Разлился тихий, чуть прохладный вечер...
И дед, седой и старый, как ковыль,
Тулуп от сырости набросил мне на плечи.

Как пахли сеном зрелым и рекой
Те вечера, что был я рядом с дедом!
И он легко натруженной рукой
Мог отстранять мои любые беды.

Не гнутся пальцы на его руках,
Как будто умерли, все трудное изведав.
И въелись в кожу порох, пот и прах:
Война и поле – вот вся доля деда.

Телега тряская, тихонько дед поет
Напев старинный моего народа...
Я под тулупом... Мне девятый год...
Я сын и внук... Я – продолжатель рода!

В его напеве высота степей,
Не тронутых с момента сотворенья...
Наверное, тогда души моей
Рукою жилистой само коснулось Время.

Уже давно его со мною нет,
Но то тепло храню все годы эти.
За этот дар тебе спасибо, дед –
Мой самый мудрый человек на свете.

...И на исходе Рокового Дня,
В конце пути, отмеренного скупю,
Укроет Вечность, может быть, меня
Тем самым теплым дедовым тулупом...

Владимир ДВОРЯНСКОВ (1948 – 2016)

* * *

Над Волгой медленно светало,
И даль была еще темна.
И что-то в сумраке искала
На ошупь длинная волна.

Кричали чайки у причала,
Затеяв долгий-долгий пир.
Как будто было все сначала:
И эта жизнь, и этот мир.

Там за рекой вставали зори,
Росли, казалось, из волны.

Как будто не было здесь горя,
Как будто не было войны.

Как будто вьюга не металась
Над той могильною травой.
Как будто бабка не осталась
Двадцатилетнею вдовой.

* * *

Тропка стелется прямая
От деревни до реки.
Здесь в степи с ордой Мамаю
Бились русские полки.

Хоть и помнит лихолетье,
Но молчит с небес звезда.
Не найти спустя столетья
Ни могилы, ни креста.

Лишь над речкой голубою,
Где густеет к ночи тишь,
Будто стрелы в поле боя,
Из травы торчит камыш.

Да в степи весенней, пестрой,
Где закат высок и ал,
Как рубец от сабли острой,
С тех времен остался вал.

Да еще от прежней жизни
Перешла к нам предков кровь
Да любовь к родной Отчизне,
Та, священная любовь.

Сергей СУМИН (р. 1973)

* * *

дорога уходила в сад
где жили божества
то край замысленных оград
сиянье торжества
мелодия тонула в гул
летел прозрачный снег
мы шли пока он не уснул
и не утратил бег
мы ринулись за перевал
тьма истончалась в свет
все проходили сквозь обвал
божественных монет
дорога устремлялась ввысь
земной кончался срок
мы достигали мы дрались
мы видели итог

* * *

в горах сосновые сонаты
как жизнь упавшая с листа
вверху – отбеленные скаты
внизу – покой и тишина
печаль, в которой постоянство

2005

чужие львиные глаза
и скал волшебное убранство
их неземная высота
то рай исчисленных мгновений
беззвучие рожденных форм
как отвержение сомнений
когда ты пустотою полн

2006

* * *

Завеса тишины – невыплаканный воск,
И пауза дождя раскачивает мозг,
Меняет цвет листва, уходят тополя,
А мне нельзя назад, а мне туда нельзя.
Куда бы ни ушел – вершины тихо спят,
И только тишина, и только листопад...
В желании уйти – желание взлететь,
Звнящая в крови не выплакана медь.
Завеса тишины, но ловит чуткий слух
Мелодию любви – вечно парящий дух,
И сны, как листопад, укроют эту твердь,
И кажется, что жизнь преодолет смерть.

2007

Татьяна РОЖНОВА (р. 1983)

* * *

Как холодный пепел, несомый ветром,
Разжигает страхи и сеет скорби,
Так Земля вращается в стиле ретро
И песчаной пылью пустоты кормит.

Привыкает слово к лакейским гетрам,
Привыкают земли к соленой крови,
Сарабанду память играет нервам,
И потоки ртути стекают с кровли.

В Ереване, Лейпциге, Вифлееме,
На семи холмах, под горою желтой
Мы живем, как можем и как умеем,
Укрываясь в горести черным шелком.

* * *

Поднебесный бисер переплетный,
Спутника рекламная строка...
Разве только с песней перелетной
Вечной, как мотивчик про сурка,

Не случится самого кошмара –
Ни забвенья, или забытья,
Растворенья аш два О как пара,
Раздробленья, как от колотья.

С красотой, доступной телескопам,
Ангелам и кой-кому еще,
С бисером небесным в перископах,
С наготою облачных трущоб

Приключиться ничего не в силах
Ни сейчас, ни впредь. На все века –
Поднебесный бисер, ветер в ивах
И комет бегущая строка.

ПОЕЗД

Никому не спится. Никому.
 Ни гребенки сонной, ничего.
 Задевая нервную струну,
 Раздувает капюшон Прево
 Слезный ветер. И никто не спит.
 Из трубы чернильный едкий дым.
 Что там дальше, ну?
 Баку? Аид?
 Черти пляшут в топке.
 Троя? Крым?
 И не спит никто.
 И никто...
 И дыханье вяжется в звукоряд.
 А Пилат ладонями студит лоб.
 И ему особый готовят ад.

Юрий БЛАГОВ (1913 – 2003)

ОСТОРОЖНЫЙ КРИТИК

Мы – за смех! Но нам нужны
 Подобрее Щедрины
 И такие Гоголи,
 Чтобы нас не трогали.

ЖЕРТВА ДРУЖБЫ

– Ты что ж, Трофим, валяешься в пыли?
 – Взял на троих... а двое не пришли...

АТЕИСТ

Я к Ивановым в гости впредь
 Не буду набиваться –
 У них квартира, как мечеть:
 В ней надо разуваться.

ЧИТАТЕЛЬ

Сегодня в 9.35
 Во мне проснулась совесть.
 Довольно лодыря гонять,
 Засяду-ка за повесть!
 Я книжку эту, всю как есть,
 Прочту, не встав со стула...
 Но совесть в 9.36
 Опять во мне заснула.

ПАЦИЕНТ И ВРАЧ

– Ваш диагноз был суров,
 Предрекал мне путь к могиле,
 Я же снова жив-здоров...
 – Вас неправильно лечили!

КОРОЛЕВА

Что мне летчицы, что мне артистки,
 Исключительность мне не нужна,
 Королева моя – из химчистки,
 Там приемщицей служит она.
 Зубы – жемчуг, как фары, глазищи,
 Нежный голос и гордая стать,
 С ней и сам-то становишься чище,
 Не успев ничего еще сдать!

Не сидит королева на троне,
 А других приглашает присесть.
 Верноподданных в микрорайоне
 У такой королевы не счесть.
 За прилавком она излучает
 Обаянье и радостный свет...
 Непрестижных работ не бывает,
 И профессий нетворческих нет!

Геннадий МАТВЕЕВ (1938 – 2017)

* * *

Коварство – скверная подруга.
 Коварство – подлая игра.
 Но нет страшней коварства друга,
 Оно – как нож из-за угла.
 Оно – как яд в бокале с медом,
 Удар, которого не ждешь.
 Оно – как омут вместо брода,
 Где так уверенно идешь.

* * *

Говорят, есть печаль,
 Я не верю.
 Я ее не пускал на порог.
 В мои окна, в открытые двери
 Лишь веселья влетал ветерок.
 Говорят, есть хандра,
 Я не верю.
 Я ее провожал стороной,
 А открытые окна и двери
 Вечно звали меня в непокой.
 Говорят, есть измена,
 Не верю.
 Значит, не было дружбы большой,
 И в открытые окна и двери
 Проскользнул просто кто-то чужой.
 Говорят, есть и зависть,
 Не верю.
 Видно, мне до сих пор все везло,
 И в открытые окна и двери
 Проникало людское тепло.

* * *

Пришла нежданно-нежданно,
 Очаровав теплом души,
 Звездой, сверкнувшей из тумана,
 Раскатом грома из тиши.
 Все в вихре ласк перевернула,
 Вспенив остуженную кровь...
 Очаровала, захлестнула
 Обоих прежняя любовь.

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ (р. 1953)

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ

Когда попал впервые Беринг
 В северо-западный проход,
 Он вышел на пустынный берег,
 А мимо ехал пароход.

Там Бонапарт работал коком,
 Но не готовил он еды –
 Лишь озирали свирепым оком
 Сплошную гладь пустой воды.

Так мчался дико между скал он
И резал воду, как кинжал.
Увы, не счастья искал он
И не от счастья бежал.

МАНЕЖНЫЙ БЛЮЗ

В озере слов я нашел свою душу,
Читая следы свои на зеркалах.
Ты думаешь, я буду вечно послушен?
Думай, пока это так.

Когда-нибудь в час неясный и сонный
Снова проснутся в глазах облака;
Придет этот час, и я уйду вместе с солнцем
Дорогой, ведущей в закат.

ГОРОД ЗОЛОТОЙ

Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой,
А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красы:

Одно – как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

А в небе голубом горит одна звезда.
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят,
Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад.

Тебя там встретит огнегривый лев,
И синий вол, исполненный очей,
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый.

Адель КУТУЙ (1903 – 1945)

ТОСКУЮ

стихотворение в прозе

Удивительные, душистые цветы чужой стороны. Я вдыхаю их аромат. Я вдыхаю, но мне все равно не хватает воздуха – спазмы в горле. Тихий запах полыни с родного поля исцелил бы меня.

Тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина моя.

Я из чистых ключей, из глубоких колодцев пью ледяную воду. Я пью, но не могу утолить жажду. По вольной Волге, широкому Дону, быстрой Арагве и светлому Диму я тоскую. Тоскую по их родной воде – только глоток, только глоток из устоявшегося лугового озера я пил бы, как редкое вино.

Я тоскую, сильно тоскую по тебе, Родина далекая.

Я шел через Карпаты. Я у финляндских озер отдышал, но не видел ничего вдохновеннее Казбека, величественнее Эльбруса, легче белых чаек на род-

ных озерах ничего не встречал.

Разве повторима твоя красота, Родина моя?

Я прохожу через деревни, города чужой стороны. Я иду в Берлин. Букеты цветов несут мне дети. Седые старики прозрачное вино наливают мне. Девушки-чужеземки протягивают из корзин виноград и улыбаются, говоря:

– Ты нас от смерти спас. Иди к нам, красивый парень. Нашим гостем будь. Останься с нами...

Но я не могу улыбаться – их вино не опьяняет меня, их улыбки не согревают меня, и я продолжаю дальше свой путь. Я будто вижу веселые, с рассыпающимся гомоном праздники в далеком доме, когда даже усталые ноги танцевать идут от легкого вина. Я будто вижу тонких девушек, и они согревают меня, смеющиеся дети согревают меня.

Я гордо иду – я в чужбине победителем, не пленником прохожу. Для меня распахнуты ворота каждого двора, любые двери для меня открыты. Но я не войду в них. Я думаю о святом доме своей земли. Я спешу к нему, к его порогу. Я знаю, дорога к дому лежит через Берлин – и я спешу туда, чтоб никогда не было мучительного расставания с Родиной.

Ярость закипает во мне, нестерпима тоска по родному краю, и я запеваю:

Родина ваша некрасивая.
Вода ваша невкусная.
Домой возвратиться хочу.

Я пою. Мы выходим на площадь. Девушки-польки поздравляют нас, хорошие песни поют нам, но моя душа далеко – я по своей Красной площади тоскую, я из дома присланные письма читаю. Друзья и родные мои спрашивают меня:

– Скучаешь ли?

Сердце сжимается. Я отвечаю:

В большой дороге
К Родине моей
Мне телеграфные столбы
Указали путь.

– Тоскуешь ли? – спрашиваете. Разве можно не тосковать.

Истосковался, сильно истосковался по тебе, Родина моя.

Любовь к тебе окрыляет меня, возвышает меня, приближает к тебе.

Где, как не на чужбине, открываешь вдруг, затосковав, что нет для человека дорожке единственной Родины, священнее ее.

Чем больше тоскую, тем острее тосковать хочется. Грусть настолько сильна, что верю в возвращение.

А если не возвращаться – зачем тосковать?

Я тоскую по тебе, очень тоскую, Родина моя.

Перевод Рустема Кутуя

*Подборку составил
Н. Марянин*